Дмитрій Адамсъ

ОБНАЖЕННАЯ

ИЗДАНІЕ М. ДИДКОВСКАГО
Рига, Ткацкая 9

Всѣ права сохранены
за авторомъ

Alle Rechte vorbehalten

Copyright by the author

Типографія „Vārds“, Рига,
Бл. Плавучая ул.[F] № 24.
Телефонъ 2-344-0-9.

I

Онъ шелъ по каменнымъ плитамъ въ лабиринтѣ безконечныхъ домовъ. По улицамъ грохотали телѣги, дребезжали конки. Встревоженные и угрюмо озабоченные люди широкой, мокрой толпой двигались по тротуарамъ. Иногда онъ останавливался, вглядывался въ лица прохожихъ, хотѣлъ подойти къ первому встрѣчному, взять его за руку, остановить и выразить ему горе своего одиночества; но встрѣчные, занятые и торопящіеся, проходили не замѣчая его, а если кто и примѣчалъ, то смѣривалъ его холоднымъ отчуждающимъ взглядомъ, какъ бы сталкивалъ прочь съ дороги. Обдавая липкой грязью проносились мимо безшумные экипажи. Въ нихъ, какъ бы отдѣленные отъ земли, сидѣли чистые, довольные собою люди; они казались чужими этому городу, какъ-будто они не жили въ немъ, а только проѣзжали мимо него.

Съ неба, во всю ширь его, медленно опускался на городъ сѣрый халатъ сумерекъ. Робко засвѣтились рѣдкіе фонарики. Въ ихъ свѣтѣ лица прохожихъ казались желтыми, неживыми, и въ вечерней принаряженной, снующей безъ дѣла толпѣ, онъ чувствовалъ себя

совершенно одинокимъ и потеряннымъ. Остановился передъ горящимъ огнями театромъ и, не думая, вошелъ. Кино-барышня взяла его за руку и довела до края креселъ. Въ креслахъ было пусто и темно. Щелкалъ аппаратъ, двигались фигуры, улыбались чьи-то далекія лица, и отъ первыхъ рядовъ доносился грубый шумъ и смѣхъ толпы. Вдругъ рядомъ съ нимъ вспыхнула спичка... вспыхнула — и освѣтила задумчивое молодое женское лицо. Огонекъ папиросы то горѣлъ красной звѣздочкой въ воздухѣ, то дрожалъ желтымъ свѣтлячкомъ въ опущенной рукѣ. Пахло табачнымъ дымомъ и чуть внятнымъ запахомъ духовъ...

Въ антрактѣ онъ вглядѣлся въ сосѣдку пристальнѣе: высокая, стройная, съ нѣжными, точеными чертами матоваго лица; ротъ, красиво вырѣзанный, съ тонкими, крутыми, крѣпкими губами; глаза – небольшіе, длинные, сѣро-синіе, съ ласковымъ, призрачнымъ блескомъ; тонкій, правильный носъ.

Лицо иного человѣка очень измѣнчиво и особенно въ зависимости отъ того, сидитъ ли человѣкъ одинъ, или чувствуетъ, что на него смотрятъ, — и теперь ему показалось, что, при всей строгости линій ея лица, въ немъ было что-то дѣтское, вспомнились тѣ искрящіяся, прозрачныя точечки, которыя онъ уловилъ раньше въ полутьмѣ въ ея задумчивосощуренныхъ глазахъ.

Одѣта она была хорошо: въ синій, плотно облегавшій фигуру, костюмъ. Была стройна: выше средняго роста, пропорціонально сложенная, гибкая и хрупкая, какъ подростокъ-дѣвочка.

Опять потухло электричество и непріятно замигалъ аппаратъ. Тихо напѣвала что-то музыка... Вспоминалось дѣтство... Хороводы и пѣсни дѣтей. Среди нихъ — дѣвочка съ тонкой шеей и маленькими загорѣлыми босыми ножками въ короткомъ ситцевомъ платьѣ... Вспомнилось, какъ они бѣгами вмѣстѣ, рѣзвились и какъ, запыхавшись, дышали другъ другу въ лицо... Онъ закрылъ глаза, и ему представилось, что онъ ушелъ изъ города и находится въ полѣ. Рядомъ съ нимъ идетъ стройная дѣвушка въ легкихъ одеждахъ цвѣта полей. Подъ ногами ластится трава; вѣтеръ шевелитъ ихъ волоса, а надъ зелеными полями плывутъ кружевныя облака. Бѣлое облако летитъ такъ низко, что, кажется, можно захватить его рукой. Дѣвушка подпрыгнула, сѣла на облако и полетѣла вверхъ. Онъ побѣжалъ, хотѣлъ нагнать ее, но облако поднималось все выше — и скоро скрылось въ небѣ вмѣстѣ съ ней.

Опять вспыхнуло электричество. Ихъ взгляды встрѣтились. Она живо и серьезно взглянула на него. Улыбнулась. Съ рѣсницъ къ ея губамъ спустилась свѣтлая тѣнь, и тонкая полоска губъ чуть-чуть вздрогнула и показала въ разрѣзѣ своемъ рядъ ровныхъ жемчужныхъ зубовъ.

Чуть коснулась колѣнъ его своимъ платьемъ и тихо проплыла-ушла.

Стояло лѣто. Лучи солнца заливали улицы. Дома и мостовыя плавились въ раска-

ленномъ золотомъ воздухѣ. Люди шли перевитые золотыми и серебряными нитями. Женщины пестрѣли разноцвѣтными красками яркихъ лѣтнихъ одеждъ.

Онъ бродилъ безцѣльно въ трепещущей, оживленной женской толпѣ. У окна моднаго магазина увидѣлъ ее. Она тоже обернулась, но не остановилась; пересѣкла улицу и пошла по бульвару. На ней было легкое сиреневое платье и шляпа съ блѣдно-розовыми, отдѣланными зеленью, цвѣтами.

Маленькія ноги въ свѣтлыхъ туфелькахъ неуловимо легко двигались, и на мягкомъ податливомъ гравіи дорожки оставляли четкій слѣдъ. Онъ старался прикрывать ногою этотъ слѣдъ и наслаждался лаской, которую никто не видѣлъ и не могъ у него отнять. Повторялъ слова, съ которыми хотѣлъ обратиться къ ней; но лишь нагонялъ ее, слова таяли и становилось страшно.

Вышли на Неву. Онъ глянулъ на зеленую водную даль, и въ массѣ нахлынувшаго на него солнечнаго свѣта потерялъ ее. Побѣжалъ по улицѣ, наталкивался на прохожихъ; искалъ ее— но ея нигдѣ не было. Онъ почувствовалъ, что ноги у него подкашиваются и во рту накапливается что-то вязкое, теплое; наклонился, отплюнулъ и увидѣлъ кровь.

— Что съ вами? Вы нездоровы? — Ея голосъ звучалъ ласково; она наклонилась къ нему.

Онъ стоялъ передъ нею, облокотившись на перила и не сразу поднялъ лицо; ему не вѣрилось, что это она, и онъ боялся разочароваться. Платье на немъ было ветхое. Фуражка,

сбитая на затылокъ, выцвѣла и брюки съ вытянутыми колѣнями висѣли неуклюже на длинныхъ ногахъ. Тонкая блѣдная кожа плотно обтягивала выдающіяся скулы и высокій лобъ. Носъ у него былъ короткій, измятый, ротъ большой съ толстыми губами. Широкія брови низко нависли надъ зеленовато-синими выпуклыми глазами.

Всякое внезапное переживаніе порождало въ немъ двойныя чувства, и теперь увидѣвъ ее, онъ болѣзненно улыбался, такъ какъ чувствовалъ, кромѣ радости, также и боль. Его губы растягивались въ улыбку, но глаза оставались по-прежнему сосредоточенно-грустными, смотрѣли сумрачно, какъ бы не довѣряя себѣ. Шелъ рядомъ съ нею и чувствовалъ, какъ что-то падаетъ внутри его, падаетъ и поднимается вновь —свѣтлое, могучее... и когда оно касалось его — ему было хорошо; но опять становилось какъ-то до боли страшно, и снова настигало мгновеніе быстрое, какъ молнія, съ необыкновеннымъ порывомъ откровенія всѣхъ душевныхъ силъ... Смотрѣлъ на ея платье, сквозящее, какъ предзакатное лѣтнее облако, и хотѣлъ такъ, рядомъ съ нею, идти безъ конца...

Часто ходилъ въ кино; томился желаніемъ увидѣть ее. Однажды въ праздникъ всѣ мѣста въ кино были заняты. Остановился въ проходѣ, тревожнымъ взглядомъ обѣгая залъ. Дама, сидѣвшая рядомъ, посторонилась, коротко бросила ему «садитесь!» и, прежде, чѣмъ онъ успѣлъ приглядѣться къ ней, по голосу и манерѣ держать себя узналъ ее.

— Да садитесь же скорѣе! Смотрите: прозѣваете. Садитесь, и читайте мнѣ, пожалуйста, надписи, а то я плохо вижу.

Срывающимся отъ смущенія голосомъ началъ читать. Въ антрактѣ разговорились; впрочемъ, говорила больше она.

— Я не большая любительница кинематографа, но дома скучно сидѣть: вотъ и идешь... Въ жизни хотѣлось бы многое измѣнить, да у насъ крылья вдоль и поперекъсвязаны, а здѣсь хоть красивую жизнь увидишь издалека... Видѣли вы картину «Панъ Твордовскій»? Знаете— по роману Сенкевича. Читали?.. Ну, вотъ и я читала, а какъ увидѣла—совсѣмъ другое... Читаешь—позабудется, а тутъ—какъ сейчасъ, вижу. Какъ хороши послѣднія слова: «И того ты полюбишь, кто тебѣ не отъ міра сего нареченъ».

— Правда, красиво?!. Мозжухинъ, помню, игралъ. Вѣрно представилъ. А больше всего я люблю Максимова. Онъ такой женственный, и Гаррисона люблю. Помню, еще маленькая была, никогда не пропускала, когда онъ игралъ. Чудно хорошо!

— А вы много читали?

— Много.

— И любите читать?

— Очень люблю. Жизнь такъ мало даетъ. То, что разсказываютъ книги, пріятно отличается отъ жизни. Поживши мечтой — легче переносишь тяжелое; почитаешь — тоска отойдетъ, и на дѣйствительность смотришь легче: замѣняешь дѣйствительность мечтою...

— Очень люблю спать. Сонъ напоминаетъ мнѣ лунную ночь съ ея обманчивымъ, чарующимъ свѣтомъ, съ короткими сливающимися

тѣнями. Такъ красиво все кругомъ, и такъ трудно разобраться: всѣ предметы причудливо перепутаны. Во снѣ какъ-будто что-то очень трудное вышиваешь: нити легко путаются; онѣ такія нѣжныя и канва такая тонкая, что вотъ-вотъ порвется...

— Отчего вы сняли пальто? развѣ вамъ жарко?

— Нѣтъ, — чтобы вамъ ноги накрыть.

— Вотъ чудакъ! слабый, больной, а обо мнѣ заботится... Я ничего-бъ не имѣла противъ того, чтобы заболѣть. Будешь въ бреду лежать, ничего не чувствовать — безъ памяти. Такъ мѣсяцъ пройдетъ — отдохнешь хоть отъ жизни. Вѣдь тѣло болѣетъ, а душа крѣпнетъ. Хорошо заболѣть — мечтою пожить... Помню, я разъ тяжело больна была, въ больницѣ лежала... никто меня не тревожилъ — лежала одна. Такъ хорошо было, много передумала, душой выросла... И послѣ болѣзни было хорошо. Дни текли въ тишинѣ, въ беззаботномъ одиночествѣ. Никуда не надо было спѣшить, ни о чемъ не надо было заботиться; кажется, съ самаго дѣтства не было такихъ отрадныхъ дней, какъ тогда...

Ея голосъ, внимательный и чуткій, тихо говорилъ въ темнотѣ, и легкими нотками страха будилъ въ его сердцѣ что-то радостное.

— Бываетъ другой разъ: закроешь глаза— и видишь такія неясныя, затканныя цвѣтами картины. Такъ хочется вырваться изъ повседневности и пожить мечтами. Только въ мечтахъ можно быть счастливой!..

II

Онъ стоялъ въ углу большого бальнаго зала. Тоска привела его сюда: хотѣлось потолкаться среди веселыхъ, незнающихъ тоски людей и тѣмъ еще сильнѣе растравить рану своего одиночества. Бѣлыя бальныя платья, перевитыя серпантиномъ и лентами, мелькали передъ нимъ. Точно въ ульѣ, сдержанно, но упорно гудѣла толпа, и, какъ шмели, волнуясь подлетали черные сюртуки и фраки и выхватывали дамъ.

Вдругъ среди танцующихъ онъ увидалъ ее... Весь залъ сразу освѣтился для него. Онъ слѣдилъ за нею, боялся потерять ее.

Съ невысокой грудью, гибкими руками и стройными бедрами, съ нѣжно бѣлѣющимъ кружевомъ бѣлья подъ туникой легкаго бѣлаго платья — она подходила иногда совѣмъ близко къ нему; потомъ опять уносилась — легкая, неземная, то тонула, то вновь выплывала на колеблющемся желто-розово-бѣломъ фонѣ, къ которому то подскакивало, то отлетало кольцо черныхъ фраковъ. Ему показалось, что проходя въ парѣ мимо него, она замѣтила его и, не смягчая суровости своего умнаго лица, узкими, немного вкось разставленными глазами чуть улыбнулась ему.

Послѣ мазурки онъ отыскалъ ее, сталъ невдалекѣ, радовался возможности видѣть ее и томился желаніемъ подойти. Заиграли вальсъ. Онъ оттолкнулъ себя отъ стѣны и тяжелыми шагами, какъ бы прогибая полъ, приблизился къ ней. Пригласилъ молча неловкимъ поклономъ. Она встала, глянула на него удивленно

— ласково — и легко положила руку на его плечо. Резмѣренный тактъ музыки глухими ударами отзывался въ его головѣ и, какъ-будто противъ его воли, двигались его большія ноги. Хотѣлъ что-нибудь сказать, но чувствовалъ, что, если откроетъ ротъ, то собьется съ такта, и у него остановятся ноги.

Отъ запаха ея тѣла и волосъ перехватывало дыханіе. Танцовалъ онъ плохо, путалъ и сбивался. Она сама остановила его. Отъ непривычки танцовать закружилась голова: паркетъ, стулья и пары танцующихъ стремительно покатились куда-то вдаль и вмѣсто того, чтобы подать ей руку, онъ самъ схватился за нее и, широко разставляя ноги, пошелъ съ нею по залу.

— Поразительно, я какъ будто гдѣ-то васъ видѣла! ужъ не знаю—гдѣ?.. Ахъ да, вѣдь мы уже встрѣчались, помните, годъ тому назадъ въ кино?

Ея голосъ врывался въ его грудь порывами радости.

— Въ городѣ человѣкъ тонетъ, какъ въ морѣ; разъ промелькнетъ — и потеряешь его навсегда... Дайте мнѣ вашу руку, такъ легче идти.

Шли, тѣсно прижавшись другъ къ другу, между группами радостныхъ, смѣющихся людей. Сердце поднималось все выше, хотѣло вырваться и улетѣть изъ груди.

Прошли въ одинокую, полутемную залу. Звуки музыки, обрываясь, чуть доносились сюда. Она стояла спиной къ свѣту, такъ что онъ почти не видѣлъ ея лица; только отъ вспышекъ ея папиросы золотились ея волосы

и освѣщался открытый, узкій лобъ. Она казалась ему изящной и тонкой, какъ-будто изваянной, статуэткой. Говорила она безъ принужденія, легко, какъ будто сама съ собой.

Онъ шелъ до сихъ поръ без пути; теперь она дала ему свою маленькую, крѣпкую руку и повела его за собой въ манящую и пугающую даль. Въ низкихъ тонахъ ея голоса онъ читалъ нѣжность. Ему стало страшно жалко себя и въ тоже время, какъ-то по особенному, радостно; что-то родное и милое, какъ дѣтскій сонъ, нахлынуло въ его душу, и залило ее всю. Онъ слушалъ ее и улыбался хорошей улыбкой, смягчавшей некрасивость его лица.

Музыка оборвалась. Она порывисто наклонилась къ нему — поцѣловала его крѣпко въ самыя губы. Сердце его радостно сжалось, голова закружилась, въ глазахъ забѣгали круги и... Когда онъ открылъ глаза и глубоко, счастливо вздохнулъ — ея уже не было.

Онъ сидѣлъ одинъ въ своей маленькой, одинокой комнатѣ. Чувства и мысли были заперты. Чувство усталости и ненужности жизни сдавливало грудь. Хотѣлось лечь къ стѣнѣ и лежать такъ безъ конца, но покоя нигдѣ не было. Голова отчаянно работала и дрожала, какъ домъ дрожалъ отъ ломовыхъ, волочащихъ тяжести по выложеннымъ булыжникомъ мостовымъ. Грустно смотрѣли со стѣнъ сѣрые въ пятнахъ обои. Въ четырехугольникѣ окна чернѣла канава и рѣдкія деревья по краю ея. Вдаль уходила безконечная каменная ограда домовъ. Чахлая листва на сѣромъ

фонѣ камня казалась искусственной и неживой.

Звонокъ... Кто? — Она!?

— ?

— Вы удивлены, можетъ быть, не рады?

— Нѣтъ, что вы — очень радъ!..

Забезпокоился, завертѣлся по комнатѣ, помогъ ей снять пальто, нерѣшительно притронулся къ полямъ ея шляпы.

— Нѣтъ, шляпы не надо... Я на минуту... Хотѣла видѣть... Знала адресъ и пришла... А вы не боитесь принимать у себя даму?.. Впрочемъ, у васъ, навѣрное, нѣтъ еще невѣсты, которая могла о томъ узнать... У васъ нѣтъ невѣсты?

— Нѣтъ... я люблю только васъ... Скажите, а вы?..

— Я... нѣтъ... не люблю, но вы мнѣ нравитесь.

— Значитъ, тотъ разъ вы надо мной пошутили?

— Почему вы такъ думаете, что это была шутка? Въ ту минуту я, можетъ быть, и любила васъ!.. и теперь люблю — только совсѣмъ по иному... и вотъ именно ужъ цѣловаться съ вами мнѣ совсѣмъ не хочется.

— Да, конечно, какъ я могъ подумать... Съ моимъ некрасивымъ лицомъ!

— Нѣтъ, лицо у васъ хорошее, оно мнѣ нравится.

— Когда я иду по улицѣ — никто не взглянетъ на меня, а заговоришь съ кѣмъ — смотрятъ въ сторону, какъ будто на мнѣ и совсѣмъ лица нѣтъ! И въ зеркалѣ мое лицо

представляется мнѣ такимъ ординарнымъ — однимъ изъ тысячи видѣнныхъ лицъ!

— Въ зеркалѣ нельзя увидѣть настоящаго себя.

Она встала, прошлась по комнатѣ, остановилась передъ зеркаломъ, изящно перегнулась передъ нимъ и неторопясь сняла шляпу. Волосы надъ невысокимъ лбомъ двумя свѣтлыми крыльями обрамляли овалъ ея лица. Непослушные кончики волосъ радостно запутанными колечками опустились на виски и шею. Поправила прическу, вскинула вверхъ гибкія, тонкія руки и погрузила длинные, нѣжные пальцы въ свѣтложелтые, какъ спѣлая рожь, волосы.

— Въ зеркалѣ мы видимъ себя искаженными, разсматриваемъ себя по частямъ... а человѣческое лицо есть нѣчто цѣлое, недѣлимое... По одной внѣшности можно судить о красотѣ цвѣтка или бабочки, но не о красотѣ человѣческаго существа... Въ вашихъ глазахъ блеснетъ порою такая ласковость чувства, и во всемъ лицѣ свѣтитъ тогда встревоженная обнаженная душа!

Она наклонилась къ нему, хотѣла поймать его взглядъ на себѣ, но онъ не поднималъ лица; ему было стыдно, — но слова ея были пріятны ему. Казалось, разбирая его черты, она гладила его по лицу ласковой, нѣжной рукой. Она сѣла рядомъ съ нимъ. Онъ взялъ ея руку въ свою:

— Скажите, вы любите меня?!

По лицу ея прошла тѣнь и погасила ясный блескъ за минуту передъ тѣмъ радостныхъ глазъ. Она встала и на фонѣ окна, въ

щитѣ мутно-малиноваго вечерняго неба представилась ему еще болѣе выросшей и подчеркнуто стройной.

Не спрашивайте... Я не знаю, люблю ли... Не знаю... Оставимъ этотъ разговоръ. Я сама раскаиваюсь, что начала его... Мнѣ нечего вамъ сказать... Я еще сама не разобралась... Только прошу васъ не обижайтесь на меня! Я не могу сказать вамъ правды о себѣ... Не надо!.. Оставьте меня. Посижу немного и уйду... Намъ не надо видѣться — лучше разстаться!

Къ ея горлу подступали судороги, глаза заволакивались пеленою слезъ. Сидѣла потупившись, закрывши руками лицо. Потомъ протянула руки на столъ и положила на нихъ свою маленькую голову съ торчащимъ кверху конусомъ волосъ. Сзади, на дѣтски-худенькой шеѣ, подъ тонкой кожей выступили, какъ чашки, хрупкія косточки позвонковъ. Ему было страшно жалко ея: она представлялась ему бѣдной, покинутой всѣми дѣвочкой. Онъ хотѣлъ утѣшить ее, говорилъ безсвязно ласкательныя, нѣжныя слова.

Она пересилила себя, выпрямилась—и съ еще не просохшими отъ слезъ глазами заговорила низкимъ, чуть хриплымъ отъ волненія, голосомъ. Ея освѣщенное страданіемъ лицо казалось трогательно-красивымъ; грустный свѣтъ залегъ въ глазахъ, и около расширенныхъ зрачковъ заблестѣли живыя, прозрачныя точечки.

— Я принадлежала многимъ и не хотѣла бы, чтобы моя любовь къ вамъ, такая особенная и чистая, вылилась въ ту форму дикой

страсти, съ которой я отдавалась тѣмъ... Я нехорошая. Я не достойна васъ!.. Дружба лучше любви! Она ровная.

Но онъ тянулся къ ней, несмѣло цѣловалъ ее. Она отвѣтила и почувствовала знакомую сладкую истому и жуткое безволіе во всемъ тѣлѣ; потянулась къ нему, приблизила свое лицо къ его лицу, обожгла его горячимъ дыханіемъ—и медленно и страстно прошептала «люблю». Онъ видѣлъ только ея глаза, темные, бездонные, далекіе и страшные... Она порывисто сбросила платье и встала передъ нимъ во всей прелести своего гибкаго, стройнаго, молодого тѣла, страстно потянулась къ нему, схватила его за плечи, порывисто притянула къ себѣ—пьяная отъ страсти и жаждущая ласкъ:

— Цѣлуй же, цѣлуй меня!

Что-то мучительно радостное подступило къ его горлу и нѣжно защекотало. Потемнѣло въ глазахъ. Сердце перестало биться. Казалось, онъ куда-то плыветъ. Временами онъ ничего не видѣлъ предъ собою, временами опять выплывала она. Видѣлъ части ея лица: глаза, прическу, губы—и опять погружался въ полное радостнаго страданія безумство . . .

. . . . . .

III

Маленькая луна маячила высоко на небѣ; черная вода канавъ, освѣщенная свѣтомъ догорающаго заката, стала красной, какъ кровь. Въ мерцающемъ свѣтѣ луны на бульварѣ

дрожали черныя тѣни деревьевъ, и сорванные листья метались безпомощно и дико на первомъ выпавшемъ снѣгу.

Властное, жуткое чувство пустоты жизни медленно поднималось и охватывало ихъ. Раньше огонь горѣлъ въ ихъ груди, разсыпался жгучими искрами. Было больно и хорошо. Теперь огонь потухъ, и стало холодно. Чувствовалось, что многое перегорѣло. Не хотѣлось думать, хотѣлось сидѣть молча и смотрѣть безъ мыслей въ окно, — и все же гдѣ-то уголкомъ ума думалось и нестерпимо хотѣлось говорить, чтобы вычерпать изъ души тяжелое – облегчить себя.

— Я не жилъ молодостью, не дорожилъ ею и не боялся потерять ее, я не носилъ весны въ груди своей! — жаловался онъ. — Я никогда не говорилъ откровенно съ женщиной, не сидѣлъ съ ней рядомъ, не держалъ женской руки въ своей рукѣ. Я всегда имѣлъ какой-то страхъ передъ женщинами, какъ будто онѣ были особенныя существа, совершенно непохожія на остальную массу людей.

Она сидѣла въ креслѣ, охвативъ руками тонкія стройныя ноги, опустивъ голову къ колѣнямъ. Кожа ногъ вкрадчиво сквозила сквозь черную паутинку чулокъ. Волосы около ушей выбились прядями; на одной изъ нихъ у плеча висѣлъ выпавшій изъ прически гребень.

Насупившись, онъ сидѣлъ у ея ногъ, говорилъ, не поднимая головы.

— Одинъ видъ женщинъ повергалъ меня въ трепетъ и страхъ. Я слабый, нерѣшительный, хрупкій человѣкъ. Я всегда тянулся къ женщинѣ, надѣялся найти въ ней опору и отвѣтъ жизни. Женщины, какъ болѣе слабыя, притягивали меня не только благодаря своей женственности; но и этой роднящей меня съ ними слабости, но я никогда къ женщинамъ не подходилъ—любилъ ихъ издалека. Желанной представлялась мнѣ женщина не слабая, а глубокая, нѣжно-суровая, хранящая въ себѣ тайну, и такою явилась предо мною ты!

При его словахъ о тайнѣ она откинула голову, отмахнула съ лица волосы, но на лицѣ ея не было радости: глаза ея блестѣли волненіемъ мысли, и тонкія брови сошлись упрямо на лбу.

— Мы — любовники и должны понять другъ друга. Я должна сказать тебѣ правду о себѣ. Какъ бы горька правда не была, она все же лучше лжи! Все можетъ пережить любовь, кромѣ лжи!

— Не говори, если тебѣ тяжело. — Не надо!

Ея рѣсницы вздрагивали. Руки съ тонкими, длинными пальцами не находили себѣ мѣста. Обычно блѣдное лицо покрылось краской стыда.

— Знай же: я—падшая! Я торгую своимъ тѣломъ.

— Я не зналъ, но чувствовалъ, что ты страдала.

— Не мучай меня—отвѣть мнѣ!

— Твоимъ страданіемъ ты стала родней мнѣ. Любила ли ты?

— Только тебя.
— А до меня?
— Такъ, какъ тебя, я не любила никого!
— Я вѣрю тебѣ.
— Ты любишь меня?
— Да, люблю.

Она пододвинулась къ нему, тронула руками его голову, заставила его смотрѣть на себя.

— Любишь?
— Да, люблю!
— Послѣ того вечера, послѣ бала, я хотѣла лишить себя жизни, такъ какъ не знала, какъ могу я темная, подойти къ тебѣ, свѣтлому и чистому...

Наша любовь печальна, но еще печальнѣе совсѣмъ не любить. Въ страданіи горизонтъ расширяется и можетъ соприкоснуться съ радостью; также было и со мною. Я и до встрѣчи съ тобой была счастлива; я какъ-будто бы жила предчувствіемъ встрѣчи.—Въ моемъ прошломъ есть и хорошее: Это—страданіе. Я выстрадала свое счастье. Не суди меня!.. У меня не было внѣшней жизни, и потому я жила полнѣе внутренней, и только въ этомъ хорошая сторона моей ужасной кошмарной жизни.

Она сидѣла за столомъ потупившись, съ опущенной на руки головой, и на фонѣ лица руки ея казались темными.

— Мое прошлое — это дни праздничныхъ будней, пьяные безумные сны. Каждый день — въ одномъ и томъ же бѣломъ съ кружевами платье. Каждый могъ ко мнѣ подойти и взять меня! Я — вещь, покупаемая и продаваемая! Это сотни искаженныхъ смѣхомъ и лоснящихся

отъ праздности лицъ. Этотъ хищнически непримиримый, липкій взоръ окружавшихъ меня мужчинъ. Сколько глазъ смотритъ, и ни въ одномъ нѣтъ Бога! Одни только круглые, злые, налитые кровью бѣлки! Покраснѣвшія, напряженныя, безсмысленныя, полныя животнаго желанія лица! Какъ это можно взять женщину, какъ неодушевленную вещь? Большинство изъ нихъ слабыя, живутъ, какъ мотыльки, склоняются легко отъ вѣтра. Слабыя и лихорадочно веселыя онѣ стараются весельемъ залить горе; но когда горе все-же настигаетъ ихъ — онѣ не выносятъ и малой тяжести его. Эти — красивыя на солнцѣ, гибкія на вѣтру и ломкія въ бурѣ соломинки. Сколько гибнетъ ихъ каждый день: умираютъ въ больницахъ и, кидаются въ проруби рѣкъ!

— И развѣ можно бросать въ нихъ камнемъ за то, что онѣ слабѣе тебя. О какъ несправедливы и жестоки люди! Жестокіе, знающіе только внѣшнюю справедливость, ходящіе за высокими глухим стѣнами, скрывающими отъ нихъ истиннаго человѣка и вѣрующіе въ свою особую правду-любовь. Сильные, не сомнѣвающіеся, спокойные, слѣпо увѣренные въ себѣ, сжатые, узкіе — они дарятъ другъ друга внѣшней загороженностью и не понимаютъ того, что вѣдь все, что они дѣлаютъ, все ихъ веселье и взаимная вѣжливость—только способъ уйти отъ самихъ себя. Они наклеиваютъ на душевныя раны, какъ лѣкарство, книжныя слова! они не знаютъ и не понимаютъ горя. Съ ними такъ скучно, такъ хочется скорѣй отъ нихъ уйти. Никто изъ нихъ не пожалѣлъ, не видѣлъ, какъ я страдала. Мы не понимали

другъ друга: они искали любви за деньги. Вѣдь они все покупаютъ и мѣрятъ деньгами; ихъ «правда» всегда казалась мнѣ хуже ихъ лжи!..

— Я не пристаю къ мужчинамъ, они сами ищутъ и находятъ меня. У меня много платьевъ, привычка и способность нравиться, умѣнье показать себя не той, какова я есть, потому что порокъ больше всего боиться искренности. Раньше я была дешевая, теперь — дорогая; но каждый, какъ и прежде, можетъ купить меня. При свѣтѣ дня я получеловѣкъ. Они смѣются, видя странное днемъ, напудренное и увядшее отъ ночныхъ оргій лицо.

— Развѣ мнѣ не тяжко, что я не дѣвушка, что я такая порочная, что судьба такъ грубо и низко посмѣялась надо мною, кинувъ меня въ это болото!

Она плакала...

— Ты много страдала и изъ ада вышла чистою. Я такъ хотѣлъ встрѣтить человѣка, который бы понялъ меня. Къ кому-бы я могъ подойти ближе, облегчить свою душу... И явилась ты... Ты для меня все. Какъ тонкую водоросль, ты взяла меня въ глубокія волны своей души и несешь меня, я изгибаюсь на нихъ, не чувствуя себя. Я хочу потерять себя, хочу войти въ тебя безостаточно.

Онъ гладилъ ея волосы, смотрѣлъ въ ея проясняющіеся отъ его словъ глаза и съ необычайной, поразительной легкостью облекалъ свои мысли въ слова:

— Я боялся жизни; я не смѣлъ жить. Если бы ты знала, какъ тяжело мнѣ было мое одиночество, моя внѣжизненность. Бывало терялъ всякое представленіе о краскахъ и

звукахъ: все блѣднѣло и сливалось въ одну сѣрую муть. Повсюду ожидали меня несчастье и бѣда, и мысли бѣгали въ головѣ, какъ букашки, нетерпѣливо-больныя, назойливыя, маленькія; вздымутся, выскочатъ и побѣгутъ, и куда бы ни шли онѣ, всегда приходили въ тупикъ. Мысли владѣли мною, и никакъ я не могъ найти свободы отъ нихъ. Я мучился безсвязностью моей жизни; моя душа была, какъ сырое, слизкое мясо. Лучше идти окровавленными ногами по колкому пути, какъ идешь ты, чѣмъ перекатываться на ходуляхъ ложныхъ чувствъ — жить однимъ самообманомъ. Я живу какимъ-то забвеніемъ, а жизнь идетъ гдѣ-то въ сторонѣ. Живу, какъ-будто перелистываю тяжелыя страницы одной и той же безконечной книги... Страшно темно... Какъ будто я спускаюсь со ступеньки на ступеньку куда-то внизъ и чувствую, что здѣсь грань сумасшествія... Достаточно запутаться въ одной петелькѣ мыслей, такихъ путанныхъ въ этой большой непонятной жизни — и вырвешься на изнанку ненормальности, и шаромъ накатитъ духъ безумія, сметая и руша все.

— Духъ безумія живетъ также и во мнѣ, милый. Ахъ, какъ страшно! — только бы не сойти съ ума. Я больше всего боюсь самой себя. Приходится удерживаться, чтобы не сдѣлать чего-нибудь надъ собой. Другой разъ трудно удержаться, такъ хочется ринуться съ моста въ рѣку. Случалось, боялась одна идти по мосту, садилась въ трамвай только чтобы переѣхать рѣку.

— Пересилишь себя, а потомъ останется такая надсадность, автоматизмъ: все противно,

все скучно, машинально хожу, дѣлаю и не замѣчаю, что дѣлаю, какъ будто двигаюсь не сама, а кто другой внѣ меня. Оттого и пьютъ и одурманиваютъ себя люди, чтобы избавиться отъ этой двойственности, уйти отъ тоски и гнета, чтобы разрушить эту тяжелую связанность...

— Какъ бы хотѣлось красиво и чисто по иному жить!.. Ты усталъ, и я устала, и такъ хотѣлось бы отдохнуть!

IV

Хлопьями валилъ и отъ вѣтра разлетался золотисто-серебристой пылью мягкій, теплый снѣгъ. — «Конь мой-щеголь, часъ ѣзды до неба» — хвасталъ кучеръ, осаживая лошадь, и, перегнувшись назадъ, отпахнулъ тяжелую полость. Санки дернулись и съ ровной стремительностью, словно играя, понеслись впередъ. Лошадь — вороная, подъ зеленой сѣткой — фыркала отъ летѣвшаго ей навстрѣчу снѣга и, гордо изогнувши шею, шла бодро и четко, слегка касаясь земли. Щелканье подковъ, шумъ полозьевъ и гудки трамваевъ сливались въ одинъ общій радостный гулъ.

Остановились передъ залитымъ огнями рестораномъ. Казачекъ въ плисовой безрукавкѣ и въ шапочкѣ съ павлиньими перьями распахнулъ передъ ними двери.

— Пожалуйте Марія Никитишна! давненько у насъ не бывали! — привѣтствовалъ ее увѣшанный медалями, осанистый швейцаръ. Сквозь наглухо закрытыя двери кабинетовъ доносился

гулъ голосовъ, звонъ посуды и дребезжаніе роялей; но они не остались внизу, а поднялись по устланной коврами лѣстницы вверхъ въ залъ. Прошли между рядами тѣсно сдвинутыхъ столиковъ съ виномъ, цвѣтами и женскими шляпами, и заняли мѣсто около сцены въ уютной, полускрытой гардиною нишѣ. Она обѣжала глазами залъ, шепнула что-то лакеямъ и обернулась къ нему съ нарумяненнымъ зимнимъ воздухомъ возбужденнымъ лицомъ.

— Люблю кататься, только такъ, чтобы духъ захватывало!.. Вѣтеръ свиститъ въ лицо... Хорошо!.. Люблю морозный воздухъ: пьянитъ и рѣжетъ грудь. Хочется безъ конца пить этотъ божественный напитокъ и ничего не знать и ни о чемъ не думать! — Лакеи хлопотливо вертѣлись около стола, съ почтительной поспѣшностью убирали столъ дорогой закуской; то уносились, болтая фалдами фраковъ, то вновь приходили съ подносами.

Хлопнула пробка — и радостно полилось пѣнистое, искристое вино. Она держала двумя пальцами бокалъ и разглядывала черезъ него горѣвшій огнями и заставленный зеленью залъ; отхлебнула немного и засмѣялась грудным хватающимъ за сердце смѣхомъ.

— Если бы мы были одни, то не чувствовали бы себя такъ уютно и хорошо; кромѣ музыки, свѣта, красивыхъ цвѣтовъ, пріятна эта масса окружающихъ насъ людей. Многихъ тянетъ въ ресторанъ именно изъ-за возможности побыть на людяхъ, подышать этимъ суррогатомъ толпы.

Скрипка говорила, и спорили два голоса— плакали и сливались въ любви:

«Черная роза розу ласкала.
«Я розами кидалъ:
«Массою черныхъ и желтыхъ листковъ
«Ее покрывалъ.
«Она улыбалась...
«Запахъ розъ ароматныхъ
«Ее пробуждалъ.
«Мнѣ улыбались два глаза,
«Двѣ незабудки упали.
«Губы ко мнѣ опустились;
«Красный цѣловалъ я шіонъ.

Когда кончили пѣть, онъ замѣтилъ двухъ офицеровъ; они сидѣли невдалекѣ отъ нихъ и до неприличія пристально смотрѣли на его даму; отпивая вино они легкимъ движеніемъ покачивали бокалы, какъ бы чокаясь съ ней.

— Почему они такъ смотрятъ на тебя? Что имъ отъ тебя надо!?

— Можетъ быть знаютъ меня: гдѣ-нибудь встрѣчались.

— Ты должна послать эти цвѣты обратно!

— Развѣ можно обижаться на такой пустякъ? Въ моемъ положеніи такая щепетильность смѣшна.

Она вынула изъ букетика блѣдно-желтую розу и вколола ее въ петлицу его пиджака.

— Они, кажется, идутъ сюда?

— Ну, чтожъ такого? Не дѣлай, пожалуйста, скандала. Будь спокоенъ; это милые и воспитанные люди.

...Посидятъ, побесѣдуютъ и уйдутъ. Будь только вѣжливъ съ ними.

— Я не признаю вѣжливости!..

—Вѣжливость, это—средство защиты, панцырь отъ пуль.

— Никогда я не умѣлъ быть вѣжливымъ и всегда бѣсила меня эта вылизанность въ другихъ. Ни одного свободнаго жеста — все заученное, принятое отъ другихъ... И особенно мнѣ противны эти наряженные дураки!

Молодой офицеръ въ коротенькомъ, ловко сшитомъ вицмундирѣ, придерживая ерзавшую по полу саблю, игриво, гибко раскачиваясь, приблизился къ ихъ столу; другой шелъ слѣдомъ, и на почтительномъ разстояніи за ними слѣдовали лакеи и несли ихъ вино.

— Точно стреноженный жеребецъ: выкатилъ грудь и поднялъ голову. И какъ близко, почти вплотную подошелъ къ ней!.. И какъ долго жметъ ей руку!.. Стоитъ передъ нею, и она не отнимаетъ руки; усмѣхнулась, оскалила бѣлый рядъ зубовъ и что-то весело сказала; повернула къ нему голову, тряхнула тяжелыми сережками, смотритъ на него, смѣется!..

Вышло такъ, что офицеры сѣли около нея, а онъ остался одинъ на краю стола. Офицеры говорили сбивчиво, весело, шутливо перебивали другъ друга. И только изрѣдка ея нѣжный голосъ доходилъ до него. Она держала на отлетѣ между кончиками пальцевъ тонкую папиросу и улыбаясь прерывисто говорила кончиками губъ; говорила съ ними, а смотрѣла на него, но два другихъ мужскихъ голоса покрывали ея голосъ и раздражали его.

Мысли сплетались какъ-то странно, какими-то быстро мелькающими цвѣтными островками; иногда приходили смѣшныя мысли, какъ-бы вырѣзанныя для потѣхи. Хотѣлось говорить, но мѣшала робость и стѣснительность. Онъ чувствовалъ себя страшно малень-

кимъ, безполезнымъ передъ этими большими, увѣренными въ своей силѣ, людьми. Ему хотѣлось вывести ихъ изъ благодушнаго веселаго настроенія, но они не замѣчали его.

Одинъ изъ офицеровъ поигрывалъ ногой въ рейтузѣ и беззаботно напѣвалъ:

«Да здравствуетъ веселье,
«Да здравствуетъ вино,
»Кто пьянствуетъ съ похмѣлья,
«Тотъ дѣйствуетъ умно!
«Мы армейцы—не гусары,
«Любимъ женщинъ и вино!

Раздувалъ ноздри, округлялъ улыбкой ротъ, но зоркіе каріе глаза его оставались холодными и смотрѣли нагло и непримиримо-зло.

Другой офицеръ, въ зеленомъ съ краснымъ лацканомъ мундирѣ, съ зубчатыми золотыми вырѣзками клапановъ на рукавахъ и шеѣ, былъ прямой, тощій, сморщенный, съ маленькими злыми глазами и блѣднымъ плоскощекимъ лицомъ.

Офицеры по прежнему не замѣчали его, не отвѣчали на его вопросы и только усердно подливали ему вина. Ихъ довольныя лица раздражали его до чрезвычайности и ему было страшно больно видѣть ее, сидящей рядомъ съ ними. Хотѣлось говорить, но ясности въ головѣ не было; отъ волненія онъ не могъ ничего обдумать и отъ этого волновался еще больше, все смѣшалось и, торопясь куда-то, плыло передъ нимъ. Нѣсколько разъ собирался говорить, не не произносилъ ни слова; потиралъ руки и съ трудомъ удерживалъ ненужный смѣхъ. Наконецъ, осилилъ себя, при-

поднялся, оперся вытянутыми руками о край стола, втянулъ наклоненную голову въ поднятыя плечи и заговорилъ сперва тихо и съ трудомъ, подавляя дрожь въ голосѣ, потомъ громко и смѣло, съ вызовомъ въ позѣ и лицѣ:

— Вотъ мы теперь сидимъ за общимъ столомъ, и это даетъ мнѣ возможность говорить съ вами. Вы богатые и сильные люди; жизнь приноситъ вамъ удовольствія и питаетъ вашу гордость, и вы не думаете о томъ, что...

— А пошли вы studiosus къ черту! Стоило лакать вино, чтобы говорить о такихъ глупостяхъ...

— Ну да, я отлично понимаю васъ. Вы пришли сюда не для разговоровъ и, конечно, не изъ-за меня, а изъ-за нея: васъ привлекли ея платье, духи и тѣло! Вы попрятались въ сырыя пещеры порока, чтобы уйти отъ свѣта, обличающаго васъ...

— Соплявый мальчишка!

— Да брось, не стоитъ съ такимъ связываться!

— Нѣтъ, почему же? Разъ онъ такъ хочетъ—я ему объясню.

Молодой офицеръ смотрѣлъ на его лицо, какъ на пустое мѣсто, говорилъ, что командовалъ: рѣзко и отрывисто рубилъ слова.

. . . . . .

— ... А теперь одѣвайте пальто и шапку— и убирайтесь, пока живы, домой. И другой разъ съ офицерами въ разговоры не вступайте!

— Обсѣвокъ какой то. Великолѣпно ты его отдѣлалъ—будетъ помнить... Много ли вы-

пилъ? — сущій вздоръ, а уже пьянъ! Смотри: идетъ и чуть не валится!..

— Божественная, вы тоже уходите?!...

— Давайте, запьемъ скорѣе эту исторію. Эй, человѣкъ, вина...

— Да бросьте, что онъ вамъ дался, право! Эге, какая же вы упрямая!

— Зачѣмъ вы его такъ обидѣли? Онъ хорошій...

— Дѣло вкуса... Неужели вы съ нимъ поѣдете?.. Смотрите, какъ его сразило, совсѣмъ какъ дерево безчувственное сталъ...

— Васъ не переспоришь! Поѣзжайте! А мы за вами слѣдомъ, и потомъ назадъ допивать недопитое!

— Извозчикъ!

— Пожалуйте.

— Да ты не отставай, гони за тѣмъ, который барышню съ пьянымъ повезъ!..

V

Она часто навѣщала его въ больницѣ. Когда лихорадка прошла и сознаніе вернулось, подолгу оставалась съ нимъ. Говорили шепотомъ въ бѣлой, свѣтлой, грустной комнатѣ.

— Ты волновалась за меня? Думала — умру?

— Да ты былъ очень плохъ и все шепталъ въ бреду: «Люблю, люблю... не отдамъ... не отдамъ».

— Скажи, ты осталась тотъ вечеръ съ нимъ — тогда, поздно вечеромъ?

— Да... да и не все ли равно! Не было бы его — были бы другіе. Я такъ и всѣ дни жила; должна была... зарабатывать... чтобы спасти тебя.

Говорила голосомъ, какъ бы чѣмъ-то завѣшеннымъ, глухимъ, издалека. Двѣ прямыя складки, одна отъ носа и другая отъ переносицы, рѣзче обозначились на ея похудѣвшемъ лицѣ.

— А я еще попрекнулъ!

— Нѣтъ, ты не оттолкнулъ; вѣдь ты любишь меня?

— Да, люблю... и я чувствовалъ тебя рядомъ съ собой и тогда, когда ты вечерами была съ ними въ безднѣ, среди плясокъ и беззаботнаго смѣха толпы.

Онъ приподнялся на локтѣ. Щеки его ввалились; во рту блестѣлъ рядъ неровныхъ мелкихъ зубовъ; подъ спутанными бровями на синевѣ выпуклыхъ бѣлковъ горѣли лихорадочнымъ блескомъ расширенные зрачки.

— Я боялся умереть. Проснусь ночью и съ ужасомъ чувствую рядомъ съ собою смерть въ видѣ черной, подступающей къ самому краю постели, тѣни... Я все время прятался отъ самого себя, и теперь въ тишинѣ, безъ перелета мыслей, выплывала эта страшная тѣнь меня самого... Ползетъ, простираетъ руки... Отъ прикосновенія ея холодныхъ щупальцевъ чувствуешь, что сходишь съ ума... Высокая, глухая тѣнь подходитъ совсѣмъ близко, колеблется, валится... Вотъ рухнула! Я барахтаюсь, стараюсь высвободиться изъ-подъ налегшей на меня тяжести, кричу нече-

ловѣческимъ голосомъ, а она давитъ и сплющиваетъ меня...

— Да, милый, тяжело, что кругомъ черта, которой не перейти. Смерть — это узкій обрывистый мостикъ. Страшно идти надъ пропастью! Но надо бояться не смерти, а этой жизни. Если вглядѣться, то эта жизнь такой ужасъ! Вглядись, и страхъ смерти будетъ, какъ снѣгъ весной, въ солнцѣ той любви, которая одна можетъ побѣдить смерть. Иногда и среди жизни во всей темнотѣ и промелкнетъ стремительно и ярко, какъ зарница въ облачномъ небѣ, сознаніе вѣчности, живущей въ насъ... Прислушайся — тамъ за окномъ играютъ и бѣгаютъ дѣти. Звонкія, веселыя, чистыя, какъ колокольчики, чуть долетаютъ сюда ихъ голоса! Что миритъ меня съ жизнью, такъ это только эти маленькіе люди. Посмотрю я на нихъ, какъ рѣзвятся они беззаботно, на простыя просвѣтленныя ихъ лица — и чувствую, что несчастья нѣтъ ни во мнѣ, ни въ мірѣ... Хочется свернуться, хочется заснуть, стать маленькимъ ребенкомъ, двигаться въ вѣчномъ радостномъ снѣ, блуждать въ свѣтѣ вѣчности, радоваться солнцу, чувствовать солнце въ себѣ.

— Дѣти смотрятъ на міръ снизу вверхъ: онъ представляется имъ безконечнымъ, полнымъ чудесъ. А передъ нами, взрослыми, стоитъ страшный міръ — пропасть надъ пропастью: мы видимъ міръ у нашихъ ногъ. Оттого и кружится наша безопорная голова и уходитъ изъ-подъ ногъ почва.

— Двѣ силы борятся въ насъ: одна свѣтлая и другая темная — земная. Богъ и чело-

вѣкъ — близнецы; одинъ съ чернымъ, другой съ свѣтлымъ, солнечнымъ лицомъ. Быстро нарождается богочеловѣкъ и быстро гаснетъ; придетъ, освѣтитъ и уйдетъ.

Хочется расправить крылья и летѣть. Нападаетъ такое состояніе безтѣлесности: кости станутъ мягкими, вся свернешься въ клубокъ; тѣла не чувствуешь; станешь легкой, какъ во снѣ, только чудеснѣе — какъ будто тѣло совсѣмъ исчезаетъ, а душа растетъ.

Она положила его голову къ себѣ на колѣни, тихо покачивала, тихо дотрагивалась до его головы, до волосъ, гладила ихъ и какъ бы въ наитіи говорила мысли, которыя у ней были раньше, но для которыхъ раньше не было словъ.

— Ты потерялъ ту почвенную силу, которая не колышась, не цѣпляясь за жизнь, движетъ человѣка впередъ. Откинь все мелочное въ жизни и смотри свѣтло на міръ. Старайся жить внутреннимъ существомъ. Счастье въ настроеніи — въ быстромъ движеніи свободныхъ, неуправляемыхъ душевныхъ силъ. У нашей души есть только одинъ долгъ — это долгъ быть душой полной и независимой.

— Нужна сила. Мы несчастны, потому что прячемся, когда давно уже надо поднять голову. Мы живемъ изнанкой чувства. Надо перелицевать себя! Жизнь ранитъ. Не у всѣхъ есть достаточно мужества. Многіе не выростили себѣ крыльевъ для полета-борьбы; многіе еще идутъ въ темнотѣ, припадая къ холодной землѣ. Многіе люди защищены, какъ корою, броней: стрѣлы жизни не ранятъ ихъ. Но въ

каждомъ человѣкѣ есть искра, и отъ человѣка зависитъ раздуть ее въ море огня...

— Свѣтъ жизни въ темномъ зеркалѣ нашей души не только пугаетъ, но и радуетъ насъ. Надо разжечь его, чтобы исчезли тѣни и яркія волны огня озолотили глубину нашей души! — Надо ронять одежды и представать передъ самимъ собою такими, каковы мы есть!

Поэма слезъ

Въ каминѣ догорали угли. Подъ мохнатой шапкой пепла вздрагивали золотыя точечки огня. Изрѣдка ввысь поднимались синія птицы въ догорающей массѣ угля.

Разбросанно-сжатая, распущенно-сильная, мягко-сутулая женщина ходила легко, съ плавнымъ покачиваніемъ крутыхъ, полукруглыхъ бедеръ. Прикосновеніе ея холодной руки и блескъ ея желтыхъ глазъ испугали Андрея. Косые лучи солнца вздрогнули въ окнѣ, и отъ солнца ему стало радостно. Онъ смотрѣлъ въ позлащенное свѣтом окно: на серебряныя крыши съ брилліантовыми сосульками, на синее небо съ бѣлыми тучами и на снѣгъ, осѣненный тѣнью елей.

Опять ворвалось солнце въ комнату и забилось на женщинѣ, скользя по ея матовому блѣдному лицу. Она сидѣла за чайнымъ столикомъ и курила тонкую душистую папиросу въ янтарномъ мундштукѣ. Ея рука съ короткими пальцами, широкая и темная сзади, улыбалась розовымъ пятномъ въ глубокой, лодкообразной ладони. Когда она затягивалась, глаза ея расходились и замирали въ странной неподвижности; и когда, затянувшись, она выпу-

скала тонкой струйкой дымъ и опускала глаза —желтые, небольшіе и ушедшіе въ себя—тонкія плоскія губы ея зыбылись массою складокъ. Тонкая, безгрудая, облитая во что-то сѣрое — она въ набѣгающемъ дымѣ была прозрачна. Изсиня-черные шелковистые густые волосы были перетянуты бархаткой и матово блестѣли на ея маленькой круглой головкѣ. Цвѣтъ кожи, бѣлый, въ тѣняхъ лица переходилъ въ золотисто-матовый, опалесцирующій, и очень шелъ къ ея блестящимъ чернымъ волосамъ.

Андрей смотрѣлъ на нее и перебиралъ нервными тонкими пальцами мягкіе волосы. Длинные и, какъ ленъ, послушные, закинутые назадъ, они лежали въ безпорядкѣ надъ широкимъ выпуклымъ лбомъ. Кожа у Андрея была неясная; вырѣзъ губъ—выпуклый и яркій. Со спокойными, ясными голубыми глазами и блѣднымъ, нѣжнымъ лицомъ, онъ былъ лишенъ опредѣленной, законченной выразительности зрѣлаго мужчины. Порою вспыхивалъ огонь въ его глазахъ. Въ походкѣ, отрывисто-тихой и легкой, сквозила женственность; та же женственность была и въ блескѣ женственныхъ зубовъ полуоткрытаго рта. Иногда на лицо его ложились тѣни; скорбь заостряла губы, суровостью мысли окаменялось лицо, и въ ясныхъ серьезныхъ глазахъ свѣтилась грустная сосредоточенность.

Ада говорила кончиками губъ, не открывая рта, нервнымъ и высокимъ голосомъ.

— Вы побудете у насъ? Не уѣдете сразу? У насъ хорошо весной!.. и воздухъ уже теплый.

Она распахнула окно. Въ комнату ворвался шумъ колебленныхъ вѣтромъ деревьевъ.

Около дома стояли лиственницы — безъ шишекъ, въ одной паутинѣ вѣтвей. Въ лѣсу сѣдыя нѣжныя деревья толстыми, снѣжными вѣтвями, окружили Аду и Андрея. Воздухъ былъ теплый, пряный и нѣжный. Краски—причудливы, смѣшанны, ярки. По ковру коричневыхъ листьевъ шли онѣ къ ликующему солнцу земли; хмѣльное весеннее солнце сверкало ослѣпительно.

Ада сидѣла, опустивъ руки, и на ея тонкихъ рукахъ лежали лучи солнца въ массѣ цвѣтныхъ полуколецъ. Темнѣли изгибы бровей надъ высоко поставленными зрачками узковырѣзанныхъ глазъ, и рѣдко на нихъ набѣгало прозрачное вѣко, съ темной опушкой рѣсницъ. Она задумалась и слушала неясные звуки: крикъ маленькой птицы, рокотъ вѣтра въ обледенѣвшихъ вѣтвяхъ, — шорохъ невнятный отъ сна пробужденной земли.

Легкій, какъ паутинка, шарфикъ колыхался и ласкалъ Андрея—и, сквозь нѣжную ткань, онъ видѣлъ полное ласки лицо...

Весь день дулъ вѣтеръ и гналъ по небу облака. Разорванныя, они припадали къ землѣ, ложились въ канавы и долго метались неясными бѣлыми призраками надъ черной измятой землей.

Большая зала стараго дома. Тонкія плоскія руки, въ браслетахъ и кольцахъ, скользятъ по чернымъ и бѣлымъ костямъ. Струны стонутъ отъ ударовъ. То призракомъ жизни роит-

ся, то, замирая, клокочетъ у края земли, то громкимъ торжественнымъ гимномъ по небу несется—чудесный неясный и стонущій звукъ.

Ада играла долго, не зная времени, не чувствуя себя. Сумерки сперва ползали по стѣнамъ пестрыми тѣнями и уныло прятались въ углахъ, потомъ сѣли въ кресла и зажмурились, наконецъ собрались въ кучу и поползли черным туманомъ вверхъ. Ада склонилась къ клавишамъ рояля. Слезы лились — неудержимыя, неутолимыя, безконечно-горькія, безконечно-сладкія слезы любви. Тихо плакала, прижавши руки, какъ плачетъ маленькій ребенокъ въ углу гостиной, спрятавшись въ гардину.

Ада гнулась, сидя; синее платье сидѣло на ней тяжело: оно придавило и смяло ея маленькую грудь, черный сутажъ морщился у кармановъ и на узкихъ вздрагивающихъ плечахъ. Ада ниже опустила голову; узелъ волосъ поднялся, и брилліантъ на гребенкѣ одиноко блестнулъ въ темнотѣ.

Андрей два раза провелъ рукою по ея гладкимъ волосамъ и обнялъ ея руку: — какъ будто вдругъ ей больно сдѣлалъ.

— Оставьте, не трогайте меня!..—Боль отошла.

... Они сидѣли въ маленькой гостиной. Ада шутила и пересказала все, что только знала изъ шутокъ и проказъ; но смѣхъ не шелъ, улыбка таяла, глаза смотрѣли зло.

— Зачѣмъ вы плакали! Къ чему теперь смѣетесь такъ ненатурально! Я васъ разстроилъ!.. Я виноватъ!... Я такъ настойчиво просилъ

играть... Да, музыка порою дѣйствуетъ такъ странно.

— Нѣтъ, эта музыка — вы сами. Вы не разстроили меня ничуть. Я очень, очень рада. И голосъ вашъ пріятенъ мнѣ. Я вижу васъ, хотя уже темно.

— Не говорите такъ—не надо!

— Да, вы не любите меня!

— Я васъ не понимаю... Оставимъ этотъ разговоръ...

Часы на башенькѣ пробили семь. Они сидѣли молча въ залѣ, не зажигая свѣта, въ полутьмѣ.

Луна взошла — неясный дискъ на небѣ. На сине-черной завѣсѣ лежали безъ счета золотые огни: казалось, отъ неба къ землѣ опускалась завѣса съ милліардами слезъ простоты. Въ безуміи слезъ и радости надеждъ, взошла любовь въ лунами затканномъ покровѣ. Волненіе буйной крови сильнѣе слабаго ума; страсть отъ первыхъ ощущеній поднялась высоко.

Первый день тепла. Пріятно съ рокотомъ струится съ крышъ вода. Снегу мало — онъ все таетъ, и на холмахъ, уже плѣшивыхъ, желтѣетъ тамъ и здѣсь увядшая трава. Бабочка пархаетъ, оборками кружевъ дрожа—зеленая, несмѣлая, рожденная первой улыбкой тепла. Поля опять чернѣютъ. Все небо въ пятнахъ серебра. Плывутъ подбитыя огнями, сверкая, облака.

Ада, въ бѣломъ платьѣ, скинувъ туфли и подобравъ ноги подъ себя, лежала въ креслѣ,

у ней болѣла голова. Андрей сидѣлъ у ногъ, на низкомъ пуфѣ, читалъ ей вслухъ. Ада держала его руку и гладила длинные тонкіе пальцы.

Сегодня все казалось очень страннымъ Минутами она себя теряла: ни мысли, ни ощущенія — одинъ лишь безконечный страхъ — за что? — Сама не знала — и чувство жалости къ самой себѣ; какое-то стѣсненіе безъ боли внутри душевности жило, голову сжимали тиски, въ горлѣ была сухость; пробовала слушать, что читалъ Андрей, но сейчасъ же теряла мысль, и только ритмъ словъ баюкали ея усталую, больную голову.

«Милый мальчикъ! ты завтра уѣдешь на всегда!.. Навсегда»—какое это страшное слово! и что такое жизнь, какъ не выработка привычки къ этому «навсегда». Жизнь женщины —это страница одной любви... Милый, какіе у тебя глаза—лучистые, ясные, прекраснаго голубого цвѣта, какія длинныя, стрѣльчатыя рѣсницы и какой прелестный свѣжій ротъ!— Ада вглядывалась и хотѣла охватить его всего. — Но, что мнѣ нравится больше всего —ну, конечно, послѣ его самого и его глазъ, этихъ «свѣточей души»,—это его волосы: нѣжные, мягкіе — милые волосы. Я его поглажу—проведу рукой по волосамъ: онъ добрый, онъ позволитъ мнѣ эту ласку, которую мужчина позволяетъ только любимой женщинѣ.

Ада протянула руки и положила ихъ на его голову; скрестивъ руки, обвила его шею — тонкую въ вѣночкахъ шею—и крѣпко прижимала его къ своему больно бьющемуся сердцу.

Это было что-то хорошее—чистое чувство, —чистое, какъ звонъ колокольчиковъ, на льдинками затянутомъ озерѣ въ яркій солнечный день, когда вѣтеръ нѣжною рукою перебираетъ водяной хрусталь и ледъ испуганно бьется, и въ сердцѣ молодого путника врывается радость: онъ весь открывается и дрожитъ на нѣжномъ вѣткѣ своей души. Но радостное и чистое ощущеніе было лишь одну минуту.

Чувство легкой подвѣсности отошло и смѣнилось тяжелымъ чувствомъ требовательнаго тѣла: она теряла себя — становилась однимъ тѣломъ бездушнымъ, безразсудочнымъ — тяжелымъ и страшнымъ въ своей слѣпой страсти.

Ада очнулась... Стыдъ волной залилъ лицо; схвативъ платокъ, она прижимала его къ сухимъ глазамъ, тщетно прося очистительныхъ слезъ, но слезы не шли, только большое сердце больно стучало, сдавленное въ тѣсной груди. Тяжесть давила ее.

«Она безумная, совсѣмъ безумная! — думалъ Андрей: — Обняла меня... долго смотрѣла въ глаза... улыбнулась такъ странно... и тяжесть, давившая меня — ея руки, сжимавшія мнѣ шею, — прошла. Мнѣ былъ радостенъ свѣтъ ея лица: оно ожило, и вмѣстѣ съ нимъ — ея душа. Она казалась мнѣ родной и милой... Она шла ко мнѣ съ цвѣткомъ любви, а я смялъ цвѣтокъ, откинулъ... сломалъ и смялъ ея любовь...»

Адѣ было страшно двинуться; иногда и раньше находили на нее такія минуты обмиранія: боязнь дѣйствія безъ чувства страха. Андрей старался оживить ее: ласкалъ лицо и волосы, гладилъ плечи, касался похолодѣв-

шихъ рукъ; ощущеніе легкой тяжести на плечѣ и теплота дыханія на обнаженной рукѣ пробудили ее, сжали болью грудь, но боль ушла, и потрясающая радость расширила грудь; не ликующая — а сладостная радость, подобная той, которую приноситъ вѣтеръ моря, когда, соленый и пряный, онъ ударяетъ въ лицо, а кругомъ зачарованному взору открывается ослѣпительный просторъ безконечнаго голубого моря. Чтобы не спугнуть тихой радости, Ада боялась дышать и украдкой смотрѣла на Андрея; радость пришла такъ внезапно и могла также быстро исчезнуть, радость пришла отъ него.

Андрей улыбнулся и сѣлъ на коверъ у ея ногъ; она разсмѣялась свѣжо и искренно, какъ-будто распахнулось окно и зароились пѣвчія птички, сзывая и дразня самцовъ. Ада опустила свою голову на холодный лобъ Андрея и обжигала его нѣжную кожу своимъ дыханіемъ, цѣловала его и больно колола рѣсницами.

Лучъ весенняго солнца ворвался безумцемъ въ окно и защекоталъ ей лицо.

«Ты не ласкаешь меня, такъ солнце подослало ко мнѣ утѣшительный лучъ...

«Андрей полюбитъ... онъ жилъ одиноко, боялся женской любви, онъ чуткій живой — онъ полюбитъ... Мое чувство его оживитъ.

«Дорогой! люблю я, люблю я тебя безконечно!

«Тебѣ, восторгу радости нежданной, я принесла священный даръ моей любви. Неужели, нѣтъ въ тебѣ отвѣта на зовъ моей души! Не-

ужли, ты не чувствуешь страданія и нѣжныхъ пѣсней-радостей любви!»

Крупныя слезы упали, холодныя слезы — чистыя счастливыя капли любви! Ада припала къ плечу Андрея и плакала.— «Не плачь, не плачь, не надо,» – хотѣлъ сказать Андрей, но слова не шли. Андрей думалъ, что его равнодушіе ранило ее, оттого и заплакала, оттого и отняла горячее лицо съ нѣжными, холодными слезинками! Ада плакала легко, но, когда онъ отошелъ, она и не замѣтила, что сама отодвинулась отъ него — слезы стали тяжелѣй, подступала горечь. Почувствовалъ ли это Андрей, но онъ потянулся къ ней и залилъ огонь ея тоски пожаромъ радости: обнялъ ее, обвилъ руками тонкій гибкій станъ и спряталъ лицо въ нѣжныхъ тканяхъ у ея ногъ...

Обреченные

Часть первая

I

Протяжно свистятъ, молніей разрываются и краснымъ горохомъ сыплются и разлетаются шрапнели. Красиво! Не думается объ опасности, и совсѣмъ не страшно. А потомъ — перейдутъ огни, стихнутъ громы, и въ мертвой тишинѣ станетъ опять страшно. — Чего они тамъ притихли? Лучше бы ужъ стрѣляли!

Блестящее бездонное небо запылено звѣздами, безжалостно высокимъ кажется небесный сводъ, на которомъ искрятся далекіе непонятные міры.

Поручикъ Званскій лежитъ въ окопѣ и смотритъ на самую крупную изъ звѣздъ. Она едва замѣтно то суживается, то расширяется— точно дышитъ — испуганно мигаетъ, какъ будто и она, безконечно далекая, тоже боится того, что творится здѣсь.

Вотъ розовыя, палевыя, нѣжно-желтыя полосы побѣжали по небу; тонкія, слойчатыя, сочно-желтыя поднимаются онѣ все выше, стали оранжевыми, потомъ розовыми, наконецъ, наливными кровяно-красными. Опять загудѣли снаряды, загрохотали разрывы. Красное

небо было ослѣпительно красиво: ало блестѣло сквозь бурые и бѣлые дымы артиллерійскаго огня. Потомъ красный свѣтъ потухъ, и опять выплыли облака, какъ-будто кто-то взялъ большой малиноваго цвѣта карандашъ и началъ штриховать имъ часто-часто по блѣдно-молочному синеватому небу. Наконецъ, показалось солнце — тусклое, померкшее, неясное, словно видимое сквозь закоптѣлое стекло. По выжженному, покрытому ямками снарядовъ, косогору передъ окопами, спугивая бархатистыя нѣжныя тѣни сумерекъ, пробѣжали первые несмѣлые лучи; затемнѣли впереди обвитые проволокой колья.

Поручикъ Званскій взялъ бинокль и сталъ пристально смотрѣть вдаль. Его батальонъ лежалъ въ колѣнницахъ и луночкахъ за дерненными редутами и каждую ночь ждалъ атаки врага. Впереди, надъ сжатыми полями, колыхался разорванными клочьями бѣлый туманъ, и ничего въ немъ не было видно, кромѣ рѣдкихъ кустовъ и разорванныхъ неясныхъ отблесковъ, раскиданныхъ здѣсь и тамъ. Поручикъ наводилъ бинокль въ разныхъ направленіяхъ, стараясь проникнуть взоромъ сквозь бѣлую вуаль... Въ одномъ мѣстѣ изъ тумана выплыли нѣмецкіе пѣхотинцы въ сѣрыхъ мундирахъ и остроконечныхъ черныхъ каскахъ. Они медленно подвигались жидкой цѣпью. Тяжелые, обшитые волосатой кожей, ранцы дѣлали ихъ квадратными, странными, совершенно не похожими на обыкновенныхъ людей. Выглянувшее изъ-за тучи утреннее солнце грозно сверкнуло на ихъ ножевидныхъ, примкнутыхъ къ ружьямъ штыкахъ...

Жалобно и тоскливо загудѣлъ полевой телефонъ. Поручикъ быстро вскочилъ и выслушалъ приказъ... Холодный потъ выступилъ отъ страха на лбу. Непріятно дрожали и нѣмѣли ноги. Разобралъ аммуницію. Позвалъ фельдфебеля. Слушалъ, что тотъ говорилъ ему, а самъ машинально, даже противъ воли, совершенно не молясь, мысленно повторялъ слова заученной съ дѣтства молитвы.

Томительное равнодушное оцѣпенѣніе надвинулось на тѣло. То хотѣлось, чтобы никогда не наступила атака, то брало нетерпѣніе: кровь приливала къ кожѣ, тяжело ударяла въ руки и ноги, нестерпимо хотѣлось сейчасъ же выскочить изъ окопа навстрѣчу врагу и страшно трудно было слушать слова команды, отнимающей волю у отдѣльнаго бойца и подчиняющей ее единой слѣпой силѣ. Потомъ опять возбужденіе смѣнялось апатіей: хотѣлось лечь и не шевелиться, закутаться съ головой въ шинель, чтобы ничего не слышать и не думать объ атакѣ, напречь всѣ силы, чтобы какъ-нибудь остановить все это навожденіе, думать о радостномъ и счастливомъ прошломъ. Это прошлое было такъ далеко, такъ расходилось съ впечатлѣніями теперешней страшной минуты.

...Бѣлая палочка капельмейстера то выводитъ что-то сложное, то замираетъ, то, быстро прыгая, вышиваетъ широкое, беззаботное, безпричинное-радостное. Легко идти подъ музыку по утрамбованнымъ желтымъ пескомъ дорожкамъ сада. Въ большихъ зеленыхъ кадкахъ стоятъ блестящія холеныя растенія. Клумбы разрисованы замысловатой виньеткой

цвѣтовъ. Красивыя, шикарно одѣтыя, доступныя и полудоступныя женщины проходятъ взадъ и впередъ. Нѣкоторыя изъ нихъ пристально смотрятъ, хотятъ обратить на себя его вниманіе.

Въ сердцѣ отвага, во всѣхъ мускулахъ трепетъ неисчерпаемыхъ силъ молодого тѣла. Въ головѣ полное отсутствіе мыслей и сознаніе неотразимости, красоты и блеска своей офицерской формы. Гренадерская фуражка съ ярко-желтымъ околышемъ немного на бекрень, съ армейскимъ шикомъ. Модное темно-сѣрое пальто, ловко стянуто въ таліи и падаетъ внизъ свободнымъ куполомъ-клешемъ. Галунъ тугаго шитаго золотомъ мундира сжимаетъ шею. Ярко блеститъ лакировка сапогъ. Пріятно позваниваютъ сабля и шпоры. Урывками онъ смотритъ на женщинъ и съ гордой осанкой проходитъ мимо нихъ... Одна изъ женщинъ приглянулась; онъ идетъ за нею, нагоняетъ, смотритъ на нее наглымъ, вызывающимъ взглядомъ и движеніемъ руки предлагаетъ ей слѣдовать за нимъ. Быстро несутся они по проспекту на мягко-упругихъ рессорахъ провинціальнаго рысака. Городовые, какъ ошалѣлые, вытягиваются передъ нимъ, а онъ небрежнымъ движеніемъ руки возвращаетъ ихъ въ прежнее состояніе фараонскаго величія и недоступной обывателю высоты.

Какъ это началось? Онъ тогда былъ еще въ корпусѣ, и отъ старшихъ товарищей узналъ объ этихъ женщинахъ и возможной за деньги любви. «Такъ скучно, — жаловались старшіе сверстники. — Давайте, поѣдемте къ нимъ!» — предлагалъ кто-нибудь, и съ взволнованными,

возбужденными лицами, шумно и отрывисто говоря между собою, они куда-то ѣхали. Въ концѣ мѣсяца, послѣ обычной получки денегъ отъ отца, онъ самъ попросилъ старшихъ товарищей свести его туда. Раньше онъ на эти деньги покупалъ конфетъ — а теперь рѣшилъ купить женщину. Ему не столько хотѣлось испытать «удовольствіе», сколько подмывало любопытство, и казалось, что вмѣстѣ съ этимъ шагомъ онъ вырастетъ, какъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, такъ и въ глазахъ окружающихъ. Итакъ выработался у него съ раннихъ лѣтъ обычный въ его средѣ взглядъ на женщину, какъ бездушный предметъ соревнованія и удовольствія...

Тысячи ударовъ потрясали воздухъ. Тяжело гудѣла земля. Небо стояло въ огнѣ. Горохомъ разсыпались и съ визгомъ падали пули. Шипѣли, разлетаясь, стальные осколки бомбъ. Желтыя и черныя волны удушливаго дыма медленно и тяжело вздымались здѣсь и тамъ...

Поручикъ Званскій судорожно сжималъ револьверъ въ горячей влажной рукѣ. Каждая секунда острымъ молоточкомъ отбивалась въ его вискахъ, и вмѣсто воспоминаній и образовъ голова была полна массой разрозненныхъ, мелкихъ мыслей.

Затрещали пулеметы... Рота стрѣляла пачками по чуть видимому за облакомъ дыма врагу.

II

Въ 1916-омъ году, лѣтомъ, гренадерская дивизія была снята съ позиціи и отведена въ

резервъ въ мѣстечко Подкупово. Поручикъ Званскій позвонилъ у крыльца отведеннаго ему дома. Дверь ему открыла стройная молодая дѣвушка и повела его вверхъ за собой; шла безшумно быстро и легко, свисающія вѣеромъ съ плечъ кружева ея передника, когда Званскій нагонялъ ее, были передъ самымъ его лицомъ; онъ хотѣлъ попридержать ее, коснуться ея платья, обнять ее и съ трудомъ сдерживалъ себя. Она обернулась: свѣжая сіяющая улыбка, глаза — какъ вишни, круглое молодое лицо. Распахнула дверь комнаты, впустила его, и сама вошла вслѣдъ за нимъ. Просто убранная, свѣтлая, улыбающаяся цвѣтами комната, столъ-туалетъ съ полуприкрытымъ киссею зеркаломъ, аккуратная, крытая бѣлымъ постель у стѣны, нѣжныя, мечтательныя сквозныя кисейныя занавѣски на окнахъ, и сквозь нихъ набѣгающее и вздрагивающее кружево свѣта на гладкомъ крашеномъ полу.

— Это моя комната. Я вамъ свою отдала, — смѣясь сказала дѣвушка, оборачиваясь къ нему. — Только думала не будетъ ли мала постель?

Маленькій ростъ поручика былъ его больнымъ мѣстомъ, но онъ не обидѣлся. Къ тому же онъ сразу почувствовалъ, что ей очень понравился. Онъ всѣмъ нравился: стройный, ловкій, веселый, съ живыми черными глазами, съ чистымъ красивымъ смуглымъ лицомъ, съ нѣсколько горбатымъ породистымъ носомъ и черными задорно-торчащими вверхъ усиками. Читать въ глазахъ женщинъ производимое имъ впечатлѣніе составляло одно изъ главныхъ его удовольствій. Онъ смотрѣлъ задорно-весело

на молодую дѣвушку, молча и беззастѣнчиво разглядывая ее.

— Кто вы будете?

— Хозяйка.

— Такая молоденькая!

— Да, я сирота, со мною живетъ тетя.

— А, какъ васъ звать?

— Даша.

— Славное имя!

Она покраснѣла отъ пристальности его взгляда, разсмѣялась, потомъ, тихо улыбнувшись, какъ-бы извиняясь за свой смѣхъ и смущеніе, зарумянившаяся и взволнованная, вышла.

«Вотъ, это называется квартира: и комната хороша, а хозяйка еще лучше!»—поглаживая усики, думалъ поручикъ и вмѣсто того, чтобы лечь спать, началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, съ удовольствіемъ прислушиваясь къ мелодичному и, по непривычкѣ, странному въ комнатѣ звону своихъ шпоръ.

Въ сосѣдней комнатѣ опять появилась дѣвушка: двигалась, постукивала каблучками, что-то дѣлала.

Несмотря на сильную усталость и нестерпимое желаніе спать, его, только-что вернувшагося съ позиціи, присутствіе этой женщины, здѣсь рядомъ, сильно волновало. Чтобы побороть усталость и пересилить себя, онъ продолжалъ ходить.

Она ушла. Стало тихо. Но онъ не могъ успокоиться: все ходилъ, щелкалъ себя стэкомъ по голенищамъ сапогъ и напѣвалъ бравурныя пѣсенки, поперемѣнно, то высокимъ, игривымъ, то низкимъ голосомъ.

«Что же, выйду, познакомлюсь и разговорюсь.»

Онъ только что собрался идти къ ней, какъ она постучала сама и предложила ему чай и закусить.

Разставляла тарелки, собирала на столъ, а онъ посматривалъ на нее, останавливался на ея фигурѣ, лицѣ, старался заглянуть въ глаза. Она отвѣчала спокойно на его взгляды, посмѣивалась, что-то говорила. Голосъ у нея былъ негромкій, но звонко-радостный. Ротъ былъ очерченъ мягкими линіями. Она не могла говорить не улыбаясь, и это очень шло къ ней. Въ профиль или при взглядѣ чуть сзади немного курносое ея лицо, съ нѣжными круглыми щеками, было добродушнымъ и милымъ. Верхняя, чуть затѣненная губа, потѣшно-короткая и полная, приподнималась, какъ у дитяти, открывала два ряда прекрасныхъ маленькихъ зубовъ и блестѣла надъ ними ярко-алой подушечкой, когда она смѣялась. Въ улыбкѣ ея чувствовалась счастье жизни и наивное, чисто-дѣвичье, удивленіе передъ ней. Глаза были каріе и настолько темные, что въ глубинѣ радужекъ зрачки тонули и почти что не были видны. Волосы рыжевато-русые, съ золотистымъ отливомъ на лбу, распушенные и непослушные, радостно жмурились потѣшными завитками; сзади были собраны въ тяжелый, гладкій узелъ.

Стройная, немного тонкая, съ слегка покатными плечами и тонкой гибкой таліей, она ходила чуть покачиваясь, плавно и изящно. Подъ легкой кофточкой при каждомъ вздохѣ напруживалась полная, упругая грудь; тонкая

ткань не льнула и просвѣчивала у плечъ розоватыми контурами тѣла. Бѣлый расшитый кружевами и плойками передникъ дѣлалъ ее выше ростомъ и придавалъ легкость и воздушность всѣмъ ея движеніямъ. Узкая юбка тѣсно облегала гибкія бедра и обрисовывало крѣпкое, стройное тѣло.

Взгляды поручика становились все пристальнѣе и продолжительнѣе. Дѣвушка опять застыдилась, чуть зарумянилась, засмѣялась шелковистымъ ласковымъ смѣхомъ и сощуренными глазами, какъ-бы изподтишка, посмотрѣла ему прямо въ глаза. Онъ выдержалъ взглядъ, подошелъ къ ней, придвинулъ стулъ, хотѣлъ силой посадить ее, но она однимъ прыжкомъ отскочила отъ него, погрозила ему пальцемъ, сдѣлала выразительную гримаску угрожающаго характера и ушла; но вскорѣ появилась опять и не уходила; перекидываясь фразами, стояла около него.

Чистая розово-бѣлая бабочка. Стройная. Улыбка задорная. Глубокіе искренніе глаза. Не изъ «барышень» сантиментально кислыхъ придающихъ своимъ хорошенькимъ личикамъ выраженіе томленія и скуки, и не сарафанная красавица, съ сонными глазами и лѣнивыми жестами. Умная, съ открытымъ смѣлымъ характеромъ... и какое богатое красивое тѣло!

...Но какъ съ ней быть? идти ли на проломъ или дѣйствовать обходомъ?.. Однако, что тутъ разсуждать! Съ женщиной, какъ на войнѣ, промедленіе потерѣ подобно. И когда дѣвушка, что-то переставляя на столѣ, подошла ближе къ нему, онъ услужливо отодвинулъ колѣно и привлекъ ее за талію къ себѣ, но она съ си-

лой отдернула его руку и быстро, не оборачиваясь и низко наклонивъ голову, ушла. Но дверь не прикрыла. Онъ легъ не раздѣваясь на постель лицомъ къ двери. Видѣлъ, какъ она ходила, стараясь не стучать каблуками, радостно мелькала бѣлой одеждой въ полосѣ свѣта, то появлялась, то скрывалась, тихо поскрипывая дверью.

III

— Эта неизвѣстность меня окончательно извела! Васъ постоянно нѣтъ дома! куда вы ходите? удивительно!.. И вотъ тоже нехорошо, что офицеръ у васъ стоитъ. Разговоры могутъ пойти. Вѣдь вы однѣ, въ домѣ у васъ нѣтъ ни одного мужчины... Видѣлись вы съ нимъ, говорили? —

Купецъ Федуловъ, худенькій, некрасивый, съ поднятыми плечами, неловкій маленькій человѣкъ, ходилъ мелкими шашками по комнатѣ, по-женски двигалъ тазомъ, отставляя ноги, не разнимая колѣнъ, и въ тактъ своимъ мыслямъ размахивалъ пригнутыми въ локтяхъ къ узкой грудной клѣткѣ руками.

— А вамъ какое дѣло? Тоже попечитель нашелся! Что за допросъ?!

— Да, я по праву знакомаго... жениха.

— Какой такой женихъ?!

— Люблю...

Онъ суетился, гримасничалъ, замѣнялъ слова жестами.

— Запрегъ одно слово «люблю», а ты спроси, тебя-то я люблю?

Онъ еще нѣсколько разъ взмахнулъ руками, а потомъ весь сразу выгорѣлъ и, обезсиленный, упалъ въ кресло; смотрѣлъ на нее вопросительно-кроткимъ взглядомъ большихъ темно-голубыхъ, въ тѣни почти лиловыхъ, глазъ и съ дѣтски капризно-обиженнымъ видомъ все больше отдувалъ нижнюю, полуприкрытую свисающими свѣтлыми усами, губу. Потомъ опустилъ голову.

«Фи, какой онъ жалкій, смѣшной, а раньше даже нравился мнѣ.»

Она смотрѣла на его бѣлобрысые волосы, сливающіеся на темени въ одну общую массу, какъ гусинный пухъ, на острый кончикъ длиннаго прямого носа, усѣяннаго маленькими точечками, на большія, оттопыренныя, круглыя, розовато-просвѣчивающія уши, — и передернула плечами. Потомъ повернулась спиной и сейчасъ же опять обернулась.

— Все лучше, чѣмъ это безразличіе.

— Когда я тебѣ обѣщаніе давала?... Говори!.. Что молчишь?.. Изумительно мило! Нѣтъ, право, восхитительно! Что вы на это скажете?!. А просто плюну и уйду.

— Это вы мнѣ?

— Да, вамъ... Кажется, никого, кромѣ васъ, въ комнатѣ нѣтъ. Вы позабыли очевидно, что сдѣлали... Какъ вамъ пришла на умъ такая глупость. Что за мной этотъ офицеръ ухаживаетъ? ...И еще людямъ говорите! Отъ сплетень остерегаете и сами сплетни сѣете... Стыда-то было... Чтобы я съ вами жила, да никогда!.. Развѣ я тебѣ пара? Умная, а ты дуракъ. Не по себѣ березу ломишь! ...А вотъ сей-

часъ, на зло, пойду и познакомлюсь съ этимъ офицеромъ.

— Сдѣлайте лучше такъ, чтобы онъ уѣхалъ отъ васъ. Я ему цѣлую квартиру отдамъ въ моемъ домѣ... А то, онъ увидитъ васъ... заинтересуется вами...

— Ну и чтожъ. Онъ мнѣ даже нравится. Я уже познакомилась, — очень милый и образованный человѣкъ... Жалко, что я на курсахъ не была, а то непремѣнно сестрой пошла бы за ихъ полкомъ. Впрочемъ, онъ обѣщалъ похлопотать и устроить: можетъ-быть и такъ безъ курсовъ можно.

— Значитъ любите?

— Да, каждую ночь во снѣ вижу ...безумно люблю!

— А вы знаете, зачѣмъ я пришелъ?

— Удивлена, пожалуй, а зачѣмъ — не знаю. Да, я и не мастерица угадывать. Если хотите, то говорите безъ обиняковъ.

— Пришелъ, чтобы переговорить съ этимъ офицеромъ. Но, прежде мнѣ надо объясниться съ вами. Это обманъ. Говорили, что любите, а теперь нѣтъ.

— Да, я пошутила.

— Я принесъ вамъ самое свѣтлое — мою первую любовь, а вы посмѣялись надо мною!..

— Вамъ за тридцать лѣтъ. Я плохо вѣрю, что я ваша первая любовь, что вы раньше никого не любили?

— Вашими этими словами вы, какъ бы, сдираете кожу съ моего сердца. Я васъ люблю, а вы — не любите?.. Обманываете?!

Глаза его заслезились, покраснѣли. Говорилъ онъ отрывисто, задерживая дыханіе,

срывался, и вмѣсто словъ можно было различить лишь какіе-то жалкіе звуки; только послѣднее слово «обманываете» выкрикнулъ онъ высокой напряженной нотой.

— Я только говорю вамъ, что такъ сразу нельзя; поймите же что своимъ словомъ я судьбу свою рѣшаю.

— А я не могу ждать... не могу...—сквозь слезы, черезъ силу выкрикнулъ онъ.

— Ну, такъ нѣтъ!

— Окончательно?!

— Да, окончательно.

— Если бы вы знали, что вы со мной дѣлаете!

— Ничего особеннаго. Попьянствуете немного — сегодна—завтра погрустите — а тамъ и позабудете.

— Нѣтъ, никогда!

— Ну, если никогда, то когда нибудь и поговоримъ опять.

— Какая вы добрая. Я готовъ на колѣняхъ всю жизнь передъ вами стоять.

— Вамъ ничего не обѣщала — надѣюсь, это замѣтили.

— Но дали надежду!

— Да надежду, пожалуй, но очень отдаленную.

— Что это за кикимора? — спросилъ Званскій.

— Это вы про кого?

— Про вашего визитера.

— Вамъ не нравится?

— Какое-то ископаемое!

— А вы не смѣйтесь.. Давайте погадаю: не ему ли мнѣ суженой быть?

Достала карты.

— Трефовый король — онъ, а вы — бубновый, а я — дама червей. Теперь снимите, посмотримъ что выйдетъ. Только не смѣйтесь, а то карта правды не скажетъ. И не смѣйте мѣшать и со мной разговаривать, пока кончу.

Начала гадать; молча, не глядя на него, раскладывала карты. Ничего не сказавъ, быстро смѣшала карты, взглянула на него и разсмѣялась прямо въ лицо; перегнулась черезъ столъ и однимъ быстрымъ движеніемъ руки смѣшала ему волосы на головѣ; а когда онъ поднялъ голову, ея уже не было въ комнатѣ, и только за дверью бѣлѣлъ краешекъ ея празничнаго платья.

IV

Даша завивала и причесывала волосы утромъ при огнѣ, сидя передъ зеркаломъ, и помахивая въ воздухѣ разогрѣтыми щипцами, думала:

Не стоитъ такъ мнѣ надъ жизнью раздумывать. Если уже жить, такъ жить счастливо—очертя голову... Если бы я любила, такъ сама первая, на шею ему бросилась бы... А теперь я никого не люблю. Вотъ, мучить ихъ — это мнѣ нравится. Кто бы посмотрѣлъ на моего офицера... Что ни минута, то дверь открываетъ... У нихъ въ полку, ночью тревога была — приказъ на позицію; онъ ночью, не постучась, вошелъ ко мнѣ въ комнату, когда я раздѣтая лежала уже

въ постели. — «Какое право вы имѣете врываться въ мою комнату?» — «По праву любящаго»! — отвѣчалъ онъ. Не хотѣлъ не попрощавшись уѣхать... Тревога была ложная — для провѣрки. Извинялся: «Мы съ поля смерти пріѣхали и на насъ нельзя смотрѣть какъ на обыкновенныхъ людей. Каждый изъ насъ отъ этой близости смерти немного свихнулся!» Да и вѣрно: посиди тамъ подъ пулями, небо въ овчинку покажется. Ихъ война такими сумасшедшими сдѣлала... Тетя говоритъ: ты бы сама къ нему не ходила. А на ночь запиралась бы. Они офицеры-то, всѣ нахалы и ловеласы». Ну вотъ, стану я бояться. Это уже смѣшно. Да и какъ тутъ уйдешь отъ него, когда онъ проходу не даетъ и въ любви объясняется... И еще этотъ Федуловъ все ходитъ — меня добивается. Мечется, какъ огнемъ охваченный. Вчера изъ-за него двѣ тарелки разбила. Собирала офицеру, а онъ пришелъ завозился... у меня посуда изъ рукъ трахъ... одни черепки. Каждый день ходитъ: все надѣется! Въ ноги раза три бухалъ — все окончательнаго рѣшенія требовалъ. А я уперлась—такъ ни съ чѣмъ и ушелъ. А напослѣдокъ еще про офицера сказала, пошутила, что онъ, молъ, меня беретъ. Такъ онъ такъ зло на меня уходя посмотрѣлъ—съѣсть меня глазами хотѣлъ. А раньше все слезами кончалъ. Не знаю, какъ его отводить. Въ началѣ, думала, что нравится. Онъ такой услужливый былъ, смѣшной, глупый и на все покладистый. Любить — не любила, а забавлялась имъ; можетъ быть, жалѣла, а теперь даже противенъ сталъ. Мало бы, что богатъ. Ни за что не выйду. Выйду, такъ только по любви!.. Пришелъ

вчера. Притупился, притихъ. Жалко смотрѣть на него. Плачетъ — такъ меня любитъ. Говоритъ, боготворить, на рукахъ носить будетъ. Чѣмъ не пара! Любитъ, не старъ, въ дѣлѣ аккуратенъ, человѣкъ состоятельный. Чего же еще надо?.. немного дурковатъ, такъ это и лучше: не я въ его, а онъ въ моихъ рукахъ будетъ. Не пара я ему!?. Почему это мужчинамъ любить и выбирать можно, а намъ, дѣвушкамъ, нельзя? Тетя споритъ со мной, говоритъ, что вся эта любовь одна ерунда, выдумка, что въ жизни никакой любви нѣтъ. — «Начиталась въ романахъ и говоришь глупости. Любовь — это только въ книжкахъ, а въ жизни надо умомъ жить. Офицеръ твой полюбитъ-то полюбитъ, а не женится, взмахнетъ крылышками и улетитъ — только что его и видѣла.» Я говорю, что никакой любви нѣтъ, а тетя все свое твердитъ: «Отъ него, какъ отъ огня, подальше: опасный онъ человѣкъ».

Закрыла глаза, какъ бы сожалѣя о недавнемъ снѣ и желая вернуть его: дѣйствительно ли она сидѣла на колѣняхъ у него и онъ цѣловалъ ее?

«Вырвалась и убѣжала прочь. А и по сейчасъ, какъ вспомню, въ глазахъ туманъ и сердце такъ сильно и больно бьется, точно хочетъ вырваться изъ груди . . .

. . . . . .

— «Онъ, когда смотритъ, какъ-будто раздѣваетъ меня, и всегда я боюсь, что мнѣ станетъ нехорошо и я подносъ уроню, когда я къ нему вхожу. При немъ страшно стыдно, а уйдешь — наоборотъ: тянетъ... Я этой ночью

странный сонъ видѣла. Будто онъ пришелъ ко мнѣ... Говорятъ сонъ — это правда: чего хочешь, то во снѣ и видишь. Неужели? Какія у меня мысли! Какая я нехорошая!!...

«Ловкій такой, ухватистый, невысокій, но очень красивый. Какъ закрою глаза, такъ и вижу его. Представляю себѣ, какъ будто раздвигается бархатная занавѣсь и выходитъ онъ. Вижу стройныя ноги въ рейтузахъ, и въ ушахъ такъ мелодично и нѣжно звенятъ его шпоры... Онъ приближается. Вотъ совсѣмъ близко около самыхъ моихъ глазъ его лицо... ...И какъ я, дѣвушка, и мнѣ приходятъ такія мысли...»

Съ прилизанными на вискахъ и смѣшно торчащими на темени наскоро причесанными волосами, онъ сегодня ей особенно нравился. Хотѣлось, какъ тотъ разъ, подойти и растрепать его волосы; но за послѣднее время онъ измѣнился къ ней: не искалъ встрѣчъ, какъ раньше, прекратилъ преслѣдованія, не позволялъ себѣ никакихъ выходокъ, — казался иногда совершенно равнодушнымъ къ ней. Но это было только игра. Выпады его срывались, и это только сильнѣе возбуждало его мужское самолюбіе и толкало его къ ней.

— Скажите, а что, если я васъ полюбилъ?

— Отчего же и нѣтъ?

— А если я поцѣлую васъ?

И онъ наклонился къ ней такъ близко, что его дыханіе обожгло ей щеку. Она проворно закрыла руками лицо и закачала головой, какъ-будто у нея болѣли зубы; а онъ старался отнять ея руки, цѣловалъ ихъ, пытался

заглянуть въ лицо. Смотрѣлъ на ея затылокъ съ золотистымъ отблескомъ подъ темными аккуратно зачесанными вверхъ волосами, чувствовалъ мягкую теплоту ея тѣла...

Она отняла руки отъ лица и, не поднимая его, прижалась головой къ его груди...

. . . . . .

Красота и счастье парили вокругъ нихъ. Казалось, что это не наяву, а какой-то чудный сонъ; казалось, что вотъ сейчасъ она проснется, и все исчезнетъ. Она тянулась къ нему, ненасытно, жадно цѣловала его. «Я люблю» — эти слова звучали на разные лады, переливались, какъ радуга.

Подъ вліяніемъ чувства къ нему она переродилась — стала добрѣй и отзывчивѣй. Чувствовала въ себѣ такъ много силъ, что почти не нуждалась въ отдыхѣ; почти не спала, днемъ работала, а свѣжесть чувствовала неисчерпаемую, — какъ будто дулъ на нее все время нѣжный, весенній утренникъ. Все кругомъ было въ яркихъ, но гармонирующихъ другъ съ другомъ цвѣтахъ; всѣ краски представлялись ей какими-то особенными; лица окружающихъ людей — поразительно красивыми, и всѣ казались ей добрыми, счастливыми и желающими счастья ей. Такъ было днемъ, а ночью опять сливались дѣйствительность и сонъ. Душа и тѣло пѣли. Мысли гармонично сливались съ массой ликующихъ фантазій-сновъ...

Въ одинъ ненастный день, когда все небо было завѣшено тучами и косилъ, какъ ситечко мелкій, назойливый дождь, между ними произошло объясненіе.

— Какая ты странная! не поймешь меня! —говорилъ онъ ей, горько плачущей.—Любить я тебя люблю. Ни одна женщина не производила на меня такого впечатлѣнія, какъ ты. Но жениться—не могу. Ты должна понять разницу нашего положенія. Въ нашемъ полку на мѣщанкахъ не женятся — женятся только на женщинахъ своего круга. Я люблю свой полкъ; полкъ никогда не разрѣшитъ мнѣ жениться на тебѣ. На войнѣ мы порядкомъ полиняли: отвыкли отъ приличной жизни, отстали отъ традицій, поразмылись барьеры, — все перепуталось. Но это только на время: кончится война — все станетъ въ прежнія рамки. Да, наконецъ, это и не важно. Любить можно и такъ. У тебя есть независимое состояніе. Ты можешь поселится въ томъ городѣ, гдѣ стоитъ нашъ полкъ. Мы будемъ часто видѣться . . .

Она слушала его, сжавъ на груди, надъ тяжко бьющимся сердцемъ, руки. Онъ говорилъ твердымъ, спокойнымъ и до непріятнаго увѣреннымъ въ себѣ голосомъ. Ее ранили не столько его слова и смыслъ ихъ, сколько холодный, недопускающій возраженія, исключающій, какъ ей казалось, всякую возможность чувства тонъ. Ей показалось небо ея счастья чернымъ, какъ деготь, и всѣ звѣзды потухли. Онъ сталъ далекимъ-далекимъ. Было такъ тяжело, что она не могла плакать; широко раскрытыми холодными глазами смотрѣла на него. Было чувство, какъ будто изъ нея все вынули и она стала совершенно полой; только оболочкой прежней себя могла двигаться и говорить.

V

Въ одинъ изъ вечеровъ у поручика Званскаго собрались его товарищи — офицеры: батальонный командиръ, адъютантъ и субалтернъ-офицеры его роты.

Одинъ изъ офицеровъ, Стрижевъ, самый молодой, только-что произведенный изъ прапорщиковъ въ подпоручики, пилъ больше другихъ и былъ очень оживленъ; синіе, подъ свѣтлыми рѣсницами, добрые глаза его поблескивали задоромъ и удалью.

— Я впервые выпилъ водки, когда служилъ вольноопредѣляющимся, и тутъ произошла у насъ исторія.

— Вотъ, дуракъ, чего же ты раньше моргалъ! — перебилъ его, пропуская рюмку, Званскій.

— Мы, трое, сидѣли подъ арестомъ. Было очень скучно. Настроеніе отчаянное... — продолжалъ Стрижевъ; но старшіе офицеры, увлеченные споромъ по поводу очередныхъ представленій, не слушали его; и молодой офицеръ обращался больше къ Дашѣ, которая при постороннихъ старалась казаться веселой и была попрежнему заботливой и внимательной хозяйкой.

— Настроеніе отчаянное. Попросили солдата принести намъ водки. Выпили и сразу повеселѣли. Захотѣлось дурить. Выкинули дрова черезъ окно въ сосѣдній садъ. Изрѣзали и выкинули туда же кобылу. Деревянная, обитая кожей кобыла раздражала насъ больше всего. Каждый разъ, прежде чѣмъ идти въ отпускъ, надо было одѣть по формѣ шинель,

стянуть поясъ такъ, чтобы два пальца нельзя было засунуть за ремень, и въ такомъ видѣ перепрыгнуть черезъ кобылу; кто неправильно прыгнетъ или сорвется, того въ отпускъ не пускали. Кобылу мы искромсали, дрова повыкидали и завалились спать. Совсѣмъ не думали о томъ, что за нашу проказу намъ грозило два года дисциплинарнаго батальона. Утромъ просыпаемся, какъ въ туманѣ. Выстроили насъ. Я по росту былъ третій. Всего восемнадцать человѣкъ. Командиръ учебной команды, капитанъ Кибаленко спрашиваетъ, кто видѣлъ или знаетъ, какъ и кѣмъ была выкинута кобыла и дрова. — «Отвѣчай справа налѣво!» — Первый съ фланга отвѣчаетъ: «Не могу знать, ваше высокоблагородіе»; то же отвѣчаетъ второй. Я повторяю машинально: «не могу знать». За мной всѣ пятнадцать тоже такъ отвѣчали. «Будете всѣ безъ отпуска,— рѣшилъ капитанъ, — пока не выяснится, кто виноватъ». Мы, всѣ восемнадцать человѣкъ, сидѣли безъ отпуска двѣ недѣли. Никто не говорилъ. Все объяснилось самымъ благопріятнымъ образомъ. Капитанъ объявилъ намъ, такъ какъ за двѣ недѣли никто не признался, онъ думаетъ, что это не мы сдѣлали, такъ какъ тамъ были и другіе солдаты, выразилъ даже сожалѣніе, что намъ пришлось сидѣть двѣ недѣли безъ отпуска... За семнадцать мѣсяцевъ службы я, кажется, больше семи провелъ подъ арестомъ. Наканунѣ моего уволненія вышелъ я изъ казармы на улицу, накинувъ шинель. Меня останавливаетъ офицеръ нашего полка, поручикъ Тумановъ. — «А почему вы въ шинели? Правилъ не знаете?

Идите за мной,» — и отвелъ меня на гауптвахту. Поручикъ Тумановъ и до сихъ поръ производства не получилъ — болтается «вѣчнымъ поручикомъ» гдѣ-то на этапѣ, а тамъ чины не такъ скоро даются.

— И не говори, — прислушался къ заключительной фразѣ его разсказа Званскій. — Много ихъ тыловыхъ, да они хоть чиновъ не получаютъ, а развѣ мало и у насъ, при дивизіи, прихвостней развелось! Въ дѣлахъ ихъ не видно — прохаживаются любителями, а чуть какая бѣда — на телефонѣ сидятъ, чтобы во время и съ комфортомъ удрать.

— Все это такъ, а, все же, офицеры и въ тылу нужны, особенно кадровые, — замѣтилъ адъютантъ. — Слышали, въ Петербургѣ безпорядки. Въ штабѣ телеграмма получена. Забастовало нѣсколько заводовъ. Положеніе серьезное. Были бы въ тылу наши старые офицерскіе кадры — въ два счета разсчелкали бы!

— Что мы, офицеры, безъ солдатъ можетъ сдѣлать? Будь у насъ современная демократическая армія, а у насъ, вѣдь, крѣпостничество; не дисциплинированная армія, а перемѣшанная толпа, — вмѣшался въ споръ одинъ изъ младшихъ офицеровъ, только-что прибывшій въ полкъ, поручикъ изъ запаса Кручининъ. — Глумятся надъ солдатами, выравниваютъ затылки; по два, три часа стоятъ, лѣтомъ на солнцѣ, а зимой въ морозъ, въ ожиданіи начальства. Все это для отупѣнія — для того, чтобы сдѣлать изъ сознательнаго бойца автоматъ. Ну, теперь и чувствуется, что пружина начинаетъ двигаться обратно: ее

закручивали въ одномъ направленіи, а она начинаетъ свое отвертываніе въ другомъ. Армія безъ дисциплины, вмѣсто солдатъ — вооруженный народъ; и въ народѣ этомъ, подъ вліяніемъ самозащиты и массоваго убійства, просыпается все сильнѣе протестъ противъ насилія и желаніе положить конецъ борьбѣ... Къ тому же война непопулярна, безсмысленна. Старая политика Александра I: благотвореніе другимъ народамъ — кровью своего! Солдатъ неохотно подчиняется, не ищетъ подвига, ругаетъ войну; онъ почуялъ возможность безначалія; въ немъ просыпается дикая пугачевщина — стремленіе разрушить все стоящее выше его... Если, дѣйствительно, дойдетъ до бунта и революціи, то она принесетъ съ собою крахъ культуры. Народъ будетъ движимъ не трусливой и слѣпой жаждой разрушенія и разгула и не жестокостью или местью, которыя остываютъ, насытившись крови, а потребностью видѣть страданія другихъ, чтобы утишить боль своихъ многолѣнихъ страданій. Начнется ужасная bellum omnium contra omnes! Надо провести сейчасъ же, спѣшно необходимыя реформы, какъ внутри страны, такъ и въ арміи. Конечно, перестраиваться подъ огнемъ противника очень опасно, но это единственная возможность избѣжать катастрофы.

— Какія, тамъ, реформы и революція! — сердито перебилъ Кручинина батальонный командиръ.

— Реформы — это ограниченіе власти монарха, а мы, офицеры, всѣ какъ одинъ, вѣрны трону! Вы, очевидно, кадетъ — разъ все критикуете!

— Это не важно къ какой партіи я принадлежу, капитанъ, я говорю вообще о принципахъ.

— А я вамъ говорю, поручикъ Кручининъ, что пока вы офицеръ и къ тому же офицеръ Гренадерскаго Его Величества полка, вы должны позабыть о вашихъ полититескихъ принципахъ и помнить только о чести полка и вѣрности присягѣ.

Батальонный командиръ, нахмуривъ брови и покачиваясь, всталъ съ поднятымъ стакаиомъ пива въ рукѣ:

— За здоровье Его Императорскаго Величества, шефа нашего полка! — произнесъ онъ торжественнымъ громкимъ голосомъ. Офицеры поднялись...

VI

Высокій, худощавый, съ большими руками, въ старомодномъ узкорядномъ черномъ сюртукѣ, прямой, благообразный старикъ сидѣлъ въ креслѣ рядомъ съ Дашей, и держалъ ея руку въ своей рукѣ. Жидкая, съ просѣдью, борода спускалась клиномъ на его широкую грудь. Тонкіе сѣдые рѣдкіе зачесанные вверхъ, примасленные, волосы обрамляли испитой, исчерченный жилами высокій лобъ; темное умное, съ крутыми чертами, лицо его было красиво. Говорилъ онъ ласковымъ густымъ голосомъ, протягивая гласные звуки и задерживаясь на отдѣльныхъ словахъ.

— Давай-ка счеты, Даша! Ты такъ посчитай, а я на счетахъ прикину.

Даша называла числа и записывала ихъ врядъ на листѣ, а старикъ мясистымъ указательнымъ пальцемъ правой руки, съ массивнымъ перстнемъ-перчаткой, рѣзкимъ движеніемъ откидывалъ кости на счетахъ. Когда счетъ былъ оконченъ и, къ удовольствію старика, «сошелся въ копѣечку», онъ опять откинулся на спинку кресла и заговорилъ, склонивъ голову и ласково, изъ-подъ насупленныхъ бровей, глядя на племянницу:

— Деньги, Дашенька. — потъ людской и кровь, грѣхъ въ нихъ, а безъ денегъ не проживешь: все на нихъ держится, — сила въ нихъ. Хоть, къ примѣру, я — старый, ничего мнѣ не надо, окромя моего дѣла, да дома, а за деньги все могу получить, и не надо, а могу. Вотъ чекъ, въ карманѣ у меня, — выну, напишу, и все что хочешь за него дадутъ. Что въ деньгахъ хорошо — это сила, мощь! Бумажка съ моей подписью, а пойди — и получишь за нее все что хочешь. Можешь заставить сотни людей работать и думать о томъ, о чемъ тебѣ хочется, чтобы они думали. Можешь купить цѣлую улицу домовъ или большой океанскій пароходъ или пріобрѣсти фабрику, и тысячи рабочихъ будутъ работать на тебя и зависѣть отъ твоей воли. Можешь наградить, устроить ихъ жизнь — сдѣлать ихъ счастливыми, а можешь и распустить ихъ и оставить безъ куска хлѣба. Все что хочешь можешь сдѣлать, и никто тебя въ твоемъ хотѣніи не можетъ ограничить!—Другой, чубы растрепавши, деньгами швыряетъ: ему то мило, что люди передъ нимъ кланяются. За почетъ готовъ онъ все отдать. Прошли деньги махомъ и прошла прихоть! —

А мнѣ эта людская честь, да лесть была ни по чемъ, даже, какъ-то, противъ нутра. Я деньги не изводилъ, а все изъ года въ годъ преумножалъ. Другой играетъ на биржѣ — надѣется капиталъ свой сразу удвоить и въ торговлѣ рискуетъ, а я во всемъ и всегда остороженъ былъ: копилъ понемногу, но вѣрно и каждые пять-шесть лѣтъ капиталъ свой удваивалъ. Вѣдь, никто въ городѣ и не знаетъ, какъ я богатъ. Живу скромно, одиноко. Ну, считаютъ меня въ сотняхъ, а вѣдь у меня милліонъ... — И не женился, потому что не встрѣтилъ такой женщины, къ которой бы полное довѣріе имѣлъ. На богатой жениться — это значитъ ея же родственникамъ въ долгъ давать, а возьмешь невѣсту бѣдную - все на твои деньги зариться будетъ. Такъ и остался я старымъ бобылемъ - вѣкъ вѣковать... Живу просто, какъ раньше при отцѣ жили и какъ дѣдъ мой жилъ... Только всѣхъ теперь такая жадность обуяла. Словно сдурѣли - мать и отца готовы за деньги продать. И все для того, чтобы черезъ деньги излишествовать, да образъ свой въ винѣ терять. Въ мое время иначе, душевнѣе было. Деньги тоже любили, да только больше и милосердія было, и ладнѣе жили. Богачи-то бѣдныхъ не заѣдали, какъ теперь, и бѣдные не были такіе завидующіе... Раньше были деньги, но была и совѣсть, а теперь у нихъ все на деньги дѣлится. Въ Бога не вѣрятъ, въ человѣка не вѣрятъ, только въ питьѣ, да въ ѣдѣ и счастье видятъ, и царю неугодные... Раньше было такъ: царь, сословія, а деньги — этакъ стороной. На нихъ, молъ, можно кое-что купить, да не все—главное было не въ деньгахъ

Съ рожденіемъ его получали и черезъ дѣтей оно дальше шло, и никто черезъ себя самого перескочить не могъ — шелъ своей колейкой: былъ состоятельный — могъ богатымъ стать, былъ богатымъ — могъ побѣднѣть, а все же всякій въ своемъ сословіи оставался, и на своемъ шесткѣ сидѣлъ. А теперь все смѣшалось: мѣщане позабыли ремесла и стали купцами; купцы—помѣщиками... Раньше было такъ, что повыше денегъ былъ царь: — захочетъ и сдѣлаетъ богатъ, что хочетъ, то и дѣлаетъ: ему ни законъ, ни деньги не были мѣрой. «Безъ Бога ни до порога, гдѣ царь, тамъ и правда»,—говорилъ народъ и вѣрилъ въ Бога и уважалъ царя. А теперь про царя нивѣсть что говорятъ: что онъ и царица какому-то пьяному мужику Гришкѣ ввѣрились, и тотъ за мѣсто ихъ всѣ дѣла рѣшаетъ и страной правитъ: заплати Гришкѣ деньги, и царь тебѣ все сдѣлаетъ.

Онъ нагнулъ голову, запустилъ пальцы въ бороду.

— Все на деньги теперь, значитъ, дѣлится. Мужей за деньги берутъ—прямо срамъ. Другой разъ въ газетахъ публикуютъ... Да ты что пригорюнилась, Дашечка?.. Ты-то молода и красива: тебя любой и безъ денегъ возьметъ. Только кличъ кликни—такъ женихи и посыпятся. Ты молода, у тебя еще есть время выбирать. Да и хорошо, что ты не такъ богата, а то другой присосался бы изъ-за денегъ-то. Мужъ не рукавица — съ руки не скинешь. Ты его любишь, а онъ тебя — нѣтъ, только на деньги твои позарится, а несчастной тебя на вѣкъ сдѣлаетъ. ...Ты что это задумалась-то.

Надо пощекотать тебя за ухомъ, а то чего добраго еще заснешь. ...Хорошая ты у меня, Даша, — кладъ, а не дѣвушка. Нынче такихъ мало. Все больше: ля, ля, ля — въ кино, да по театрамъ все, да съ женихами, а ты умница, да и хозяйка хорошая. Всякій тебя и безъ денегъ, какъ кладъ, въ руки возьметъ.

И дядя тихо посмѣиваясь въ бороду наклонился къ племянницѣ и шершавой въ перстняхъ рукой провелъ по ея щекѣ.

— Что пріуныла, крестница? Что у тебя на сердцѣ? Чего молчишь?

Онъ взялъ ее за оба плеча и притянулъ къ себѣ совсѣмъ близко. Чтобы не смотрѣть ему въ лицо, она ворочила головой.

— Нѣтъ нѣтъ что-то есть. Говори! Я по глазамъ вижу, это что-то не такъ. Въ чемъ дѣло? Любишь что-ли и несчастна? Говори! Не томи старика. Женатаго полюбила что ли?!

— Сама не знаю. Страшно мнѣ. Тяжко дяденька.

— Значитъ, любовь. Только, если этотъ офицерикъ, какъ мнѣ Пелагея докладывала, такъ лучше одумайся — наровистый, да и не пара тебѣ. Да и чего они здѣсь околачиваются, воины. Второй мѣсяцъ никакъ стоятъ. Зазоръ отъ нихъ одинъ. На фронтъ бы ихъ помеломъ. Хороши защитники — дѣвокъ полонятъ!.. Чего плачешь-то! Чего разрюнилась. Время-то есть еще: полюбила и разлюбишь! Одуматься надо. Любовь, какъ болѣзнь: во время лѣчить надо, пока она въ сердцѣ не свила гнѣзда.

— Поздно, дяденька... одуматься-то.

— Ахъ, вотъ какъ!! Дѣло значитъ, далеко зашло... честь потеряна!.. Да-а, я что, я тебя не виню... ты, извѣстно, молодая: кровь то ходитъ, да и дура! Онъ, конечно, негодяй!.. Да и не въ томъ дѣло, а въ томъ, какъ дѣлу помочь, какъ окончательной дурой не стать и не сгубить себя совсѣмъ... Вотъ что, ты можетъ, и не знаешь, а я по духовный тебѣ весь свой капиталъ завѣщалъ. Такъ это хоть и не хорошо — да нехорошему, вѣдь, хорошимъ не поможешь — за деньги, а можетъ быть онъ и взялъ бы тебя... А потомъ, что тебѣ — можешь и кинуть его: грѣхъ бракомъ покрыла, а жить можешь и одна. Никто въ тебя камнемъ не кинетъ, — вышла и развелась. Мало развѣ теперь разводятся, — мода теперь на то пошла. Поживешь мѣсяцъ, другой — и шабашь. Разъ такой негодяй, такъ, конечно, не жить же съ нимъ, а всѣмъ кумушкамъ, да пустосновкамъ ротъ тѣмъ подвяжешь... отъ дурной славы хоть уйдешь.

— Не знаю... не хочется и думать о томъ ...я вѣдь его, несмотря ни на что, все же люблю.

— Да, извѣстно, дура — сердце, а не умъ. Вотъ ты какая: высокая, бѣлая да румяная, всегда красивая, хохотунья, плясунья — шустрая, — вотъ такія-то на бѣду и легки... Да... вотъ что: въ воскресенье подъ вечеръ я приду, такъ ты обваргань все, какъ слѣдуетъ, чтобы закуска и все прочее честь-честью была и его позови, — я съ нимъ поговорю, — можетъ быть и до дѣла дойдемъ... Да, что ты плачешь-то?

— Ахъ, мнѣ все равно... дѣлайте какъ знаете... мнѣ все равно. —

— Жизнь прожить — не мутовки обвязать — всего натерпишься. Безъ терпѣнья и жить нельзя. ...Горе это мнѣ, тоже, старику, да, вѣдь, слезами горю не поможешь... А изъ бабъ о томъ никому не говори: такой гадкій языкъ у нихъ, что подумаютъ, то сейчасъ и скажутъ — сѣтованіемъ, да гореваніемъ своимъ затрявятъ тебя.

VII

При бритьѣ поручикъ Званскій обыкновенно по долгу разсматривалъ свое лицо; притрагивался къ маленькимъ, торчащимъ вверхъ усикамъ, приподымалъ и спускалъ складки на лбу, щурился и улыбался; но сегодня почти не смотрѣлъ въ зеркало: быстро водилъ бритвой по щекамъ и сердито отдувалъ губы.

«Формальное согласіе далъ дур-ракъ!.. Пришелъ этотъ крестный ее и молитъ: «Не губите барышню!» Хороша барышня — хоть и шляпку одѣть, а все на кухарку смахивать будетъ. Ей субреткой быть, а не женой. Хороша жена! — нѣтъ лучше пуля, чѣмъ такая жена!.. Вынудили, какъ съ ножомъ къ горлу пристали!.. Э чортъ!.. порѣзался!.. всегда такъ, когда непріятности... Да и пьянъ же я былъ... проснулся вспомнилъ... бр... женихъ!.. По благородной линіи вздумали пойти! Объяснилъ ей все честь-честью, что изъ полка попрутъ и все прочее... Нѣтъ, все таки «возьми!» — говоритъ. Ну и дура! Это все крестный взбаломутилъ и наговорилъ ей. ...А богатый чортъ! Привыкли все золотомъ мѣрить... Буду оттягивать: можетъ быть ничего и не выйдетъ. Время надо выга-

дать и, главное, отъ него денегъ не брать, а то запутаешься... Ловко подстроилъ— хитрый: сперва напоилъ, а потомъ вынудилъ согласіе дать. Хорошо, что не договорились о времени. А онъ-то былъ радъ — какъ будто все уже шито-крыто: полѣзъ со своими телячьими нѣжностями — прослезился, противный такой. Еле уговорилъ его пока все въ секретѣ держать.

Даша лежела въ постели. Ставни были прикрыты, въ комнатѣ стояли сумерки, и только красно-золотой четырехугольникъ окна ярко блестѣлъ на фонѣ темной стѣны.

...Онъ любитъ! любитъ — не такъ какъ всѣ! — старалась она убѣдить себя. — Только онъ не хочетъ бороться за нее — не хочетъ приносить въ жертву любви себя; но она и не хочетъ жертвы. Ей не надо его защиты, она не изъ слабыхъ женщинъ, которымъ необходимо спрятаться подъ чье-либо крыло... Но ей хочется ласки, участія, дружбы, а не только страсти... Развѣ это любовь? — тайная, минутная, пьяная!.. Нѣтъ, такой любви ей не надо!.. Она добьется того, что онъ возьметъ не только ея тѣло.

Днемъ облака были кудрявыя далекія неподвижныя. Къ вечеру тучи разошлись и небо вылиняло и стало однообразно темнымъ и пухлымъ, какъ намоченный сѣрый картонъ.

«Развѣ поговорить съ ней откровенно, да нѣтъ, она будетъ только плакать, какъ тотъ

разъ,»— подумалъ Званскій. Они шли рядомъ — молчаливые, погруженные каждый въ свои мысли.

«Для меня нѣтъ больше радости какъ побытъ съ тобою — думала Даша. — Почему онъ отворачивается — развѣ разлюбилъ уже совсѣмъ — можетъ быть не любилъ вовсе: только такъ, чтобы развлечься, сошелся со мной?

«Къ чему она смотритъ на меня съ такой тоской — опять начнетъ глотать слезы, и на что-нибудь жаловаться — скучно! И къ чему эти постоянные разспросы — ничего не хочетъ и не можетъ понять безъ словъ. Нѣтъ въ ней воспитанія, такта, ...Тяжелые люди... не умѣютъ жить: вмѣсто того, чтобы дѣлать жизнь легкой, только стараются усложнить ее.»

— Ахъ такъ тяжело, а ты все молчишь?!

— Если хочешь поговоримъ, но только съ тѣмъ, чтобы не было нюнь. Терпѣть не могу слезъ... Скажите-обидѣли! Не ты первая, не ты и послѣдняя!

Отъ рѣзкихъ словъ она шумно вздыхала, какъ-будто онъ брызгалъ на нее холодной водой.

— И предупреждаю тебя, если ты еще разъ при мнѣ разнюнишься — между нами все кончено...

— Но я же не плачу, — заглушеннымъ отъ слезъ голосомъ возражала она:—Я только такъ.

— Ну, и не къ чему говорить. Разъ новаго сказать нечего, такъ лучше молчать.

— Я не буду больше. Прости меня. Я такая глупая... Не смотри. Устала, ослабѣла —

вотъ и плачу. Нѣтъ, нѣтъ! Вѣрь мнѣ, это въ послѣдній разъ.

Его глаза сверкали яркимъ сухимъ блескомъ. Она избѣгала смотрѣть на него. Ясно чувствовала, что онъ ее совершенно не любитъ и боялась при взглядѣ на него убѣдиться въ томъ. Представляла себѣ его глаза: черные острые зрачки на желтоватомъ бѣлкѣ.—«Нѣтъ, онъ недобрый. Другой бы разлюбилъ, такъ жалость бы имѣлъ, а у него нѣтъ... ему, кромѣ себя,—все равно.»

Они шли березовой рощей къ рѣкѣ. Деревья стояли неподвижныя, свѣтлыя, важныя, матовыя, желто-зеленыя. Золотистый предвечерній свѣтъ заливалъ ихъ тѣнистыя вершины и блестѣли яркими длинными лучами между бѣлыми съ чернью стволами. Наверху неподвижно стояло предзакатное низкое темно-синее небо съ разводами блѣдно-голубыхъ облаковъ.

Стемнѣло. Небо стало чернымъ, а облака бѣлыми. Гдѣ-то внизу, въ оврагѣ, въ камышахъ, тихо шуршала веслами лодка. Они вышли къ рѣкѣ. Сумерки клали задумчивыя тѣни на ровную чуть розовую поверхность воды.

Она шла крѣпко опираясь на его руку. Съ тихимъ шорохомъ падали подъ ноги имъ съ деревьевъ увядшія листья. Тягучая сладкая истома счастья разливалась по тѣлу, когда онъ наклонялся къ ней, притягивая ее къ себѣ и цѣловалъ въ губы и плечи. Она ни о чемъ не думала, но боль въ глубинѣ сердца не переходила и попрежнему тихо, но непрерывно сосало сознаніемъ недобраго, предчувствіемъ

какъ-будто обязательной и уже близкой разлуки съ нимъ.

У дальняго берега рѣки и по болоту за ними зашарахался лохматистый бѣлый туманъ, сумерки сгустились, и только окна дальнихъ зарѣчныхъ домовъ еще долго горѣли одинокимъ красноватымъ огнемъ.

* * *

— Выгнала она меня.

— А ты все помнишь!

— Въ толчки выгнала — не милъ я ей былъ — ишь чего захотѣла... офицера!? — нарвался бы онъ на меня, я бы ему зеньки-то повыдралъ бы, а то онъ прятался отъ меня...

— Ну и прятался. — Больно ты страшенъ, какъ я на тебя погляжу!

— А вотъ возьму я кухонный ножъ, да и полосну имъ и ее, и себя.

— Ишь чего задумалъ! Тебя бы на мельницѣ смолотить—съ ума ты сошелъ что ли? — Своею жизнью не дорожишь, такъ и чужой жизни не жаль.

— А все буравитъ, какъ тотъ разъ она меня выгнала.

— А ты зла не поминай: было добро помни, а зло позабудь.

— Не мила она мнѣ больше... Нѣтъ и не говорите, Пелагея Ивановна, разъ офицера мнѣ предпочла.

— Ишь нашелъ съ кѣмъ себя равнять — тотъ благородный и красивый, а ты что?.. За счастьемъ шелъ, оно къ тебѣ не шло, а теперь счастье къ тебѣ, а ты отъ него... Это все тебя

вино къ непутевому привело. Что запилъ поначалу, такъ оно можетъ и хорошо было. Да довольно... побуянилъ и баста... И деньги старикъ ей по духовной все завѣщалъ, и на свадьбѣ, небось, не обидитъ.

— А ты почемъ знаешь?

— Самъ говорилъ... Не чета тебѣ: умный — какъ скажетъ, что гвоздемъ прибьетъ.

— Ха! ха! ха! Велики, скажемъ, дѣло деньги. Я и самъ не бѣденъ. Грошь нашелъ — тысячу потерялъ: она мнѣ дороже денегъ была.

— Да ты пьянъ, что-ли?

— А ты думала тверезъ? Какъ выгнала она меня, съ того самаго дня по трактирамъ хожу. Сколько денегъ однѣхъ извелъ!

— Да какія у тебя деньги? У тебя десятка, а у него сотни тысячъ въ банкѣ лежатъ. Поди за полмилліона перевалило, а то и больше. Не обсѣвокъ какой, а купецъ многотысячный: одинокъ и не пилъ, — цѣлую жизнь копилъ... А богатымъ, знатнымъ будешь — въ Москву поѣдешь: тому барину въ глаза наплюешь!..

VIII

Въ 1918 году поѣзда ходили неправильно, и иногда приходилось часами ждать отправки. Ѣхалъ больше простой людъ; онъ толпился въ залѣ третьяго класса, гдѣ чай и хлѣбъ были дешевле; длинная темная зала второго класса была почти пуста. Вдоль стѣнъ вытянулись деревянные — изъ дуба — диваны, съ загнутыми, покрытыми рѣзьбою спинками. По

краю большого, во всю комнату, стола стояли такіе же стулья. Двѣ маленькихъ, чахлыхъ пальмы въ деревянныхъ ведрахъ, уставленныхъ бутылками краснаго и бѣлаго вина, украшали столъ. Въ темномъ углу залы высилась стойка съ тарелками колбасы и сыра. Нѣсколько солдатъ въ сѣро-синихъ намокшихъ шинеляхъ развалились на диванахъ у стѣнъ, грызли подсолнухи и курили, сплевывая на полъ.

Около буфета одиноко сидѣлъ пассажиръ невысокаго роста, военной выправки, одѣтый въ поношенный казачьяго типа полушубокъ съ темными, невыгорѣвшими, полосами сукна на плечахъ, на мѣстѣ недавно снятыхъ погонъ. На головѣ у него была тоже поношенная, сѣраго курпея, папаха, а на ногахъ, подъ синими брюками, щегольскіе лакированные ботинки. Онъ каталъ по грязной скатерти шарики хлѣба, то сжималъ, то разжималъ ладони, лѣниво, чуть пріоткрывая ротъ, зѣвалъ. Только женщины выводили его изъ состоянія апатіи; при видѣ одной изъ пассажирокъ, лицо его растянулось въ довольную улыбку и онъ началъ сосредоточенно разглядывать ее.

— Да она! Несомнѣнно она!.. И какая хорошенькая!.. Лучше, красивѣе стала! Что она немного похудѣла, такъ это даже идетъ къ ней... Одѣта со вкусомъ... Синій костюмъ красиво обрисовываетъ грудь и плечи и свободно схваченъ въ таліи узенькимъ чернымъ пояскомъ. Сѣрая мягкая шляпа надвинута низко на глаза. Вокругъ шеи лежитъ шелковый свѣтло-красный шарфикъ, концы котораго уходятъ въ острый вырѣзъ ея жакета... Дер-

житъ себя пріятно, свободно — совсѣмъ какъ-будто переродилась. Лѣниво помѣшиваетъ ложечкой въ стаканѣ съ чаемъ и о чемъ-то думаетъ... Такъ недавно... прошелъ всего одинъ годъ... Хоть опустился я за послѣднее время, а надо подойти поздороваться, узнаетъ — обрадуется».

Экспоручикъ развязной походкой подошелъ, остановился очень близко, щелкнулъ каблуками. Даша удивилась; протянула ему руку, но прямо въ глаза не посмотрѣла; ей стало стыдно и неуютно отъ его откровенно-наглой побѣдной позы и отъ самодовольной усмѣшки, растянувшей его красивый упруго-чувственный ротъ; закрадывался неясный страхъ, побуждавшій скорѣе выяснить отношенія и, если можно — уйти. Сѣлъ рядомъ, смотрѣлъ, не отрываясь, пристально и нагло-ласково; говорилъ неестественнымъ, выгнутымъ, намѣренно-громкимъ голосомъ, повторялъ обычныя любезности. Даша мало вслушивалась въ то, что говорилъ Званскій; слова долетали до нея издалека, касъ пустыя, ничего не значащія, звуки. Время отъ времени она всматривалась въ его лицо, съ любопытствомъ приглядываясь къ человѣку, который еще недавно былъ дорогъ и близокъ ей. Званскій замѣтно похудѣлъ; глаза на осунувшемся лицѣ стали больше, но сверкали прежнимъ — сухимъ и ярко-холоднымъ блескомъ. По временамъ онъ улыбался, старался даже смѣяться, но лицо не казалось веселымъ: смѣхъ былъ судорожный, глаза оставались холодными, тонкая полоска зубовъ непріятно-рѣзко бѣлѣла въ изгибѣ губъ.

— Ну что, вылѣчились отъ любви ко мнѣ? Теперь обстоятельства перемѣнились — революція... Я и жениться не прочь. Да, и вы совсѣмъ другою стали!..

— Я вамъ не нравлюсь?

— Нѣтъ, наоборотъ, очень нравитесь. Но почему такой холодный тонъ?

— Я замужемъ.

— Очень хорошо! Это облегчаетъ задачу! Поѣдемте ужинать?

— Что вы, съ ума сошли!

— А, вы не согласны! Прежде сами вѣшались на шею! А теперь — я безъ погонъ!.. Забыли очевидно про записочки, которыя мнѣ писали!

Губы Званскаго непріятно подергивались, и злая улыбка прыгала въ глазахъ.

— Я могу васъ оставить... только за деньги. Женись я на васъ, всѣ деньги вашего дядюшки были бы у меня въ карманѣ, а я былъ не прочь жениться, только просилъ дать время. Конечно, я не просилъ и не требовалъ бы денегъ, если не мое критическое положеніе въ настоящій моментъ... Имѣніе у меня отобрано! Жалованья не платятъ! Купить ничего нельзя!.. Я прошу у васъ денегъ... Человѣкъ долженъ жить...

— У меня нѣтъ денегъ... Охотно вѣрю, что васъ обижаютъ и вы нуждаетесь... но по какому праву вы требуете?!

— У дяди деньги были въ банкѣ, теперь изъ банка денегъ не даютъ... и вы денегъ все равно не получите!.. Развѣ мало вамъ того позора, который я пережила! Вы и такъ распя-

ли меня на крестѣ и хотите еще потянуть за ноги, чтобы лучше видѣть, какъ мнѣ больно!..

— Домъ—вашъ: продайте!

— Какъ же... безъ мужа?

— Ну, скажите!

— А если мужу скажу, то зачѣмъ мнѣ вамъ деньги давать?

— И то правда — глупо! Ничего путнаго предложить не могу... Платите по частямъ?.. Всего лучше... Конечно, я негодяй, но вы должны же понять меня! — насъ травятъ! Такъ жить, какъ я сейчасъ живу, больше нельзя! Это собачья жизнь! Безъ гроша въ карманѣ, и еще за свою шкуру дрожать надо!..

Онъ становился все болѣе противенъ ей; на щекахъ его нервно подергивались мускулы, блѣдное лицо покрылось синими тѣнями. Чувство презрѣнія къ нему росло въ ней и вмѣстѣ съ тѣлъ она перестала волноваться.

— Хорошо... я поговорю съ дядей—можетъ быть онъ и найдетъ возможность помочь вамъ. Дайте вашъ адресъ.

Въ это время сидѣвшій около нихъ и все время слушавшій ихъ разговоръ, одѣтый въ полувоенную форму мужчина всталъ и, вглядываясь въ лицо Званскаго, рѣшительными шагами подошелъ къ нимъ.

— Ваша фамилія?

— Званскій... Кто вы... по какому праву?..

— Вы бывшій офицеръ царской арміи?

— Да.

— Что вамъ надо отъ этой женщины?

— А вамъ какое дѣло! Это частное—васъ некасающееся дѣло...

— Молчите!.. Я комендантъ. Какъ врагъ революціи вы арестованы! Слѣдуйте за мной!

— Что-жъ это! Подлость, измѣна? Вы дѣлали ему знаки! Позвали его на помощь!..

— Нѣтъ, я этой женщины не знаю и никогда раньше даже не видѣлъ. Вы говорили очень громко. Я слышалъ вашъ разговоръ. Въ разговорѣ вы назвали вашу фамилію; я вспомнилъ, что у насъ цѣлое дѣло о васъ. Вы разыскиваетесь.

...Теперь слѣдуйте! Товарищъ Москитовъ! Сперва проведите его въ дежурную, обыщите и потомъ въ тюрьму. Передайте эту записку, а донесеніе, скажите, что я пришлю потомъ.

— Но, это же безобразіе! Произволъ!

— Потрудитесь подчиняться, иначе мнѣ придется примѣнить силу!

— Если можно, не губите его.

— И вы еще заступаетесь! — позабыли какимъ онъ былъ подлецомъ съ вами.

— Я не хочу его гибели. Но я очень благодарна вамъ, что вы избавили меня отъ этого вымогателя. Хорошо, если бы вы побыли немного со мной: я такъ взволнована всѣмъ происшедшимъ.

— Охотно. Вы дожидаетесь поѣзда, а я дежурный и все равно не могу уйти со станціи.

— Теперь большевики у власти и вы одинъ изъ нихъ. Вы, повидимому, человѣкъ прямой и я хотѣла бы васъ спросить: развѣ вы не видите, что Россія идетъ черезъ васъ къ гибели?

— Для насъ важно человѣчество, а не Россія: мы не признаемъ націй, для насъ всѣ націи равны.

— И чѣмъ все это кончится, можете вы сказать?

— Предсказать трудно: можетъ быть кончится нашей побѣдой, можетъ быть и гибелью, но не только нашей, а общей; а если побѣдятъ они, то это будетъ только передышкой до новой борьбы.

— Но какъ вы смѣете рисковать для вашей идеи жизнью людей, часто вовсе не раздѣляющихъ вашихъ взглядомъ и, можетъ быть, только изъ страха идущихъ за вами?

— Потому что мы дѣйствуемъ въ интересахъ этихъ же людей.

— Даже противъ ихъ воли?

— Мы держимся за власть не ради власти, а ради идеи, ради проведенія нашей идеи въ жизнь. Долгіе годы мы просвѣщали народъ, наша сила создалась движеніемъ въ народъ и среди народа: рѣчами, вразумленіемъ, агитаціей, — и теперь, внѣшней силой власти, мы только закрѣпляемъ раньше взятое. Для успѣха въ будущемъ, надо принести жертву въ настоящемъ; для того, чтобы двинуться, надо сплотиться; народъ — стомилліонная масса — сжиматься не желаетъ, и мы побуждаемъ его къ тому силой... готовимся къ рѣшительной послѣдней борьбѣ.

— И все кровь, кровь и кровь...

— Да, но посмотрите на прошлое. Вся исторія человѣчества въ крови, и чѣмъ выше и благороднѣе ставило человѣчество цѣль, тѣмъ больше проливалось крови.

Безкровные періоды были только промежутками кровавыхъ. А наша цѣль какъ разъ кончить эту бойню и не временно, а оконча-

тельно, навсегда. Разъ не будетъ государствъ и классовъ, то не можетъ быть и повода къ столкновеніямъ.

— Мнѣ кажется, что все это только одни слова. Я женщина, и вы ничего не можете мнѣ сдѣлать за то, что скажу вамъ прямо въ глаза, что не вѣрю вамъ и вашей партіи, считаю васъ за фанатиковъ, которые хотятъ во что бы то ни стало поставить на своемъ. Вы противъ русскихъ, противъ Россіи, и если вы взяли власть въ государствѣ и боретесь противъ этого самаго государства, что же можетъ получиться изъ этого, кромѣ разрушенія?

— Но мы же не отрицаемъ національнаго чувства и національнаго культурнаго развитія, мы стоимъ только противъ развитія національной силы для подчиненія себѣ другихъ націй или для обособленія отъ нихъ. Народы должны стать не врагами другъ другу, а большой семьей. Не надо любить родину, а надо любить человѣчество, тогда можетъ быть и не станетъ повода для войны.

— Теперь, въ ближайшее время, предстоитъ длинная, томительная и кровавая борьба? — Не знаю, столь ли ужъ длительная. Европа вся въ рукахъ рабочихъ массъ. — Держится только тонкая буржуазная скорлупка, и имъ надо очень тихо и осторожно идти, чтобы не разбить ее. Какъ лихорадочные больные, они жадно живутъ каждымъ лишнимъ прожитымъ днемъ.

— Но если борьба за власть, можетъ быть, и не будетъ очень длительной, то не то съ борьбой за идею. Надо смотрѣть шире. Че-

ловѣчество сорвалось со старой, уже наполовину осыпавшейся почвы, но не приросло еще къ новой. Нельзя въ концѣ концовъ такъ дѣлить: здѣсь нашъ міръ, а тамъ ихъ — буржуазный. Обострившаяся теперь до крайности борьба классовъ — внѣшній контуръ кризиса развитія человѣчества, а внутренный лежитъ въ болѣзни души человѣчества. Людей обуяла какая-то жажда новыхъ впечатлѣній, хотя бы и самыхъ поверхностныхъ, но только новыхъ. Американизмъ. Вся энергія направлена на насущные потребности, вся жизнь перенесена въ настоящее, отсутствуютъ идеалы, отрицается все существующее внѣ ежедневности, отъ личности человѣка до основъ общества включительно... Искусство, театръ, служитъ лишь потребности въ промежуткѣ между трудомъ слегка поволноваться... Музыка — легкая, подвижная, неидущая внутрь души... и только.

— Вы—большевикъ, и говорите о душѣ!

— Да, я вѣрю... въ нѣчто, дополняющее нашу жизнь, иначе она была бы комкомъ грязи. Нѣкоторые утверждаютъ, что вмѣсто человѣческой души мы выставляемъ безличный сфинскъ; грозили все сгладить, упростить, разрушить; готовы все принести въ жертву нашимъ соціально-политическимъ формуламъ. Но это политическое изувѣрство, цинизмъ — требованіе откровенности и точности тамъ, гдѣ гдѣ онѣ неумѣстны и не могутъ быть.

— Я думала, у васъ всѣ атеисты?

— А что же по вашему—буржуи вѣрятъ? Наши не вѣрятъ и говорятъ это открыто, а тѣ не вѣрятъ, но прикрываются Богомъ, потому что это имъ выгодно... Атеизмъ выдвинутъ не

нами: это тѣнь человѣчества, вскрылись его душевныя раны. Современные люди—это маленькія дѣти, которыхъ увели изъ дому и покинули въ чужомъ мѣстѣ, среди чужихъ людей, жаждущихъ ихъ гибели. Они могутъ только бѣжать отъ страшнаго мѣста, отъ смерти, холода и голода, — и они бѣгутъ, испугавшись своей собственной тѣни; и, какъ дѣти, они не отвѣтственны за свой страхъ и за свое непониманіе...

— Свободу нельзя получить безъ борьбы. Бываютъ времена, какъ переживаемое нами время, когда человѣку свобода тяжела: онъ теряетъ увѣренность въ себѣ и самъ ищетъ цѣпей, превращается въ автомата, готоваго работать на кого угодно, только не самостоятельно,—свобода ему тяжелѣе всякаго рабства. Мы живемъ въ такомъ періодѣ человѣческой слабости.

— Люди сами отдаютъ себя тюремщикамъ, цѣлуютъ имъ руки, сами тянутся, чтобы имъ надѣли поручни-цѣпи... Но человѣчество въ цѣломъ хочетъ остаться свободнымъ; оно никогда не согласится стать комнатнымъ цвѣткомъ, надъ которымъ нѣсколько умныхъ садовниковъ будутъ производить свои опыты; никогда не согласится превратиться просто въ матеріалъ, подлежащій обработкѣ, - оно разобьетъ этотъ стеклянный колпакъ, которымъ стараются накрыть его и подъ которымъ оно уже задыхается. Нужна борьба — она необходима; чѣмъ ожесточеннѣе, тѣмъ лучше! Они разбудили спящихъ, пробудитъ въ нихъ жажду дышать свѣжимъ воздухомъ и чувствовать по-человѣчески...

— Цѣль нашей жизни—успѣхъ, счастье и равенство будущихъ массъ; возможно большая польза и не только матеріальная, но и въ смыслѣ оздоровленія духовной жизни массъ... Анархисты стрицаютъ всѣ законы, сдерживающіе страсти и опредѣляющіе общество. «Хламъ, старье,—они говорятъ:—ихъ надо не замѣнить и передѣлать, а совершенно разрушить,—пусть люди опять станутъ звѣрьми». А мы стремимся къ замѣнѣ произвола разумомъ,—къ суженію свободы въ распоряженіи матеріальными благами и расширенію свободы духа.

Часть вторая

I

Доктору Ефимову было пятьдесятъ лѣтъ. Волосы у него были тонкіе, свѣтлые, забѣленные сѣдиной на вискахъ. Глаза съ тяжелыми воспаленными красными вѣками, сѣрые, съ желтовато-зеленымъ ободкомъ, сидѣли глубоко въ орбитахъ, смотрѣли пристально, чуть-чуть косымъ ласково-строгимъ взглядомъ. Улыбался онъ всегда длинной, неловкой, какъ-бы извиняющейся за что-то улыбкой, — и тогда въ углы вѣкъ набѣгали смѣшныя маленькія, чистыя складки, щеки становились еще одутловатѣе, мягче, и тряслись пересыпанные солью сѣдины бородка и усы. Высокаго роста, костистый, онъ держался сутуловато — правымъ плечомъ немного впередъ. Ходилъ неспѣша, осѣдая на каждую ногу, нетвердой походкой недавно пополнѣвшаго и еще не освоившагося съ своей полнотой человѣка.

Уже нѣсколько лѣтъ чувствовалъ онъ какую-то неловкость въ тѣлѣ, тяжесть въ ногахъ, и всегда съ самаго утра скрытую раздражительность и усталость. Смотрѣлъ въ амбулаторіи дѣтей. Дѣти кричали, не давали себя

раздѣвать; маленькія тѣльца грудныхъ дѣтей, красныя, закругленныя... Становилось не по себѣ, непріятно; пахло кислой рвотой и потомъ маленькихъ тѣлъ. Не хотѣлось дѣтей, мяса, криковъ и безпрерывнаго движенія. Послѣ пріема въ больницѣ онъ ѣздилъ въ три-четыре мѣста къ больнымъ. Люди требовали къ себѣ неустаннаго вниманія. Ему былъ противенъ запахъ больного умирающаго тѣла; бѣлорозовыми пятнами, плоскими и незначительными, казались окружающія больныхъ лица; хотѣлось поскорѣе остаться одному.

Наконецъ, поздно вечеромъ вернулся къ себѣ, совершенно усталый и неспособный собрать мыслей, блѣдный, разстрепанный; присѣлъ къ письменному столу, опустилъ голову на руки, машинально выпилъ нѣсколько стакановъ поданнаго служанкой крѣпкаго чаю, потомъ сѣлъ за чтеніе. Смотрѣлъ на свои руки съ уже блестящей, перекатывающей по кости, сухой, начинающей старѣть кожей; машинально шелестилъ страницами: думалъ разсѣянно, не напрягая ума.

Неожиданный ночной звонокъ пробудилъ его отъ мыслей; чтобы не тревожить прислуги — пошелъ самъ открывать... Женщина, закутанная въ платокъ — трепещущая, плачущая. Едва понялъ, что говорила. Дома съ мужемъ случилась бѣда. Пришелъ домой нетрезвый, сердился, накричалъ — и, вдругъ, въ судорогахъ упалъ на полъ, захрипѣлъ. Лежитъ страшный, съ перекошеннымъ и залитымъ пѣной лицомъ. Она окропила его водой, давала ему нашатыря, думала привести въ чувство, но не помогло. Какъ была — выбѣжала на улицу.

Звонила къ нѣсколькимъ врачамъ, но ихъ не было дома. Очень рада, что застала его. Просила скорѣе ѣхать.

На улицѣ было слякотно и сыро, стояла оттепель. Извощиковъ не было. Дулъ холодный, пронзительный вѣтеръ. Ноги вязли, мокрый и тяжелый снѣгъ липъ комьями къ подошвамъ; было трудно идти. Мѣстами набѣжавшая изъ сточныхъ трубъ вода преграждала путь, и приходилось перепрыгивать, съ подмытыми снѣжными берегами, ручьи. Наконецъ нашли ночного извозчика. Лошадь сопя отъ запала, бѣжала мелкой трухлявой рысью. Женщина волновалась, торопила извозчика, поминутно просила его ѣхать скорѣе. Санки падали то вправо, то влѣво, и снѣгъ, осѣдая подъ тяжестью саней, протяжно хлюпалъ и скрипѣлъ.

Остановились у подъѣзда маленькаго крытаго тесомъ домика. Двери она оставила незакрытыми, и они сразу вошли. На полу столовой растянулся мужчина съ багровымъ лицомъ и налившимися кровью глазами. Докторъ приказалъ женщинѣ разстегнуть воротъ, а самъ сейчасъ же выпустилъ кровь и вспрыснулъ лѣкарство. — Больной пришелъ въ себя, зашевелился, попросилъ тихимъ голосомъ пить. У женщины такъ дрожали руки, что она съ трудомъ могла удержать стаканъ. Общими усиліями уложили его въ постель. Докторъ приказалъ раздѣть больного, потомъ услалъ женщину за горячей водой, а самъ сталъ выслушивать, выстукивать и пробовать сокращенія мускуловъ — рефлексы. Опять больной попросилъ пить. Докторъ пріоткрылъ дверь на кухню.

Женщина стояла на колѣняхъ у плиты, въ рукахъ держала горѣвшія лучинки, дула, старалась разжечь плиту. Теперь, обращаясь къ ней, онъ впервые обратилъ вниманіе на ея лицо; замѣтилъ ея маленькій курносый, съ добродушно-энергичнымъ изгибомъ по корню и немного пухлый у ноздрей, носъ, темно-русые короткіе, на затылкѣ торчащіе потѣшными прямыми прядками волосы. Она обернулась. На темномъ фонѣ платья вырисовался рѣзкій бѣлый треугольникъ шеи съ напряженно-дышащими, натянувшимися мускулами. На ея неосохшемъ еще отъ слезъ лицѣ взбитый клокъ волосъ надъ лѣвой бровью казался страннымъ и рѣжущимъ глазъ контрастомъ. Посмотрѣла на него. Лобъ выросъ, волосы отошли вверхъ, вырисовался полный, круглый подбородокъ, большіе, затѣненные рѣсницами, глаза съ темнымъ бархатнымъ отливомъ. Вдругъ — въ одинъ моментъ глаза ея стали опять влажными: слезы хрустальной крышкой накрыли ихъ; вздрогнули черными бабочками и судорожно забились рѣсницы; круглыя плечи заколыхались. Она встала и схватила его за руки.

— Не волнуйтесь — опасность миновала.

— Вы надѣетесь?

— Я увѣренъ въ полномъ его выздоровленіи.

Улыбнулась неожиданной улыбкой, отъ которой лицо ея вдругъ страшно помолодѣло. На щекахъ выдавился румянецъ; глаза оживились: теплый лукавый свѣтъ мигая изъ-подъ прикрытыхъ рѣсницами вдругъ сузившихся, ставшихъ длинными глазъ. Голосъ сталъ вы-

сокимъ, грудным и чистымъ, и полураскрытыя алыя губы казались сочными половинками неперѣзаннаго поперекъ яркокраснаго сердца. Она поразила его. Онъ отвѣтилъ ей глазами и боялся посмотрѣть на нее второй разъ. А черезъ минуту, стоя рядомъ съ нею у постели больного и держа въ своей рукѣ его руку, — онъ закрывалъ глаза и ему представлялась она: улыбка, губы, съуженные смѣющіеся глаза, а за нею дѣтская кроватка и раскинувшіяся пухлыя ручки маленькаго, двухлѣтняго ребенка.

«Зачѣмъ я такъ упорно и нехорошо думаю о ней? Конечно, у такихъ людей, какъ я, въ молодости увлекавшихся, но не любившихъ, сердце съ годами становится чувствительнѣе и мягче. Съ чего я вообразилъ, что она... только обыкновенная благодарность за помощь — и больше ничего...

...Какъ-будто онъ пришелъ въ этотъ домъ не съ тѣмъ, чтобы дать, а съ тѣмъ, чтобы отнять?»

Ему стало стыдно и своихъ мыслей, и своей настроенности и, осмотрѣвъ еще разъ больного, онъ заторопился домой.

Когда онъ прощался, женщина опять посмотрѣла на него долго и ласково тѣмъ же застланнымъ взглядомъ.

— Что ей надо? Зачѣмъ она такъ смотритъ? — досадовалъ и радовался онъ.

Теплый мягкій снѣгъ падалъ рѣдкими звѣздами. Изъ трубъ поднимался и прозрачно таялъ въ небѣ дымъ. Подморозило. Буря при-

порошила старый темный снѣгъ новыми сугробами. Вѣтеръ стихъ, и бѣлый снѣгъ въ неясномъ свѣтѣ утра радовалъ взоръ, и пріятно было ступать по нему, свѣтлому и еще нетронутому.

II

Федуловъ страшно осунувшійся, желтый, лежалъ въ постели и тяжело свистѣлъ запухшими бронхами. Жена его сидѣла рядомъ на стулѣ и, теребя въ рукахъ платокъ, плакала.

Глаза Федулова горѣли отъ жара, руки и ноги были налиты чѣмъ-то тяжелымъ, голова болѣла, но упорно работала. Сонъ приходилъ рѣдко, урывками, и во снѣ онъ не вполнѣ отдыхалъ, а все что-то вспоминалъ и безостановочно думалъ. Но сейчасъ онъ не спалъ, а смотрѣлъ съ тоской на жену.

...Неужели конецъ? Неужели смерть разорветъ душу, какъ гнилую нитку? Не весело умирать. Хорошая жизнь и кончается хорошо, а не то что моя, полная грѣха и суеты... Умрешь — ничего уже мыслить и чувствовать не будешь. Не будетъ ни радостей, не будетъ и печалей, не будетъ суеты; а страшно! Какъ подумаешь, такъ и задрожишь весь мелкой противной дрожью... Куда шелъ я?—шелъ безъ пути... Приходила тоска и единственная услада была въ винѣ. Зальешь черта, а утромъ онъ опять сухенькій сидитъ, и тоска пуще прежняго. Утромъ служба, потомъ кабакъ, ссора съ женой, пьяный сонъ, служба и опять кабакъ, — такъ девять лѣтъ, какъ одинъ день...

Точки въ жизни не было, опереться было не на что... Деньги и женщина... Женщина это кругъ, а не точка... если начнешь по этому кругу ходить, всегда голову потеряешь. Женщина — это обманъ. Она и наединѣ съ собой никогда не бываетъ искренна...

...И къ чему она сейчасъ плачетъ? Умру я—ей же будетъ лучше... Обманывала—вотъ и мучитъ ея совѣсть при видѣ несчастнаго по ея винѣ человѣка... Обманывала? — конечно, обманывала! Въ концѣ концовъ какая-то путанница; и я ничего точно не знаю, потому что вся жизнъ была окутана интригой и ничего нельзя было разобрать: меня ли она обманула или я ее? Она ждала можетъ быть отъ меня большаго, а я ничего не смогъ ей дать... Да и что я былъ-то? — такъ какой-то придатокъ къ мѣшку съ золотомъ... Какъ ушокъ на голенищѣ... и вышло, что голенище-то оторвали и остался у ней одинъ ушокъ... Я и самъ понимаю: развѣ я человѣкъ? — такъ какой-то завитокъ... Не надо было брать такую красивую жену... взялъ бы попроще, а то вотъ дернула нелегкая: любовь!.. А теперь смерть. Всѣ помремъ: такое ужъ у насъ глупое обыкновеніе... и мой чередъ пришелъ... Жена смотритъ такъ тоскливо—видно докторъ сказалъ ей, что умру.

— Тебѣ не больно, зачѣмъ ты все вздыхаешь?

Безпричинные, непонятные ей, монотонные вздохи больного раздражали ее.

— Да перестань же — не надо! — хотѣлось крикнуть.

«Какая у него противная безформенная съ остро-вытянутымъ кадыкомъ шея!» — приглядываясь къ нему, думала она. — И руки безформенныя, бѣлыя, съ рѣзко выступающими наружу синими венами! Какъ странно... раньше она не замѣчала — впрочемъ это, можетъ быть, отъ слабости или оттого, что докторъ выпустилъ ему кровь... Какъ не любила она эти руки, когда онъ былъ здоровъ: — непріятныя, влажныя, холодныя, какъ лягушки! Передернетъ плечами, скинетъ ихъ—и слышитъ кислыя слова, слезы и упреки.

Смотрѣла на его руки и вдругъ съ ужасомъ замѣтила, какъ одна изъ нихъ медленно поднялась и потянулась къ ней. Перехватила себя на желаніи отодвинуться отъ него, но выдержала и не измѣнила прежней склоненной къ нему съ участіемъ позы: только въ тотъ моментъ, когда онъ коснулся ея, зажмурила глаза, и потомъ опять сразу открыла ихъ.

Онъ всегда говорилъ тихимъ, невнятнымъ голосомъ, а теперь, казалось, только шевелилъ губами, замѣняя голосъ невнятнымъ подергиваніемъ губъ. Она съ трудомъ поняла, что онъ говоритъ о томъ, что боится умереть. Встала на колѣни и, пересиливъ свое отвращеніе къ нему, поцѣловала его въ мокрый холодный лобъ, расчесала своимъ гребнемъ его рѣдкіе похожіе на мочалу волосы и въ тонъ ему, тоже тихимъ ласкающимъ голосомъ, успокаивала его, говорила, что докторъ надѣется что онъ поправится, если только перестанетъ пить.

«Хотя я тебя и не люблю, но вѣдь ты же отецъ моихъ дѣтей, ты мужъ мнѣ, и столько лѣтъ мы прожили вмѣстѣ».

Заставляла себя такъ думать, чтобы побороть свое отвращеніе къ нему. Смотрѣла на его высокій выпуклый лобъ съ червяками сосудовъ на прилизанныхъ вискахъ, длинный прямой носъ съ узкими ноздрями, на тонкія губы неподвижнаго «рыбьяго» рта и думала о томъ, что онъ всегда былъ такимъ некрасивымъ и внушающимъ больше жалость, чѣмъ любовь; только взглядъ у него былъ раньше не такой пустой и полумертвый, какимъ сталъ теперь во время болѣзни, и нижнія безрѣсничныя вѣки не подпрыгивали такъ непріятно и не надувались синими парусками, какъ теперь.

Ея мысль о некрасивости его лица, какъ это часто бываетъ, особенно съ тяжко-больными и лежащими при смерти людьми, передалась ему. Въ молодые годы сколько разъ, досадуя на некрасивость своего лица, онъ замахивался кулакомъ на себя въ зеркало. Сильно страдалъ отъ насмѣшекъ и обидъ, которыя вызывала его некрасивая неуклюжая фигура,неловкіе жесты и неумѣніе выступать передъ людьми. Желаніе казаться сильнымъ толкало его къ вину: пьянымъ куражемъ онъ хотѣлъ побороть свою нерѣшительность. Съ годами эта обособленность понемногу разсосалась и хотя стѣснительность осталась, но не выходила наружу. Его уже не выдѣляли больше и смотрѣли на него, какъ на обыкновеннаго пожилого и потому непригляднаго человѣка. Онъ былъ радъ старости, хотя и пришедшей рано, но снявшей съ него печать отличитель-

ности и слившей его съ остальной массой людей. Только пьяный онъ, все по прежнему, хотѣлъ въ чемъ-то убѣдить себя и другихъ; хотѣлъ отставиться, обратить на себя общее вниманіе; часто приставалъ къ постороннимъ, дѣлалъ скандалы, билъ въ ресторанахъ зеркала и посуду и, придя домой, ревновалъ и ругалъ свою жену; не могъ простить ей того, что она обманула его, и онъ взялъ ее уже не дѣвушкой; буйствовалъ, протестовалъ, тиранилъ ее. — Теперь онъ пристально смотрѣлъ на жену и ему казалось, что онъ видитъ въ ея глазахъ вѣру и спокойствіе; надѣялся, что еще возможно забвеніе прошлаго, возможна новая жизнь . . . Эту надежду, казалось ему, онъ читалъ въ ея твердомъ ясномъ взглядѣ. — Почему не простилъ онъ ее до сихъ поръ?

— «Я вижу въ твоемъ лицѣ спокойствіе, ты умѣешь молиться... Научи меня!.. Спаси мою душу!» — хотѣлъ онъ сказать ей, но молчалъ и только протягивалъ къ ней руки, смотрѣлъ на нее и хотѣлъ вѣрить.

— Вспомнилось дѣтство. Родное село — большое, вытянувшееся на двѣ версты въ длину. Одинаковые дома, одинаковые огороды и ни одного дерева около домовъ. Только старая церковь задумчиво и одиноко круглила свой куполъ за сѣнью одинокихъ березъ. Заложивъ руки за спину идутъ мужики въ церковь. Бабы кривятъ босыми пятками, бьютъ землю и подолами юбокъ поднимаютъ пыль... Вспомнилось, какъ первый разъ пришелъ въ церковь, какъ мать поспѣшно крестясь, надавила ему на плечи и поставила его на колѣни. Передъ образами блѣдно-зелены-

ми, расплывчатыми огнями теплится лампадка, и пламя свѣчъ окружено печальными и большими мутно-радужными шарами; съ образовъ смотрятъ большіе темные, суровые, скорбные глаза, и откуда-то какъ-будто съ высоты доносится тихое умиляющее душу пѣніе. Мать наклонилась къ его уху, шепчетъ ему слова молитвъ, но онъ вмѣсто того, чтобы думать объ отвлеченномъ — о молитвѣ и Богѣ — только разсматриваетъ рисунокъ на ризахъ священнослужителей и слѣдитъ за движеніемъ ихъ. Вотъ несуразно длинный и худой дьяконъ, стоя высоко на амвонѣ, машетъ паникадиломъ, кидаетъ поклоны, размашисто крестится, вскидывая головой, такъ что стриженные въ кружокъ волосы его то падаютъ на лобъ, то разлетаются прядями на затылокъ. Иногда изъ алтаря выходитъ священникъ — маленькій, очень худенькій, сѣденькій старичекъ — кланяется передъ иконами очень усердно, низко, такъ что далеко отъ груди отстаетъ его эпитрахинь... Какъ пчелы, тѣснясь у амвона, съ трепетомъ и благоговѣніемъ, цѣлуютъ молельщики холодный, пахнущій мѣдью крестъ, икону и бѣлую, какъ просфора, сухую руку старичка іерея; и онъ, маленькій шестилѣтній мальчикъ, поддерживаемый матерью и разбираемый любопытствомъ таинственности непонятно, смутно дѣлаетъ то же... Пѣли... и онъ самъ потомъ пѣлъ альтомъ въ хорѣ, на клиросѣ; толстый, сердитый и не всегда трезвый регентъ тянулъ гнусавымъ басомъ, размахивалъ палочкой, угрожая ею имъ, маленькимъ и безпомощнымъ пѣвцамъ... Дѣти одѣтыя въ ризы, держатъ высокія свѣчи и

кресты... Подъ высокіе своды храма уносятся лукующіе пасхальные напѣвы, а въ высокія окна врываются радостно солнечные лучи, и сквозитъ синева безоблачнаго неба . . . Такъ умеръ и воскресъ Христосъ . . . А теперь его смерть, и она преставлялась не солнечной и и яркой, катъ та, а глубоко бархатисто-черной и безконечно-страшной.

III

Даша сидѣла неподвижно, и въ ея согнутой спинѣ и склоненныхъ къ столу плечахъ чувствовалась усталость; въ рукахъ она держала рукодѣліе, но подолгу задерживала въ рубцѣ и рѣдко вытягивала нитку, часто опускала руки съ работой на столъ.

— Напрасно ты плачешь, убиваешься: жизнь его все равно сгорѣла; видишь сама, какъ онъ съ каждымъ днемъ таетъ и какъ онъ слабъ. Да и лучше умереть, чѣмъ такимъ, какъ онъ, жить себѣ и намъ на муку... Ты и доктору скажи, чтобъ не ходилъ... только деньгамъ переводъ, а пользы никакой... не поправится... напрасно...

Широкій, невысокаго роста юноша сидѣлъ въ лѣнивой позѣ рядомъ съ ней. Подъ широкими, въ видѣ согнутаго пальца, бровями блестѣли большіе выпуклые глаза — темные, красивые; они не позволяли проникнуть въ себя: онъ всегда держалъ ихъ нѣсколько поднятыми вверхъ. Лицо круглое, съ выбритыми лилово блещущими подбородкомъ и щеками, съ крѣпкимъ прямымъ носомъ и густо-поросшей чернымъ, жесткимъ волосомъ головой. Губы

крѣпко очерченныя, мясистыя, выпуклыя, съ тонкой гладкой кожей, постоянно оттопыренныя, какъ-будто у него что-то лежало во рту, что онъ боялся показать, и это постоянное напряженіе жевательныхъ мускуловъ, странная, кажущаяся волевой, отдутость рта и щекъ — придавала всему его лицу выраженіе грубой некультурности.

Заложивъ нога на ногу, онъ сидѣлъ развалясь, курилъ папиросы, говорилъ медленно и по временамъ наклонялся къ Дашѣ и цѣловалъ ее. Раздался звонокъ. Юноша зѣвнулъ тяжело, не разнимая челюстей, одними ноздрями, досадливо махнулъ рукой и неторопливо вышелъ изъ комнаты.

Она ласково пожала доктору руку и, оживленно говоря, повела его за собой въ комнату больного. Когда послѣ осмотра больного они вышли въ маленькую уютную, очень скромно убранную, гостиную, она повернула къ нему голову, усмѣхнулась — широко оскалила бѣлый рядъ зубовъ — и, взявъ его за руки, посадила рядомъ съ собою въ кресло.

— Вы обнадеживаете меня, а я, какъ увижу его, такъ и чувствую смерть.

Онъ удивлялся самъ на себя, почему позволилъ ей задержать себя и остался сидѣть съ нею; былъ недоволенъ собою за свою слабость и, чтобы не выдать своей странной настроенности, сталъ очень подробно и длинно объяснять ей причину и ходъ болѣзни ея мужа. Она положила руки съ локтями на столъ, и на нихъ — голову. Онъ смотрѣлъ на ея полные голые локти, немного на сторону склонившееся зарумянившееся, сжатое сильными ру-

ками лицо, на проборъ, разрѣзающій голову, на рѣзкій срѣзъ высоко въ полъ-уха подстриженныхъ волосъ, на бѣлую, чистую, сильную шею, — и не думалъ о томъ, что говорилъ, только наблюдалъ за нею. Она старалась его въ чемъ-то убѣдить, но онъ былъ какъ въ просонкахъ, сразу позабывалъ, о чемъ она говорила — только, очнувшись на улицѣ, на свѣжемъ воздухѣ, вспомнилъ, что она, убѣдившись въ безполезности его визитовъ, намеками отказала ему.

— Почему ты всегда задерживаешь его? Онъ, видимо, спѣшитъ, а ты всегда съ разспросами къ нему пристаешь, ему некогда, а ты безъ конца говоришь. Терпѣніе лопнетъ ждать — не то шепчешься, не то споришь съ нимъ. О чемъ ты съ нимъ?

— Что ты, Яша, не могла же я ему такъ прямо отказать. Онъ даже денегъ не хотѣлъ брать. Должна же была его объясненія выслушать. А все же напослѣдокъ сказала.

— Какъ же отстанетъ... жди! Еще чаще ходить будетъ: благодѣтельствовать безплатными визитами! Я видѣлъ, какъ онъ буркулы свои на тебя выставилъ, совсѣмъ ослѣпъ отъ твоей красоты!

— Будетъ глупости говорить! А ты другой разъ не подглядывай!

Весь день вспоминалась доктору заискивающая, дышащая тоскливой надеждой, улыбка больного: онъ пошелъ опять, рѣшилъ пренебречь формальностями. Молодой человѣкъ, открывая ему дверь, буркнулъ что-то недовольное; жена больного посмотрѣла на него нѣ-

сколько удивленно, но онъ продолжалъ посѣщать больного.

* * *

Растрепанная манишка Федулова была уже залита виномъ. Напротивъ него сидѣлъ рыхлый мужчина съ широкимъ, обрюзгшимъ, полнымъ лицомъ; онъ проглотилъ рюмку водки съ маслящимися и сверкающими отъ удовольствія глазами, сочно прожевалъ большой бутербротъ, потомъ раздувая ноздри, быстро вытеръ дырявой салфеткой ротъ.

— Потуда и живъ, покуда внутри водкой смочено... Вино, если въ мѣру пить — не вредно. Все это однѣ глупости, что доктора говорятъ. Чего человѣкъ хочетъ, то и долженъ себѣ дозволить: хочется — ѣшь, хочется — пей, — натура умнѣе врача, сама себѣ вреда не желаетъ... У тебя червякъ, и ты хочешь этого червяка залить — ну, и пей! А не будешь пить, такъ можетъ съ ума сойдешь, развѣ лучше! Пей, да не напивайся!.. Пьянъ, да уменъ, какъ говорится, два угодья въ немъ.

— И буду пить! И напьюсь сапожникомъ — пусть полюбуется.

— Раньше и хлѣба было вдоволь и все было дешево, — продолжалъ собутыльникъ Федулова. — Былъ царь, былъ и порядокъ. Они сняли царя, вотъ и пошелъ развалъ, все разсыпалось... А послушай народъ!.. Хвалятъ ихъ, благодарны имъ, Бога позабыли, а на нихъ молятся... А подумаешь, о чемъ они говорятъ — и нѣтъ ничего: все какъ мыльный

пузырь — красиво, да лопается... То-то «свобода» ?!. Ни хлѣба, ни свободы!.. Мы съ тобой жили безъ всякой службы съ одного капитала, а теперь что? — корпи въ кооперативѣ. Раньше мы казнѣ платили, а теперь она намъ платитъ... и мы и она — бѣдные. Думаютъ жизнь уложить въ эти рамки — да никогда она не уложится — всегда выпирать будетъ!

— Да, тяжелая теперь жизнь.

— Тебѣ чего жаловаться? — у тебя мѣсто хорошее.

— Да что-же съ того: жалованье-то, все, грошевое.

— А ты бы кралъ, а бѣденъ не былъ.

— Нѣтъ, братъ, на это я не пойду — лучше ужъ бѣденъ буду, а красть не стану.

— Потому дуракъ. Думаешь отъ честности? — не отъ честности это. Трусъ ты, оттого и не воруешь. Небось, своя торговля была — развѣ не обманывалъ? Не разъ и начальству синички, да красные снигирики совалъ.

— Совалъ, — такъ на то обычай былъ. Кто и ничего противъ закона не дѣлалъ, и тотъ давалъ: для порядка и чтобы притѣсненій никакихъ не было.

Въ шубѣ и мѣховой шапкѣ, заломленной угломъ, Федуловъ гонялся по комнатѣ за женой. Уже одѣтая, она собиралась куда-то идти и дѣлала круги по комнатѣ, стараясь раньше мужа добѣжать до двери. Обѣжавъ нѣсколько разъ около стола, взволнованные, они

остановились въ выжидательной позѣ другъ противъ друга. Онъ снялъ и кинулъ пальто прямо на полъ, и сбросилъ туда же шляпу и шарфъ.

— Ты куда?

— Погулять.

— Нѣтъ, куда?!

— На Кудыкину гору — вотъ куда! Считай во рту зубы! Думаешь, самъ гуляешь, а жена будетъ дома сидѣть — чулки тебѣ штопать! Была дура, а вотъ баста — не хочу больше!

— Пожалуйста, останься, не ходи сегодня.

— Ишь, запѣлъ Лазаря!

— Если мнѣ безъ тебя плохо станетъ?

— А и сдохъ бы, такъ не бѣда!

— Это ты мнѣ? И тебѣ не грѣхъ!

— Такого мужа и убить мало! Ты жить мнѣ, молодой, не даешь!

— Ахъ, такъ! — онъ задыхался отъ бѣшенства.

Съ грохотомъ падали на полъ тяжелые предметы: стулья, посуда и все то попадалось ему подъ руку. Проснувшіеся дѣти кричали въ голосъ. Изъ сосѣдней квартиры прибѣжалъ Яша, схватилъ его за руки, старался въ чемъ-то убѣдить.

— Да, что вы хотите, Яковъ Петровичъ, отъ этого хама! Уговорите его? Какъ же! Ему слонъ на спину наступитъ—онъ не повернется!

— Кто тебѣ право даетъ? Ну, и бью — такъ какое тебѣ до этого дѣло? Тоже, нашелся между мужемъ и женой судья. Она навѣрное и съ тобой таскается, стерва — вотъ ты и лѣ-

зешь ее защищать! Ты сюда больше не показывайся, а то я и тебя побью!

— Попробуйте только — троньте! — Я вѣдь не женщина!

— Хороша! Музыку съ нимъ въ постели разводишь!..

— Фи, какія вы гадости говорите. Третью недѣлю пьяный ходите—стыдъ потерялъ.

— Правду, говорю, правду!!!

— Да ты не измывайся! Старый такой, а ревнивый! Ну, и живу, что-жъ съ того?!. Благодари, что совсѣмъ отъ тебя не ушла!

IV

— Вы знаете, зачѣмъ я пришелъ?

— Странный вопросъ! Развѣ вы не могли придти, чтобы просто навѣстить насъ. Вы давно не были, а когда мужъ былъ боленъ, каждый день ходили.

— Я сегодня мелькомъ видѣлъ его на улицѣ: онъ измѣнился, пожелтѣлъ, отекъ въ лицѣ—опять, видно, боленъ. Что же вы не послали за мной?

— Нѣтъ, теперь лучше! Только много пьетъ! Вы такой добрый, навѣщали его, выходили, а что пользы, когда онъ себя такъ ведетъ! Сладу съ нимъ нѣтъ! Каждый день напивается. Утромъ сидитъ сычемъ, молчитъ, а какъ вечеръ — напивается и буянитъ. Дѣтей жаль!.. Вотъ и сейчасъ маленькіе спятъ, потому что ночью имъ покоя отъ него не было.

— Тяжелая для васъ жизнь, а я и не зналъ.

— Вамъ-то это, докторъ! Вы уже мѣсяцъ почти, у насъ не были.

— Я рѣшилъ совсѣмъ къ вамъ не ходить; потомъ былъ не въ силахъ—вотъ и пришелъ... еще вчера не зналъ, что приду.

— Что съ вами? Я васъ не понимаю!

— Я васъ люблю!.. и вы это знаете.

— Кто это вамъ сказалъ, что знаю? Даже не подозрѣвала.! Я къ вамъ привыкла! Мнѣ не доставало васъ, это правда!.. Но люблю-ли? ...Да, люблю! Но я бы никогда сама не заговорила съ вами объ этомъ... ...Да и вы? Вамъ потребовалось три мѣсяца, чтобы заговорить сегодня впервые о вашемъ чувствѣ...

Она наклонилась къ нему и спрятала лицо на его плечѣ.

На слѣдующій день онъ засталъ ее дома одну. Она не поздоровалась, не протянула ему руки—какъ будто эта форма привѣтствія, какъ внѣшняя условность, стала послѣ вчерашняго между нимъ лишней; только уголкомъ рта лукаво усмѣхнулась, скосивъ глаза въ другую комнату, гдѣ играли дѣти, какъ бы предупреждая его быть осторожнымъ при нихъ.

Крѣпко обтянула бедра зеленымъ шарфомъ, и такъ стояла, зелено-бѣлая, передъ нимъ, съ высоко поднятыми надъ головой бѣлыми руками; а дѣти—двѣ дѣвочки, одна трехъ и другая пяти лѣтъ — взявшись за руки прыгали вокругъ нее, радостно прижимаясь къ ея колѣнямъ и платью. Ему очень нравилась и потѣшна была ея голова съ коротко подстриженными сзади волосами, со свѣже подбритымъ затылкомъ и завитками волосъ на лбу

и вискахъ. И то, что она была окружена теребящими ее за платье карапузками — дѣтьми, только увеличивало въ его глазахъ ея привлекательность. Но потомъ ему стало страшно неловко смотрѣть на нее и дѣтей: какъ-будто каждымъ обращеннымъ къ ней взглядомъ онъ отнималъ у этихъ малютокъ мать. Онъ чувствовалъ себя не по-себѣ, хотѣлъ даже внезапно уйти, но нашелъ, что неудобно — что прежде надо непремѣнно объясниться. Она замѣтила его странную нетерпѣливую настроенность, объясняла все дѣтьми и, позвавъ знакомую жившую въ ихъ домѣ женщину, услала ихъ съ нею гулять, и сразу, какъ захлопнулась за ними дверь, радостно подпрыгивая и хлопая въ ладоши, подлетѣла къ нему, схватила его за руки, завертѣла по комнатѣ, потомъ лукаво сощурила глаза и шаловливо затрясла головой, такъ что разбившіеся волосы запрыгали у нея на лбу. Но, онъ, вмѣсто того, чтобы посмотрѣть на нее, обнять ее, только хмурилъ брови и улыбался напряженной, непроясняющей лица, старившей его улыбкой; потомъ протянулъ къ ней руки, но не притянулъ ее къ себѣ – не поцѣловалъ ее, не обнялъ — смотрѣлъ застланнымъ взглядомъ, о чемъ-то упорно думая. Эта перемѣна въ немъ ее очень удивила; она помнила еще недавній его смѣхъ, и тогда онъ казался ей совсѣмъ молодымъ. Въ ея вопросительномъ взглядѣ онъ прочелъ, можеть быть, еще неясное для нея самой сознаніе, что она не любитъ его.

«Это кошмаръ! Что мы сдѣлали!.. Мы другъ друга не любимъ, или во всякомъ случаѣ не любимъ такъ, какъ любить надо! Отчаяніе

толкнуло насъ другъ къ другу, потому что ей и мнѣ было тяжело — потому что мы еще не позабыли молодости и надѣялись этимъ безумнымъ поступкомъ воскресить ее, по-юношески думая, что въ этомъ выходъ изъ тѣсноты жизни».

— Что мы сдѣлали?!..

— Какъ я теперь буду смотрѣть въ глаза вашему мужу! и что я ему скажу?

— Нѣтъ, нѣтъ, что вы!.. развѣ можно! — Не признавайтесь ему!.. не надо!.. Боитесь, что прочтетъ по глазамъ!.. Не можете скрыть!.. Никогда не лгали!.. Ну, тогда не приходите къ намъ больше... Я сама къ вамъ приду... да... да... вечеромъ приду. Нѣтъ, нѣтъ, обѣщаю, завтра же приду; у него вечеромъ какое-то засѣданіе въ кооперативѣ.

Онъ опустился въ кресло и долго сидѣлъ не шевелясь, только губы его вздрагивали, да по временамъ вспыхивала краска на лицѣ; потомъ началъ говорить, не поднимая лица.

— Это-обманъ и обманъ трусливый! потому что я прячусь, а рискуете всѣмъ вы... Да и надо ли это? Вы меня не любите!.. не лучше ли намъ теперь же разстаться ...и навсегда!.. Тайная любовь!.. обманъ!.. тайныя свиданія!.. Годенъ ли я для такой любви?

— Значитъ, вы ни чуточки меня не любите, не жалѣете!

— Но развѣ можно, развѣ естественно проявлять жалость къ людямъ въ такой низкой оскорбляющей ихъ формѣ? Да, можетъ быть, я и не люблю васъ. Я еще никого не любилъ... но я такъ одинокъ въ жизни, что

разлука съ вами, я чувствую, для меня будетъ тяжела.

Она чувствовала себя страшно неловко; теребила въ рукахъ платокъ, прижимала его къ глазамъ, надѣясь своимъ волненіемъ вызвать въ немъ участіе къ себѣ. Такъ разстаться для нея представлялось оскорбленіемъ ея женскаго достоинства: онъ глядѣлъ на нее печально безъ нужной ей ласки.

«Неужели онъ такъ и уйдетъ, не поцѣловавъ меня!»

Наконецъ, она не выдержала, у нея затрясся подбородокъ и она заплакала.

— Плачьте, плачьте, я васъ не успокаиваю. Это хорошо!.. Есть такія слезы, которыя ожесточаютъ человѣка, если онъ плачетъ оттого, что ему самого себя жалко, но есть и другія слезы, въ которыхъ человѣкъ исходитъ не отъ мнѣній, что онъ несчастливъ, или что его обидѣли, а изъ сознанія своего ничтожества передъ тайной жизни и горя своего отщепенства... Каждая вещь, положеніе, сторона жизни, имѣетъ два толкованія, и оттого, какое изъ этихъ толкованій раздѣляетъ человѣкъ — толкованій, опредѣляющихъ отношеніе къ самому себѣ и окружающей жизни — зависитъ: счастливъ ли человѣкъ и какъ счастливъ? по житейски ли? — простою удовлетворенностью только, самообманомъ ли? оттого что пріобрѣлъ въ жизни привычку подмѣнять одно большое желаніе другимъ маленькимъ—или дѣйствительно счастливъ, то есть, стоитъ не въ тѣни жизни, а въ лучахъ ея?.. — Въ молодости намъ все представляется широкимъ необъятнымъ. Не надо мириться съ тѣмъ взглядомъ, что разъ нѣтъ

счастья, то надо брать счастья по кусочкамъ, — надо и въ старости оставаться душой молодымъ. Не хорошо, если человѣкъ живетъ по выработанной привычкѣ и въ особенности, если эта привычка касается не только внѣшняго, но и самихъ взглядовъ, когда человѣкъ отъ привычки становится несвободнымъ и въ самомъ себѣ — живетъ съ такимъ чувствомъ, какъ-будто надъ нимъ стоитъ кто-то темный, непрерывный, обязательный, теребитъ, разбиваетъ человѣка на части, — такъ что онъ со страшной мучительностью теряетъ себя и растворяется въ окружающихъ его предметахъ...

— Надѣяться надо только на себя, тогда никогда и обмана быть не можетъ. Человѣкъ чувствуетъ себя несчастнымъ отъ неувѣренности, отъ боязни жизни, оттого, что разучился надѣятся и на все смотрѣть глазами рока. Чтобы уйти отъ себя, тянется къ людямъ: мужчина къ женщинамъ, женщина къ мужчинамъ. Это любовь — порывъ, которая, какъ вѣтеръ, кидаетъ человѣка къ человѣку; люди то теряютъ, то находятъ себя; и послѣ этого угара имъ становится еще тяжелѣе. Страсть рождаетъ неувѣренность въ себѣ; человѣкъ боится оставаться одинъ и отдается страсти, какъ вину, только для того, чтобы подавить страхъ — уйти отъ себя. Кто страстно любитъ, тотъ боится. Любовь и страхъ неразрывно питаютъ другъ друга...

— Человѣкъ не вѣритъ себѣ, считаетъ себя меньше, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, и отъ этой нерѣшительности и кажущейся слабости страдаетъ. Не внѣшнее, а внутреннее опредѣляетъ человѣка... Вы мать и должны

остаться при дѣтяхъ, а я пойду своимъ путемъ, какъ шелъ до сихъ поръ одинъ...

—Счастье вовсе не въ томъ, чтобы захлебываться отъ радости, не въ томъ, чтобы минуя себя, прижиматься къ окружающему. Это — слабость. Человѣкъ можетъ быть только тогда счастливъ, когда онъ ищетъ счастья въ самомъ себѣ.

Сестра

I

Въ широкія окна вливался золотой свѣтъ заката и разливался трепещущими полосами по гладкому полу и бѣлымъ стѣнамъ, ложился пятнами на бѣлую одежду. Вокругъ раненыхъ медленно двигались люди. Пахло кровью и было жарко. Съ фронта каждый день прибывали раненые, и съ утра до поздняго вечера шли операціи и перевязки. Одна сестра подавала матеріялъ, другая—статная, крупная, съ широкой размашистой поступью и ловкими ухватистыми движеніями — перевязывала. Запачканныя въ крови и по локоть засученныя руки проворно и увѣренно двигались. Съ выпавшими изъ-подъ косынки волосами и съ капельками пота на запушенныхъ нѣжнымъ волосомъ вискахъ она была полна радости и тревоги за раненаго. Кончивъ перевязку, съ мягкой сердечностью въ голосѣ спросила:

— Ну, что? Какъ тебѣ у насъ?

— Вѣстимо, не весело, сестрица: полкъ у насъ хорошій — все равно, что гвардія!

— Въ полкъ тебя не пустимъ, на поправку домой пойдешь.

— Дома у меня ни кола, ни двора — отпустите лучше въ полкъ.

— Что же, ты Георгія хочешь?

— Можетъ, и получу; спасибо на словѣ, сестрица.

Сестра улыбнется. Лицо у нея открытое, широкое, немного курносое, глаза каріе, быстрые, съ постоянной лукавостью — живые, искренніе. Съ пріятной ужимкой, какъ хирургъ послѣ операціи, моетъ она и неторопливо вытираетъ полотенцемъ руки. Оправила передъ зеркаломъ сбившійся на лобъ апостольникъ, и широкія золотистыя брови выплыли стрѣльчатыми полукругами изъ-подъ чернаго платка. Развязала завязки халата, стянула его съ плечъ. Ярко оторочился и пунцово запылалъ крестъ на ея высокой, полной груди. Форма сестры очень шла къ ней и подчеркивала своеобразную прелесть ея широкаго сильнаго тѣла. Каждымъ мускуломъ и нервомъ чувствовала пріятную усталость, смотрѣла въ окно вдаль, не хотѣла двигаться.

Блѣдно-розовый — въ сѣро-синей облачной каемкѣ неба — прикрытый сѣро-желтой, голубой и оранжевой, почти безцвѣтной массой сѣвернаго неба догоралъ закатъ. Палые блѣдно-матовые листья застилали желтый песокъ и темную зелень луга. Густая синева сквозила сквозь золотистую сѣтку увядающей зелени. Синѣло, освинцовывалось, тяжелѣло небо, — и только по временамъ кое-гдѣ проступали еще въ нѣжной оболочкѣ его блѣдныя жилки — голубыя, синеватыя, синевато-желтыя . . . сверкали и меркли, таяли . . .

Подошелъ докторъ, и разсѣялъ мечтательность сестры. Лѣтъ тридцати, невысокаго роста, пропорціонально сложенный, худощавый. Надъ высокимъ бѣлымъ выпуклымъ

лбомъ матово отливали на прямой проборъ причесанные свѣтлые волосы. Глаза на выкатѣ, съ поднятыми кверху зрачками водянистаго цвѣта, съ воспаленными розоватыми, собранными въ тонкія складки, вѣками. Между плоскими, широко спускающимися къ подбородку, щеками выступалъ прямой и тонкій носъ. Ротъ — полуоткрытый съ тонкими выпуклыми губами. Говорилъ онъ негромко, мягкимъ голосомъ, и имѣлъ привычку при разговорѣ облизывать губы.

— Я васъ искалъ, Варвара Михайловна. Дома никого нѣтъ, но я хотѣлъ побыть съ вами. Я люблю васъ и уважаю! Такихъ дѣвушекъ, какъ вы, теперь очень мало!

— Если бы вы уважали меня, то не слѣдили бы.

— Вы для меня все. Въ вашемъ присутствіи я не владѣю собой! Дайте мнѣ... погодите... дайте, я скажу вамъ на ухо!..

— Этого еще не доставало! Уберите руки!

Сестра вырвала свою руку. Докторъ пошелъ вслѣдъ за сестрой и въ узкомъ корридорѣ нагналъ ее. Шелъ легкой, настильной походкой хищника. Сестра чувствовала на себѣ его упорный взглядъ, — хотѣла бы имѣть крылья, чтобы отмахнуться отъ него и улетѣть.

Во время операцій лицо доктора Болотина дышало силой. Сухія мускулистыя руки двигались увѣренно. Тонкіе подвижные, гибкіе какъ изъ резины, пальцы, съ поразительной быстротой находили кровоточащіе сосуды,

шили и перевязывали. Видѣть кровь, кромсать и рѣзать было привычнымъ для него дѣломъ, какъ-будто онъ родился со скальпелемъ въ рукѣ.

Жизнь Болотина шла въ бреду: грязь чувствъ отливала для него золотомъ. Весь сотканный изъ вывертовъ чувствъ, онъ жилъ измятой жизнью. — Сестры, красивыя, яркоподчеркнуто-женски одѣтыя — среди массы искалѣченныхъ полуодѣтыхъ людей привлекали его болѣзненно-обостренное вниманіе.

Сестра Варя — стройная и полная, ласковая, но съ чѣмъ-то твердымъ и энергичнымъ въ лицѣ — особенно понравилась ему богатствомъ своего крупнаго, пропорціонально развитаго тѣла. Когда при работѣ ихъ руки сходились, онъ старался поймать на себѣ ея дыханіе; наклоняясь къ ней, незамѣтно касался ея душистыхъ, укутанныхъ платкомъ волосъ, хотѣлъ сорвать платокъ съ ея головы, обнажить и раскидать по плечамъ волосы; хотѣлъ спрятаться въ холодныхъ упруго-мягкихъ складкахъ ея платья, хотѣлъ ласкать, мять и рвать это платье, — вдыхать налитый въ его складки запахъ женскаго тѣла; хотѣлъ больно цѣловать ее, чтобы задрожало спокойное гордое лицо и слезы стыда и возмущенія прыснули изъ глазъ.

Варя избѣгала его. Онъ видѣлъ ее рѣдко, но страсть отъ этого только усиливалась.

Однажды, на дежурствѣ, онъ послалъ за нею. Довольный и радушный всталъ навстрѣчу къ ней изъ-за стола.

— Садитесь, пожалуйста, Варвара Михайловна, выпьемте чайку и побесѣдуемъ.

— Зачѣмъ вы меня вызывали?

— Соскучился безъ васъ, хотѣлъ васъ видѣть!.. Вы и представить себѣ не можете, какъ я люблю васъ!!

Блѣдныя гибкія губы шевелились и растягивались, точно два влажныхъ слизкихъ подвижныхъ червяка.

Не хотѣла убѣжать — показать свое безсиліе — хотѣла тихо и спокойно уйти. Покраснѣла и молча повернулась къ двери. Онъ метнулся тоже и оказался у двери раньше ея — щелкнулъ замкомъ, вынулъ ключъ. Она вспыхнула и размашисто ударила его по лицу. Онъ растянулся у ея ногъ; съ краснымъ искаженнымъ болью лицомъ, мигалъ утлой грудью, рылся въ ея платье и горячечными поцѣлуями жегъ ея тѣло. Она боялась двинуться, чтобы не раздавить каблуками его обезображеннаго страстью лица. Онѣмѣла. Обезсилила. Боль отъ укуса отрезвила ее. Охватила ногами его шею, сдавила и однимъ прыжкомъ вырвалась изъ объятій его рта и цѣпкихъ рукъ. Придерживая на ходу измятое, полуразорванное платье, брезгливо и осмотрительно обошла растянувшееся на полу и посинѣвшее, корчившееся въ судорогахъ, тѣло, подняла оброненный ключъ и распахнула дверь. Стремглавъ побѣжала прочь и только въ своей комнатѣ остановилась, тяжело и продолжительно дыша. Порывисто сорвала осквернённое имъ платье и, плача, бросилась въ постель; потомъ забылась, но долго еще изъ-подъ золотистыхъ рѣсницъ просачивались на подушку крупныя слезы.

— Докторъ скорѣе! Генералъ пріѣхалъ!— запыхавшись вбѣжала въ дежурную комнату сестра Варя.

— Звонка не было и никто не докладывалъ — усумнился дежурный врачъ, докторъ Смирновъ.

— Я сама видѣла! Прибѣжала вамъ сказать!.. Идите скорѣе!.. Что же, вы, безъ шашки и фуражки?!.. Ну, теперь, молодцомъ, ступайте!

— Ваше превосходительство, честь имѣю явиться—дежурный по госпиталю врачъ!

— А рапортъ?!. Я начальникъ гарнизона!!.

Въ одной изъ палатъ генералъ останавливается.

— Какіе у васъ здѣсь?

— Хирургическіе,—докладываетъ докторъ: — раненые.

— Ты раненъ въ руку? Почему не встаешь?! — обращается генералъ къ одному изъ солдатъ. Тотъ встаетъ, робко смотритъ, неловко запахиваетъ полы халата, переминается.

— Стой ровно! Прочти молитву передъ сраженіемъ!—приказываетъ генералъ.

Солдатъ смотритъ пристально на генерала и молчитъ.

— Въ бой шелъ, а молитвы не знаешь!..

— Запишите, поручикъ!

Адъютантъ — молодцеватый поручикъ съ лихо закрученными вверхъ стрѣлками-усиками — звякаетъ шпорами и, съ окаменѣлымъ лицомъ, замираетъ передъ генераломъ.

— Священникъ нравоученій солдатамъ не читаетъ — долженъ каждую недѣлю бесѣды вести! — хмурится генералъ. — Передайте главному врачу...

Золотые погоны медленно покачиваются между рядами застывшихъ въ почтительной позѣ солдатъ. Вдругъ лицо генерала смягчается: около перевязочной онъ нагоняетъ сестру Варю и здоровается съ ней.

— Что вы насъ совсѣмъ забыли, сестрица,—никогда въ штабъ не заглядываете?

— Некогда, генералъ. Много работы все перевязки.

— То-то — труженица, я знаю!

— Къ намъ партія раненыхъ прибыла — всю ночь съ докторомъ перевязывали.

— А, и вы тоже,—морщится генералъ на доктора. Сестра улыбается. Генералъ идетъ къ выходу.

— Идите, идите! Что-же вы стоите! — подталкиваетъ сестра доктора.

— Куда идти-то?

— Да за генераломъ!

— Онъ же уходитъ!?

— Еще спорите?!. Вы дежурный и должны его провожать!

Черезъ минуту докторъ вернулся къ поджидавшей его сестрѣ.

— Ну, и совсѣмъ напрасно шелъ сзади: онъ ни разу не обернулся. Такъ, не глядя на меня, въ сани и свалился. Никогда другой разъ не пойду—насмѣшка какая-то!

— Совсѣмъ вы, докторъ, не военный, какъ я на васъ погляжу!

— Ну васъ съ военщиной! Чихалъ я на вашихъ генераловъ. Хотите, обряжу васъ въ мою форму — вы передъ ними и маневрируйте по всѣмъ правиламъ военнаго этикета, а съ меня—баста!

— Смотрите: автомобиль остановился... никакъ опять начальство!

— Да вѣдь не у насъ—на той сторонѣ.

— Это—главнокомандующій... Автомобиль попортился. Сейчасъ генералъ выйдетъ и пойдетъ прямехонько къ намъ. Давайте, я васъ хоть рапортовать научу, какъ слѣдуетъ... Главнокомандующій! Хорошо!.. Намъ награды будутъ!.. — Ленты.

— Ну васъ съ наградами. Смотрите, что это у него бѣлое на шеѣ болтается, блеститъ?

— Поверхъ шинеля? — Это Георгій третьей степени. Онъ за прошлую войну получилъ. Я по Георгію и узнала: у него у одного только и есть — шейный, третьей степени.

— Тихій старичекъ *) — этотъ навѣрное кричать не будетъ... Ну, хорошо, отъѣхалъ. Вотъ, и ваши ленты плакали, сестра!

— Да и лучше, а то Константинъ Константиновичъ бы влипъ: главнокомандующій не о молитвахъ, а о дѣлѣ спрашивалъ бы — всѣ недочеты и упущенія сразу увидѣлъ бы!

Докторъ Смирновъ, съ большими руками, сутулый и рослый, смѣялся полнымъ открытымъ ртомъ.

— А и сильный же вы, докторъ! — вырвалось у сестры.

«Страшно смѣшной онъ: большой, сутулый, мѣшковатый — одно плечо выше другого — увалень такой! — думала Варя и улыбалась, смотрѣла ему прямо въ лицо.

---

*) Примѣчаніе. Генералъ-адьютантъ Куропаткинъ, главковерхъ въ японскую войну и главнокомандующій сѣверо-западнымъ фронтомъ въ міровую войну.

Сѣрые сердечные, умные глаза улыбнулись ей отвѣтно; погруженно, безъ мыслей смотрѣли они другъ другу въ глаза. Первымъ спохватился докторъ. Поднялся, — медленно пошелъ, громко всей ступнею прибивая землю.

Сестра продолжала сидѣть, охватила руками калѣни, свѣтло и радостно улыбалась въ темнѣющую даль. Онъ попрежнему стоялъ передъ нею — высокій, умный, сильный — говорилъ что-то, показывалъ желтые зубы въ крупномъ рѣзко вырѣзанномъ ртѣ, жестикулировалъ широкой, съ толстыми пальцами покрытой волосами рукой...

Улыбка открыла на обѣихъ щекахъ сестры нѣжныя ямки. «Какъ хорошо жить!» — думала она.

II

Въ тишинѣ комнаты слышался скрипъ пера. Главный врачъ, толстый грузный мужчина, съ небрежно раскиданными по лицу, безцвѣтными волосами и громадной, во все темя, лысиной,— быстро и размашисто подписывалъ бумаги. Письмоводитель, съ почтительной напряженностью на кругломъ бритомъ лицѣ, подавалъ и принималъ бумаги. Иногда главный врачъ строго вглядывался въ лицо письмоводителя, что-нибудь отрывисто спрашивалъ, отдувалъ губы и придавалъ своему лицу выраженіе сердитаго, готоваго броситься мопса. Потомъ, выслушавъ почтительный отвѣтъ, успокаивался, отъ улыбки его лицо становилось бабьи-хитрущимъ, и маленькіе свиные глазки

лукаво поблескивали на расползавшемся, какъ опара, массивномъ лицѣ.

Быстро стуча каблуками и шурша шелкомъ юбки, вошла сестра Разуева, аккуратно сбитая брюнетка съ тяжелой, выпуклой грудью. Въ ушахъ ея блестѣли тяжелыя серги; лицо было напудрено; губы густо подведены; свѣтлые глаза игриво подмигивали, и вся она, небольшая, худенькая и вертлявая, находилась въ непрерывномъ движеніи, какъ-будто ее передергивало, и всѣмъ своимъ существомъ она говорила: посмотрите на меня, пожалуйста, вотъ какая я!

— Валерія Франсевна, мнѣ какъ разъ васъ и нужно. — Садитесь, пожалуйста!— привѣтствовалъ ее главный врачъ.

Письмоводитель, съ прессомъ въ рукѣ, пододвинулъ сестрѣ стулъ, но она не сѣла, а прислонясь къ изразцамъ печки, нетерпѣливо пожималась и зябко прятала руки въ складкахъ платья.

Главный недовольно заерзалъ въ креслахъ, тяжело задышалъ и подписывалъ бумаги быстро, не читая.

—Какую вы всегда уйму на подпись даете! Накопите бумагъ и заразъ несете! Спѣшныя есть?

— Точно такъ-съ!—и письмоводитель, склонившись грудью впередъ и виляя задней оттянутой назадъ частью тѣла, подалъ новую пачку бумагъ. Главный приподнялъ пачку, пробѣжалъ глазами и недовольно мотнулъ головою.

— Вчера не изволили подписывать-съ. —

— И сегодня не буду! —

Письмоводитель сгребъ бумаги и плохо сгибающимися ногами, задомъ подался къ дверямъ.

— Какой онъ смѣшной! — отозвалась сестра.

«Будешь смѣшнымъ: не угадишь чѣмъ — въ два счета на позицію вышлетъ!»—подумалъ письмоводитель и безъ шума прикрылъ тяжелую дверь.

— Такой жалкій. Право ты слишкомъ съ нимъ строгъ! —

Разуева гибко качнулась на упругихъ бедрахъ и подошла къ столу.

— Къ намъ изъ штаба дежурный генералъ обѣщалъ пріѣхать— хочетъ провести вечеръ съ сестрами. Надо сервировать... все какъ слѣдуетъ приготовить и сестрамъ сказать... Для поднятія настроенія будетъ коньякъ — я получилъ — чудный французскій! Красный крестъ для раненыхъ прислалъ.

Главный врачъ досталъ изъ ящика письменнаго стола бутылку и двѣ серебряныхъ стопочки.

— Я нарочно въ вѣдомостяхъ показывалъ, что у насъ много слабыхъ: для госпиталя лучшая аттестація; тяжелыхъ много, а смертность малая, — и Красный Крестъ подарки шлетъ. Потомъ я выдамъ для раненыхъ полбутылочки.

— А остальное сами разопьете?

— Совершенно вѣрно!

— Не хочешь попробовать?

— Что же вы меня подчуете, какъ-будто я какая пьяница!

— Конечно — пьяница: всѣ хорошіе люди пьяницы!

— Нѣтъ, благодарю, что-то не хочется!

— Попробуй съ лимончикомъ — пальчики оближешь!

— Развѣ, что съ лимончикомъ! вы уговаривать умѣете, сахаръ-медовичъ!

Разуева легко подпрыгнула и сѣла на колѣни къ главному врачу.

— Поворачивай бокъ для горчишника. Сиди смирно, не двигайся!

Разуева, поджавши губы, смотрѣла строгими глазами на морщащагося отъ боли, изможденнаго солдата.

— Больно, сестрица!

— Хочешь лѣчиться, такъ долженъ слушаться!

— Вы же мучаете, а не лѣчите!

— Это не мнѣ—доктору скажи.. Некогда мнѣ возиться съ тобой. Поворачивайся!

— Да, я!

— Молчи, дуракъ!

— Вы не выражайтесь, сестрица. Теперь и отъ офицера требуютъ, чтобы онъ съ солдатомъ вѣжливъ былъ.

— Завтра же выпишу!

— Чтобы больныхъ людей выписывать — на то закона нѣтъ. У васъ по недѣлямъ здоровые валяются, кто съ вами пообходчивѣе!

— Грубіянъ! Въ другую палату иди, а у меня помалкивай!

— Вы не тыкайтесь, не ругайтесь! Я пожалуюсь на васъ! Довольно надъ нами помыкались!

— Молчи! стану я твои мужицкія разсужденія выслушивать!

— Не всѣмъ дворянами быть. Не было бы мужика—не было бъ и хлѣба!

— Доктору пожалуйся!

— Что ей докторъ, когда онъ передъ ея юбкой вертится.

— А ты ее судомъ!

— Судъ!?. Судъ барина всегда правымъ найдетъ! Я, братъ, судился и знаю. Такой законъ тебѣ пришьютъ, что мое почтеніе. Ты пожалуешься, а онъ же тебя и виноватымъ найдетъ. Судья, что плотникъ, какъ захочетъ, такъ и вырубитъ. Нѣтъ, изъ суда, братъ ничего не выйдетъ. Какъ ни верти, а видно опять на позицію—пушечнымъ мясомъ—пойдешь!

— Такихъ не выписываютъ, — онъ и винтовки въ рукахъ не удержитъ; слабъ. Видно, каша ему выйдетъ.

— Это какъ?

— Посадятъ на кашу, пока не смирится. Я по госпиталямъ безъ малаго годъ лежу, такъ знаю. Въ венерическомъ, такъ завсегда, провинился чѣмъ — покурилъ ли въ палатѣ, сгрубилъ—тебя, сейчасъ, на кашу и посадятъ.

— Ничего, братъ, не тужи,—мы выручимъ, подѣлимся. А-а деньги есть, такъ санитару мигни,—онъ тебѣ живымъ манеромъ колбасу и лару пива представитъ. Въ венерической мы и водку пивали.

— Скучища здѣсь, въ госпиталѣ, лажать.

— Думалъ, весело?!

— Все-жъ лучше, чѣмъ въ окопѣ, подъ пулями!

— И то вѣрно.

— Дуться въ карты надоѣло, не знаешь, что и предпринять!

— А ты бы пѣсню спѣлъ; такъ полегчало бъ.

— Какже, распоешься! Здѣсь, тебѣ, не рота! — Какъ съ позиціи я ѣхалъ, была въ поѣздѣ сестрица — та все намъ газеты да книжки раздавала, только отъ начальства хоронить наказывала. — «Къ чему, молъ, война?! — говоритъ: — къ чему начальство и почему земля не поровну дана». Толково такъ разсказывала. Умница была,

— Говорятъ, скоро замиреніе будетъ.

— Да, чорта съ два!

— Говорятъ.

— Мало, что говорятъ. Дураки-то что съ медомъ бураки! Заладили «говорятъ». Народъ хочетъ мира — вотъ и говорятъ. Намъ война бѣда, а имъ, благороднымъ, — радость. Бѣдный человѣкъ голодаетъ, а они жаръ загребаютъ— рады!

— Говорятъ, не только войнѣ, а и всѣмъ порядкамъ теперешнимъ скоро конецъ будетъ: народъ въ свои руки власть возьметъ.

— Улита ѣдетъ, когда-то будетъ: отъ сужденій до совершеній, братъ, далеко.

— Придетъ время — получатъ свое. Довольно кровушки нашей попили!

Каждый день въ пять часовъ главный врачъ совершалъ вторичный — вечерній обходъ госпиталя. Даже въ тѣ дни, когда госпиталь стоялъ пустой послѣ эвакуаціи, всѣ врачи, фельдшера и сестры должны были ждать его

въ палатахъ. Иногда онъ опаздывалъ, тогда сертры собирались въ одну общую группу и отъ скуки спорили между собой.

— Я разскажу вамъ: когда къ намъ государыня пріѣхала, вотъ, милая, всѣхъ обласкала. Совсѣмъ не гордая была, каждой по цвѣточку изъ букета дала.

— То не государыня, а великая княгиня была.

— Я своими глазами видѣла.

— Видѣла, да плохо!

— Бросьте спорить. Пойдемте лучше смотрѣть, какъ Константинъ Константиновичъ образа рисуетъ. Одну палату онъ приказалъ подъ церковь передѣлать. Художника выписалъ и теперь ему объясняетъ, какъ святыхъ рисовать. Церковь будетъ его имени — Святого Константина. Ангела художникъ съ его, Константина Константиновича, карточки рисуетъ. Онъ въ молодости красавцемъ былъ.

— Слышали, какъ вчера главный на Сонину накричалъ. Она на подоконникѣ сидѣла, а онъ по палатѣ шелъ. — «Я обходъ дѣлаю, а вы на офицериковъ заглядываетесь!» — приревновалъ ее. Я бы со стыда сгорѣла, а Сонина только плечами пожала и прочь отошла.

— Главный, говорятъ, Сонину къ себѣ вызывалъ: прощенія просилъ.

— Не знаю, только они не разговариваютъ.

— Молчи, Сонина идетъ!

— Васъ главный врачъ спрашивалъ.

— Меня, зачѣмъ?

— Простите, милая, я пошутила.

— Глупыя шутки, сестра!

— Нѣтъ, видно, не помирились — видишь, какъ вспыхнула!

— Попробуйте этого вина, Ваше Превосходительство! Налейте, сестра! А вы что-же, полковникъ!

Главный врачъ наливалъ рюмки и заботливо рекомендовалъ закуски.

— Я былъ еще кадетомъ въ корпусѣ, намъ показывали близнецовъ-уродиковъ, — прополоснувъ ротъ виномъ, продолжалъ разсказывать толстый полковникъ сестрамъ: — Уродики срослись животиками, «Лоби-Ноби» ихъ звали и показывали въ паноптикумѣ. Говорили они вмѣстѣ: одинъ начиналъ, другой кончалъ, а пищевареніе имѣли общее. Фокусникъ ихъ у родителей за большія деньги купилъ. Удивительный случай былъ тоже въ Римѣ. Женщина смотрѣла въ церкви на картину съ чертомъ, и у ней родился, какъ двѣ капли воды, на того чорта похожій уродъ.

— Вы, полковникъ, вѣрите этому? Это же суевѣріе!

— Собственными глазами видѣлъ: мать обожгла лицо — и ребенокъ родился съ пятномъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ ожогъ.

— Ахъ, оставьте, ерунда! Давайте лучше выпьемъ!

— И я за вино, — вмѣшался генералъ, длинный, тощій, съ рѣдкимъ сѣдымъ волосомъ, на маленькой подвижной головѣ.

«На Руси веселье пити
«Издавна въ законъ вошло.
«Кто сему закону вспять —
«Тотъ не русскій и мнѣ врагъ!

Продекламировалъ генералъ, размахивая руками, и на его бѣлоснѣжной манжетѣ заигралъ крупный сапфиръ.

— Вино и женщины — мой принципъ и девизъ! Итакъ, докторъ, я рѣшилъ перенести къ вамъ мой штабъ; буду работать среди бѣлыхъ гурій. Но что я вижу? — одна изъ красавицъ вся въ черномъ, какъ монашка, и какъ строго ея молодое лицо. Познакомьте, познакомьте — поразительно красивое лицо!

«Твой алый крестъ и взоръ твой синій,
«Какъ сонъ весной!
«Въ одеждѣ тихой инокини,
«И съ ярко рдѣющимъ крестомъ,
«Ты, какъ прелестное видѣнье,
«Явилась вдругъ передо мной!
«На черной ризѣ красный крестикъ,
«Къ черному платью приколотъ цвѣтокъ —
«И красныя слезы стекаютъ,
«Какъ капли росы, съ лепестковъ!

Лицо генерала съ отдутыми щеками оживилось, помолодѣло, въ глазахъ забѣгали змѣйки огня — и онъ совсѣмъ, какъ молодой поручикъ, щелкалъ шпорами и юлилъ около сестеръ.

III

Уже заголубѣли бѣлыя занавѣски на окнахъ спальни, а Варя еще спала.

Рукою охватила подушку. Губы обогнула

улыбка сна. Изогнулись золотыя рѣсницы по краю неподвижныхъ вѣкъ. Изъ-подъ кружевъ сорочки тихо поднималась грудь.

Издалека доносились до нея звуки музыки. Дирижеръ тихо водитъ палочкой и въ тактъ ему тихо движутся образы и мысли въ гирляндѣ звуко-чувствъ. Хочется, чтобы вѣчно двигались эти полные жизни образы и неисчерпаемые кладези чувствъ.

Она летитъ на мотыльковыхъ крылышкахъ сквозь необъятное царство сна. Бабочки—нѣжныя, свѣтлыя, розовыя, голубыя—движутся, колышатся, обвѣваютъ ее трепетомъ своихъ маленькихъ крылышекъ. Солнце закивало ей золотыми рѣсницами. Небо приблизилось и заблистало, какъ голубое серебро... Взмахи крылышекъ стали тише... Музыка смолкла... Ноги коснулись чего-то твердаго... Кто-то стоитъ около нея и порывисто дышитъ. Сильный запахъ идетъ отъ его раздутыхъ страстью губъ. Губы приблизились. Больно и хорошо стало отъ ласки сильнаго рта. Поднялъ и понесъ ее.

Разбѣгаются осыпанныя елочной иглой, золотыя дорожки, съ серебряными берегами мха... Выплыла бѣлая, облитая луннымъ свѣтомъ, поляна. Круглый крытый бѣлой скатертью столъ, и на немъ большая хрустальная рюмка съ виномъ. Люди поднимаютъ бокалы и идутъ къ ней. Лица у нихъ мертвенно-блѣдныя, губы безкровныя, глаза горятъ страннымъ свѣтомъ. Одинъ, длинный съ маленькой головой и трясущейся челюстью, протягиваетъ къ ней большую рюмку съ виномъ, смотритъ упорно, проситъ. Она беретъ и пьетъ...

Все оборвалось. Опять въ воздухѣ. Слышитъ, какъ у самаго уха трещитъ моторъ машины. Аэропланъ летитъ со стремительной быстротой. Впереди, насупившись, склонившись къ рулю, сидитъ летчикъ. Она видитъ его руки—спокойныя, сильныя, въ толстыхъ кожанныхъ перчаткахъ. По сторонамъ развернулся гигантскій размахъ огромныхъ окрашенныхъ въ сѣрое крыльевъ. Внизу — понарама земли: кружевной рисунокъ опушекъ, цвѣтныя полоски полей, голубыя ленты рѣкъ, зеленая замша луговъ. Летчикъ нажимаетъ на руль высоты: земля таетъ, заволакивается бархатистой пеленою дали; ушла, одѣлась блѣдно-розовымъ покровомъ тучъ. Летчикъ обернулся: худенькій, тщедушный, съ золотушнымъ лицомъ. Она хочетъ отодвинуться отъ него, но кругомъ пустота. Онъ проситъ поцѣловать его, требуетъ,—грозитъ опрокинуть машину и разбить ее. Наконецъ, она рѣшается. Но, уже поздно — летчикъ повернулъ рычагъ, и они падаютъ со стремительной быстротой въ черную глухую пропасть.

* * *

Смирновъ бѣжалъ по лѣстницѣ—молодой, счастливый, радостный.

«Какъ хорошо — жить! Она любитъ: прощаясь, она такъ свѣтло улыбнулась мнѣ. Хорошо жить, любя!..

«Только-то познакомился. Она пріѣхала за совѣтомъ въ госпиталь къ старшему ординатору,—тотъ представилъ меня ей.

«Сразу понравился ея голосъ: мелкій и красивый, не заставляющій вслушиваться въ то, что она говоритъ — тоненкій и нѣжный, какъ голубой бѣгущій по зеленому лугу ручеекъ. Говорила мало, но часто выдавливалась на ее свѣжихъ, безхарактерныхъ губахъ плѣнительная, дѣтски-безпомощная улыбка... Руки ея находились въ постоянномъ движеніи: поправляла волосы, оправляла платье...»

Смирновъ прикрылъ глаза и, какъ призракъ въ воздухѣ, увидѣлъ отдѣланное бѣлыми кружевами, розовое платье, свѣтлые волнистые волосы и большіе спокойные голубые глаза, въ свѣтѣ которыхъ становилось такъ тепло и радостно...

— Почему вы меня не встрѣчаете!? — закричалъ на него съ высоты перекошенный ротъ. Главный врачъ стоялъ передъ нимъ на парапетѣ лѣстницы и хрипло, отрывисто выкидывалъ слова:

— Что за безобразіе!! Я—главный врачъ, и вы меня не встрѣчаете!!

«Какъ ракъ, красный сталъ и руками машетъ,—смотря на него, думалъ Смирновъ.— Не везетъ мнѣ съ начальствомъ».

— Что съ Кобылкинымъ, въ сотый разъ васъ спрашиваю?.. Не знаете?!. Вы дежурный — и всѣхъ знать должны!.. Обходъ дѣлали?!

— Обходилъ. Тяжелыхъ нѣтъ—всѣ поправились.

— Разъ въ отчетныхъ листахъ отмѣчено, что есть тяжелые—значитъ есть, и не извольте разсуждать!..

* * *

Госпиталь спитъ. Мѣшаясь съ луннымъ свѣтомъ, мигаютъ огоньки лампочекъ. Тихо движется по палатѣ бѣлая косынка сестры. Изъ-подъ платка на лобъ упала темнымъ колечкомъ прядка волосъ. Черный передникъ гладко лежитъ на темно-коричневомъ платьѣ. Строгая, стройная медленно движется она между рядами затянутыхъ сѣрымъ постелей. Монотонно дышатъ спящіе. Вотъ одинъ зашевелился, смотритъ пристально — видно что-то проситъ. Сестра подходитъ къ нему и двѣ большія тѣни, одна темная и другая свѣтлая, падаютъ отъ нея и тихо поднимаются вверхъ по стѣнѣ.

Подошла вплотную къ постели, остановилась. и складки одеждъ ея окаменѣли. Нѣжною, какъ бархатъ, рукою коснулась лба больного. Голосъ ея, какъ колокольчики, радостный и нѣжный, щекочущими струйками разливался по его тѣлу, и отъ ея близости и отъ запаха ея дѣвичьяго тѣла боли таяли и становилось легко.

Отъ бѣлой косынки падалъ на лицо сестры ореолъ сіянія. Сощуренные глаза смотрѣли мягко и ласково. Больной съ усиліемъ приподнялъ съ подушки голову и отуманеннымъ взглядомъ широко улыбнулся ей. Изумленіе тѣнью пробѣжало по лицу сестры. Больной захватилъ ея руку и тянулъ къ себѣ. Она тихо, не глядя на него, высвободила руку, дала больному успокоительнаго лѣкарства, оправила постель, молча поставила градусникъ и, скрестивъ на груди руки, сѣла въ ногахъ

его постели; потомъ закрыла руками лицо, задумалась, и когда отняла руки, въ глазахъ ея залегло что-то грустное.

— Простите, сестрица! — чуть слышно прошепталъ больной.

— Что ты! Ты же слабый и въ бреду. Лежи спокойно. Не тревожься. Скоро я опять приду.

Онъ хотѣлъ припасть къ ея ногамъ, хотѣлъ цѣловать край ея иноческаго платья, — но опять почувствовалъ болѣзненную тяжесть во всемъ тѣлѣ, не могъ двинуться и только, не отрываясь, глядѣлъ. Опять проплыли и исчезли тѣни, а онъ все еще видѣлъ ее — высокую, стройную, недосягаемую, съ чѣмъ то грустнымъ и своеобразнымъ въ лицѣ.

. . . Всѣ три церкви его волости сошлись, выросли и стали многоглавыми монастырями. Онъ смотритъ на церкви и хочетъ скорѣе услышать радостный многоголосый перезвонъ колоколовъ . . . Вотъ пронесся и потонулъ протяжный, хватающій за сердце ударъ . . . и зачастили мелкіе, переливчатые, серебристые звуки и наполнили все кругомъ радостнымъ торжественнымъ звономъ . . . Опять ударилъ главный колоколъ: плыветъ и печально таетъ въ воздухѣ напѣвъ церковныхъ колоколовъ . . .

. . . Изъ церкви вышла сестра, стройная, съ окруженной бѣлымъ сіяніемъ головой, съ живыми цвѣтами въ рукахъ, — и тихо пошла къ нему — грустная, строгая . . . Въ ослѣпительномъ сіяніи, облеченая въ свѣтоносныя ризы, сіяющая, какъ богородица, — она выростала передъ нимъ — поднималась, росла,

приближалась — становилась все озареннѣе... Изъ черныхъ прекрасныхъ глазъ ея тихо катились чистыя, какъ жемчугъ, слезы... Бѣлое мечтательное облако прикрыло ее...

. . . Медленно таяли въ небѣ облака шрапнелей. Раздавались орудійные выстрѣлы; слышались ружейные залпы, похожіе на грохотъ бросаемыхъ въ кучу желѣзныхъ листовъ; приближались и зловѣще трещали пулеметы. Все небо и вся земля стала красной отъ массы льющейся крови . . .

. . . Съ трудомъ дышалъ онъ въ красной темнотѣ, щетно искалъ выхода: огромный красный шаръ накатился и поглотилъ его.

* * *

Старый приземистый храмъ. Передъ иконами лампады, и неживой свѣтъ ихъ борется съ прозрачностью дня. Солнце окутано тучей, чуть свѣтитъ въ сводчатыя узкія рамы окна, ложится трепещущими полосами на тяжелыя плиты. Чуть доносится запахъ ладона изъ алтаря; крошечными красными точечками блестятъ огоньки тоненькихъ свѣчей издалека.

Отъ раскатовъ густого, низкаго баса дьякона вздрагиваютъ хрустальные подсвѣчники на низко-висящей по серединѣ храма люстрѣ; звонкимъ, переливчатымъ рокотомъ доносится изъ алтаря голосъ священника. И, отвѣчая имъ, чарующей пѣсней льется, то низкимъ, то высокимъ тэмбромъ, — какъ-будто съ неба, въ которомъ среди облаковъ медленно плыветъ, завернутый въ длинныя волнистыя ткани, Богъ

— отецъ — льется-раздается голосъ скрытаго на хорахъ женскаго хора.

Нѣвеста съ покрытой фатою головой, со слезами на щекахъ, съ молитвенно-замкнутыми губами, съ обвитой жемчужнымъ ожерельемъ бѣлой, тонкой, какъ морская лилія, шеей. Перевитая fleure d'orange'емъ, бѣлая, съ золотой вьющейся ленточкой, свѣча вздрагиваетъ въ ея тонкихъ, блѣдныхъ пальцахъ, и капли воска съ глухимъ и жалобнымъ стономъ падаютъ на лиловую полоску шелка у ея ногъ. Смирновъ хочетъ поддержать ее, протянуть ей руку, но, скованный обращеннымъ на нихъ вниманіемъ, — стоитъ неподвижно и только смотритъ на нее. Слабыя, слегка покатыя плечи ея вздрагиваютъ при громкихъ возгласахъ читаемыхъ дьякономъ молитвъ. Она крестится. На минуту исчезаетъ прикрытое ладонью ея лицо, опускается ниже перевитая цвѣтами головка, перегибается стройная, какъ цвѣточная чашечка, талія...

Читаютъ Евангеліе — великія, вѣчныя слова. Уплыли храмъ и люди, не слышно возгласовъ дьякона, не видно шитыхъ золотомъ ризъ, — зато близокъ и ясенъ Христосъ. На колѣняхъ, въ пустынѣ, стоитъ лучезарный Христосъ: чаша въ небѣ, въ свѣтломъ облакѣ, и къ ней простираетъ онъ руки. Въ добрѣ, природѣ, вѣчности, въ слезахъ умирающаго, въ примиреніи съ горемъ, въ высшей дружбѣ и чистой любви — улыбается Богъ. Теперь Онъ улыбается все рѣже дѣтямъ своимъ: они выросли и плохо поняли Его. «Господи, смилуйся надъ нами, освѣти, повѣтріемъ молитвы и любви осени, спаси, помилуй насъ! Упоеніе, свѣтъ

свѣта, истина истинъ, правда правдъ—приди и возьми насъ, послушныхъ чудесному и незнающихъ жизни людей!» – молился Смирновъ, и казалось ему, что онъ отдѣлился отъ земли и летитъ въ океанѣ чистаго свѣта.

«Оторви меня отъ міра и возьми къ себѣ!

«Господи, просвѣти, очисти мой мятежный духъ!

«Правду заронi мнѣ въ сердце, примири меня съ людьми!

«Зло, содѣянное мною, — раствора въ любви!

IV

Пріятно сидѣть дома, плечо къ плечу, и чувствовать близость другъ друга; сидѣть въ сумеркахъ, не зажигая огня, ничего не думать и обмѣниваться тихими словами, понятными только любящимъ.

Она что-то разсказывала. Замолчала, провела рукою по лбу, что-то вспомнила, вздрогнула рѣсницами, улыбнулась.

— Иду я, разъ, изъ класса съ мальчишками, а мама мнѣ навстрѣчу. «Ахъ ты, тошненько, — думаю: — попалась!» Мама идетъ ни на кого не смотритъ, совсѣмъ рядомъ прошла, а меня не замѣтила: она очень разсѣянная была.

— Какая я глупенькая была! Знаешь, въ то время носили искусственные локоны. Мнѣ тоже захотѣлось. Очень просила маму купить. Сперва мама не хотѣла, а потомъ согласилась, но позволила мнѣ носить локоны только дома...

Дома я такъ и ходила. Видишь, какая я дурочка была!

Она снова захотѣла заговорить, но посмотрѣла на него, потупилась и засмѣялась. Онъ взялъ ея руку въ свою и ласкалъ.

«Какъ красива ея маленькая, почти дѣтская, рука, и какъ много нѣмой, скрытой ласки въ этихъ нѣжныхъ пальчикахъ...»— думалъ онъ.

Она влажными отъ смѣха глазами смотрѣла на него и, съ трудомъ переводя дыханіе, думала: «Какой онъ потѣшный! Не хотѣла бы быть мужчиной—такія огромныя руки, точно медвѣдь!»

[redacted]

Вскорѣ тихіе радостные дни стали чередоваться днями ссоръ.

«Надо найти намъ общій языкъ, и тогда все образуется — думалъ Смирновъ: — Мы думаемъ и говоримъ на разныхъ языкахъ. Она хорошая, но темная натура: не видитъ свѣта и смотритъ на жизнь очень узко. Молодая и, какъ воскъ, гибкая—надо перевоспитать ее, и тогда все уладится... Помню еще женихомъ много разъ я говорилъ съ нею, высказывалъ свои взгляды, и она во всемъ соглашалась, но взгляды были больше отвлеченные, теоретическіе, а о жизни — о томъ, какъ намъ жить вдвоемъ - мы не говорили».

Онъ подошелъ къ ней, обнялъ ее и посмотрѣлъ ей въ глаза близко и пристально; глаза ея казались ему безъ блеска блѣдно-зелеными кружками: не злыми и не добрыми — далекими, чужими. Пристальность его взгляда испугала ее, она старалась улыбнуться, но ли-

цѳ ея не свѣтлѣло отъ полуулыбки и глаза оставались такими же далекими и чужими.

Сидѣла часами неподвижно, опершись подбородкомъ на руку, и смотрѣла въ окно — о чемъ-то думала. Машинально провожала взоромъ каждаго проѣзжающаго и слѣдила, когда вновь появится и закачается лошадь и кучеръ внизу, на мокрой мостовой противъ ихъ дома. Когда долго никто не ѣхалъ — однообразность впечатлѣній ее утомляла, она отрывалась отъ дѣйствительности и вспоминала прошлое. Въ облачномъ бѣломъ саванѣ легшаго на землю неба видѣла передъ собою бабушку — маленькую и сердитую старушку съ клюкой въ рукѣ.

— Бѣсъ была она, до всего ей было дѣло. Кто, куда и зачѣмъ идетъ—повсюду носъ свой совала, прислугу поѣдомъ ѣла, шпіонила, не по лѣтамъ жива была. Отъ бѣготни у ней и нога заболѣла, раздулась и гноемъ пошла. Какъ нога зажила, такъ она и умерла. У насъ говорили оттого, что болѣзнь внутрь пошла.

— Развѣ ты вѣришь такимъ глупостямъ?

— Ну вотъ, ты сейчасъ и ругаешься; тогда я и разсказывать не буду.

— Заставилъ меня цѣлый вечеръ одну просидѣть!.. Ты съ сестрами былъ? — у меня такое предчувствіе было.

— Я нѣсколько разъ порывался уйти, но онѣ задерживали меня.

Она глубоко вздохнула и вдругъ почувствовала себя покинутой и оставленной на произволъ судьбы. Въ гортани стало горько и тѣсно. Чтобы сдержать слезы, она зажимала платкомъ себѣ ротъ.

— «Первый мѣсяцъ, и такое горе».

Откинулась на спинку кресла, закрыла лицо руками и заплакала.

— Что съ тобой, успокойся! — онъ нѣжно коснулся рукою ея вздрагивающихъ плечъ.

— Оставьте, не касайтесь! — отвела она свое плечо и обнажила красное распухшее отъ слезъ лицо.

— Мнѣ и раньше говорили, да я не вѣрила!

— Что?! Какія-то подозрѣнія!.. Этого еще не доставало!

— Заставилъ меня цѣлый вечеръ одну просидѣть,—чуть внятно, между слезъ, шептали ея отдутыя обидой губы.

— Помиримся!—садясь около нея и стараясь отнять отъ ея лица руки, уговаривалъ онъ. Въ ея нижней отдутой маленькой четырехугольной губѣ и припухшемъ отъ слезъ носѣ — было что-то жалкое, какъ у маленькаго безпомощнаго ребенка, но красные отъ слезъ глаза глядѣли зло.

— Ни за что!

— Что за глупости!

— Вы сами дуракъ!

— Это ты мнѣ!

— Да вамъ!.. Уйдите! оставьте меня! Недостойный, вы, человѣкъ!

Съ первой встрѣчи, въ госпиталѣ, сестра Варя понравилась Смирнову, хотя онъ боялся признаться себѣ въ томъ — не хотѣлъ понять своего чувства: онъ видѣлъ ее каждый день

при работѣ, привыкъ къ ней, и ему казалось страннымъ любить сестру.

Когда она говорила, онъ охотно слушалъ ее, чувствовалъ себя съ нею уютно и легко. Ему нравилось ея открытое, свѣжее лицо, нравилась благородная простота ея движеній, радушный, искренній нравъ, — онъ наслаждался гармоніей въ ней. Когда онъ думалъ о ней, въ душѣ поднималась какая-то пѣвучесть, и было безотчетно радостно и грустно въ одно и то-же время. Онъ съ наслажденіемъ представлялъ себѣ ея лицо, ея улыбку.

Теперь они рѣже видѣлись, казалось—она избѣгала его. Раньше онъ принималъ ее глазами безъ мыслей, какъ насыщенный весною воздухъ легкими; оттого и было ему весело, что весна—Варя была все время съ нимъ. Теперь весна ушла, и стало грустно. Сначала — неясно грустно, такъ что онъ, осматривая больныхъ и читая книги, могъ отвлечься. Потомъ онъ потерялъ способность сосредоточиваться: всѣ мысли, чѣмъ бы онѣ не начинались, склеивались и замирали въ неподвижности. Онъ боялся думать о Варѣ, но всѣмъ существомъ тянулся къ ней, томился желаніемъ пойти къ ней.

Дома постоянное присутствіе жены досаждало и нервировало его: какая она простая, скучная, обыкновенная—по сравненію съ той, чужой и безконечно близкой. Когда онъ смотрѣлъ на жену, образъ Вареньки заслонялъ ее, и эта двойсвентность жизни въ мечтѣ и дѣйствительности съ каждымъ днемъ становилась тяжелѣй.

Съ первымъ вздохомъ весны вспыхнула революція. Смирновъ столкнулся съ Варей въ толпѣ и они пошли вмѣстѣ, съ красными ленточками, среди шумно и радостно настроенныхъ людей. Пламенемъ надежды и величіемъ любви дышала пѣснь свободы. Гордое красное знамя развивалось высоко и говорило о будущемъ счастьи земли. Но вскорѣ они почувствовали себя неловко въ наростающей съ каждой минутой толпѣ. Не сговариваясь, свернули съ главной улицы и пошли стороной — по узкому переулку — къ синѣющей рѣкѣ; шли тѣсно прижавшись другъ къ другу по гибкимъ мосткамъ среди весело журчащей и съ рокотомъ бѣгущей воды. Все благозвучно шумѣло, красиво блистало кругомъ; воздухъ сіялъ, какъ голубое серебро; рѣка блистѣла и переливалась, такъ что на нее было больно смотрѣть. — Округленное съ красивыми очертаніями рта и носа, лицо Вары дышало радостью жизни и молодости; она улыбалась, говорила, забавляясь, обыкновенныя вещи — ласковымъ звонкимъ круглымъ голосомъ; двѣ ямки все глубже вдавливались и румянецъ все ярче разгорался на ея щекахъ.

— Ахъ, какъ я заболталась! — спохватилась она: — можетъ быть вамъ скучно меня слушать. Вѣдь я иногда такая глупая бываю!

Она съ безпокойствомъ вглядѣлась въ его лицо.

Этакая пѣвучесть въ душѣ, а голова совершенно пустая! — думалъ онъ.

— Это вы! Мнѣ съ вами такъ хорошо. Вы такая чуткая. Мнѣ легко съ вами. Какъ будто я издавна — всегда былъ съ вами.

Нѣжная свѣтлая улыбка, свѣжая, какъ утренняя роса на лепесткахъ цвѣтка, задрожала на ея просвѣтленномъ лицѣ.

— Дорогой мой, — чуть прошептала она и крѣпко охватила его руку своею нѣжной сильной рукой.

— А почему ты меня не цѣлуешь?

— Дай, я поцѣлую тебя, — чуть коснулась своими бархатистыми нѣжными губами и сразу отпрянула — покраснѣла.

* * *

Они часто встрѣчались и подолгу сидѣли въ ея маленькой уютной комнатѣ. Широкоплечій съ открытой загорѣлой шеей онъ сидѣлъ, опершись руками въ колѣни, и, опустивъ голову на руки, говорилъ:

— Души людей, какъ огни, разгораются въ своей любви. Все дышитъ: грудь человѣка, земля, огонь и душа, живущая въ тебѣ, во мнѣ, во всемъ... Есть два пути: одинъ путь идетъ къ центру, къ истоку жизни, другой идетъ по краю земли. Въ туманѣ страсти золотится своей вѣчною. Наша любовь возноситъ насъ, но въ ней слишкомъ много тѣла, и тѣло дѣлаетъ насъ рабами любви. Человѣкъ — это солнце въ темномъ кругѣ. Надо разорвать этотъ кругъ, чтобы стать свѣтлыми, солнечными... Наша любовь путь къ лучшей, наисвѣтлѣйшей и свободной жизни. На высотахъ нашей несовершенной любви мы нащупываемъ эту вѣчную и лучшую жизнь — любовь!

— Не знаю, милый. Я вся наполнена тобой. Я не могу смотрѣть на нашу любовь, думать о ней: я вся въ ней; я плыву съ тобою

— и жизнь кажется мнѣ свѣтлой, радостной и чистой!

Тщательно и нѣжно перевязывала Варя раненаго и вдругъ вспомнила — и винтъ остановился въ ея рукѣ:

«Какъ пріятно лежать безпомощной, обезсиленной въ его крѣпкихъ рукахъ. Какъ перышко, поднимаетъ меня. Моя голова на его сильной груди поднимается, какъ челнъ на теплыхъ волнахъ. Безумно хорошо отдаваться и растворяться въ его силѣ и волѣ! Ахъ, счастье, будь и останься со мной!»

Одуванчики

I

Несется опоясанный сѣрыми косами дыма, черный, перерѣзанный золотой цѣпочкой освѣщенныхъ оконъ, поѣздъ: то втягивается въ сумракъ лѣса, то катится со стремительной быстротой по желѣзнодорожной насыпи — по желтому полотну, между бѣлыми берегами снѣга.

Ваня Кореневъ, молодой военный врачъ, только что окончившій университетъ, ѣдетъ на службу, покачиваясь на мягкихъ пружинахъ дивана, задумчиво смотритъ въ окно. Кончились экзамены: нѣтъ больше судороги мыслей, безпокойства и томительной неизвѣстности. Кажется, что наступившему времени отдыха и свободы не будетъ конца. Мысли, подъ мирный стукъ вздрагивающаго на соединеніяхъ рельсъ поѣзда, бѣгутъ легко, рисуютъ заманчивыя картины будущаго, ширятся красивыми ровными кругами, какъ вода отъ бросаемыхъ въ нее мелкихъ камней. Мысли, чѣмъ бы не начинались, заканчивались у него гаммой торжествующихъ чувствъ, накатывались и ширили грудь порывами ликующей радости. Потомъ

круги-мысли стали все рѣже и рѣже и, наконецъ, совсѣмъ перешли...

Ночь закрыла молочнымъ туманомъ окна. Хорошо крѣпко спалось подъ неустанный шумъ поѣзда. Стукъ колесъ представлялся во снѣ духовнымъ оркестромъ, отбивающимъ плавный бойкій маршъ... Проходили стройнымъ маршемъ войска — беззаботныя, удалые солдады. Онъ здоровался съ ними; они отвѣчали ему. На бульварѣ вытянулись въ струнку деревья, по мѣрѣ приближенія его, низко склонялись передъ нимъ; но одно дерево не наклонилось и загородило вѣтвями путь... Женщины, сплетаясь въ розовые клубки, петли и узлы, скользили по стволу дерева и качались на вѣтвяхъ его. Одна изъ нихъ, вытянувъ свое змѣиное тѣло, повисла надъ самой головой Коренева, обвила ногами его шею и такъ раскачивалась на вѣткѣ вмѣстѣ съ нимъ...

Утромъ весна была въ полномъ разгарѣ и, съ каждой сотней отмахиваемыхъ поѣздомъ верстъ, развертывалась все ярче. Какъ раскиданные клочья бумаги, кое-гдѣ бѣлѣлъ еще послѣдній снѣгъ. Онъ пятнами приклеился къ небу, плылъ и таялъ, подбитый золотыми блестками огня. Задумчиво неслись по голубому небу тучки... Вмѣстѣ съ ними неясной виньеткой проносились надъ Ваней лихорадочно-радостныя грезы юности. Они такъ прозрачны эти облака; если вглядѣться, то это и не облака, а женскія тѣла, плывущія въ морѣ солнечнаго свѣта. Вѣтеръ срываетъ легкія ткани и мягко покачиваетъ голыми плечами и кистями рукъ... Но вотъ поѣздъ и хороводъ сливающихся другъ съ другомъ женскихъ тѣлъ — оборвали свой

полетъ. За окномъ передъ нимъ масса молодыхъ дѣвушекъ въ солнечномъ свѣтѣ, на фонѣ наливающихся весенней сочностью кустовъ. Радостный, какъ звонъ колокольчиковъ, говоръ — весенній звонкій женскій смѣхъ. Разнообразіе лицъ, улыбокъ, жестовъ... И вновь толчекъ и новый путь. Опять синѣютъ рельсы, опять бѣжитъ просторный дальній путь . . .

Въ госпиталѣ, подъ золотой короной надъ картиной царя, написанной масляными красками, сидѣлъ широкоплечій усатый мужчина съ гордымъ высокомѣрнымъ лицомъ. Онъ принялъ Ваню Коренева напыщенно — равнодушно и на вопросы объ его обязанностяхъ отвѣчалъ уклончиво.

— Всежко едно, всежко едно, — обнаруживая свое польское происхожденіе, повторилъ онъ нѣсколько разъ.

Другой докторъ, полный и добродушный блондинъ, сразу взялъ Ваню Коренева подъ свое покровительство. Къ радости Зеленскаго Кореневъ оказался одного съ нимъ университета: посыпались разспросы, понятные только имъ словечки и фамиліи профессоровъ.

— А я Варшавскаго!—перебилъ ихъ замѣститель главнаго врача, панъ Бржестовскій, расправляя между пальцами пушистые усы.

— И еще до руссизма! — добавилъ онъ, повысивъ голосъ и выкативъ на нихъ гордые налившіеся кровью глаза.

— Ну, идите, идите господа! Константинъ Ивановичъ, покажите и объясните имъ тамъ все какъ надо,—вдругъ смягчился онъ и обра-

тился уже по польски къ входившему въ кабинетъ доктору Довборъ-Муслинскому, красивому молодому блондину съ низкимъ упрямымъ лбомъ.

Въ госпиталѣ были низкія, полутемныя палаты, со сводчатыми потолками и колоннами, окна съ тяжелыми желѣзными перехватами и каменныя холодныя стѣны. Въ застоявшемся воздухѣ шаги молодого врача раздавались громко. На постеляхъ сидѣли больные въ сѣрыхъ шинеляхъ и, въ своей сосредоточенной неподвижности, казались полуживыми призраками. Въ полутемномъ корридорчикѣ грязные и неуклюжіе санитарные солдаты, въ длинныхъ свисающихъ до полу халатахъ и сбитыхъ на затылокъ колпакахъ, перетирали и устанавливали по полкамъ посуду. Они равнодушно, какъ бы невидящими глазами, проводили молодого начальника и продолжали свое дѣло, о чемъ-то втихомолку переругиваясь между собой. Ваня, задѣтый ихъ невниманіемъ, прикрикнулъ на нихъ, но они не поняли его и также безучастно, но только проворнѣе, перетирали сутки и устанавливали ихъ по полкамъ.

Кореневъ открылъ выходную дверь. Яркій свѣтъ ослѣпилъ его. По лиловому небу вился золотой лентой огонь заката.

II

Мелькали, уходя вдаль, электрическіе фонарики проспекта. Медленно двигалась пестрая, наряженная по праздничному толпа. Мягко и быстро катились экипажи.

Зеленскій былъ въ штатскомъ: свѣтлое свободное платье скрадывало полноту его тѣла, брильянтовая булавка въ пестромъ галстукѣ молодила лицо. Онъ шелъ свободной поступью фланера, съ небрежной внимательностью останавливался взглядомъ на встрѣчныхъ женщинахъ, взвѣшивалъ каждую изъ нихъ, съ ботинокъ до шляпы, и запечатливалъ сдѣланный выводъ въ выразительной мимикѣ своего лица.

Кореневъ, выпятивъ грудь, шелъ игриво—странно выкидывалъ ноги, точно подражалъ манежной лошади на плацу. Около оконъ магазиновъ онъ замедлялъ шаги, приглядывался къ мелькавшей въ стеклахъ фигурѣ, любовался собой и усердно козырялъ военнымъ.

Поровнявшись съ кафэ, Зеленскій зазвалъ Коренева посидѣть и поболтать.

Всѣ столики оказались занятыми; съ трудомъ нашли одинъ, въ уголку около оркестра. Кругомъ, отраженныя зеркалами, сидѣли женщины, въ различныхъ позахъ и цвѣтахъ.

— Здѣсь принято, какъ вечеръ, такъ всѣ сидятъ за столиками: дамы, офицерство, интеллигенція,—слушаютъ музыку, попиваютъ кофэ и ловятъ глазами: мужчины—женщинъ и женщины—мужчинъ.

«Жизнь — это погоня за женщиной: мужчина съ сѣтями, рыбка съ косами; люблю я сладкую рыбку въ мутной водичкѣ ловить...»—думалъ Зеленскій, оглядываясь по сторонамъ. Щеки у него подпрыгивали, глаза блестѣли и ширились. Онъ показалъ Кореневу на одну знакомую даму, прошедшую, невдалекѣ отъ

нихъ, къ сосѣднему столику. Томные глаза съ большими рѣсницами смотрѣли съ грустной усмѣшкой. Въ сиреневой съ большими полями шляпѣ со строгимъ библейскимъ лицомъ, она была красива сочной отцвѣтающей красотой.

— Познакомьте!—попросилъ Кореневъ.

— Ишь, загорѣлось! Она немолода. Впрочемъ, вамъ, зеленому юнцу, такая и нужна.

— Не хотите знакомить, тогда я самъ подойду и непремѣнно познакомлюсь!

— И она непремѣнно отошьетъ васъ. Вотъ увидите! Съ нею можно сдѣлать что угодно, но лишь при соблюденіи приличія и формы. Чего проще, если такъ хотите познакомиться, поѣзжайте къ ней съ визитомъ. Она одна изъ мѣстныхъ полковыхъ дамъ. Впрочемъ, женщину дѣлаетъ интересной обстановка и платье. Здѣсь она затянута въ корсетъ и въ красивой шляпѣ, а дома — непричесанная, въ капотѣ, со старымъ отцвѣтшимъ лицомъ. Сейчасъ она говоритъ о модахъ, театрѣ; дома заговоритъ съ вами о цѣнахъ на говядину, капусту, огурцы, и вмѣсто удовольствія вы получаете отсутствіе аппетита на нѣсколько дней.

— Вотъ еще одна—смотрите! Интересная, худенькая, съ папироской, сидитъ съ лысымъ господиномъ.

— Нѣкоторымъ женщинамъ очень идетъ, когда онѣ курятъ: онѣ выявляютъ все богатство своей мимики и жестовъ—красиво и свободно держатъ себя.

— Впрочемъ, не совѣтую вамъ съ нею знакомиться: страшная картежница! втянетъ въ

игру. Этотъ лысый, ея компаньонъ, — первый шулеръ.

— Мнѣ въ картахъ везетъ.

— Только не съ женщинами: она ваше вниманіе отвлечетъ—а шулеръ передернетъ...

— Красивой ее назвать нельзя, но она удивительно выразительна въ своихъ манерахъ и походкѣ. Вы замѣтьте, какъ она красиво идетъ, выставляя грудь, бедра и ноги...

— Всѣ эти монденки не женщины, а красивыя куклы! берутъ туалетами, мимикой, красивыми жестами...—а раздѣть ихъ, да вымыть —ничего и не останется. Для любви нужна свѣжесть, молодость, красивое тѣло и здоровые нервы; а онѣ, почти всѣ, тощія, съ узкимъ тазомъ и холоднымъ тѣломъ—истерички!

— Но гдѣ эту свѣжесть найти?.. Помню, года два тому назадъ, была одна. Формы — пальчики оближешь! воздухъ, а не женщина— упруга и легка! Но такихъ женщинъ мало... Всего, что плыветъ на водѣ, не увидишь — приходится брать то, что есть.

— Это презрѣніе?

— Надо презирать женщину. Важно не то, что она есть, а то, что она даетъ... Вы смотрите ей въ глаза и теряете власть надъ собой. Вмѣсто вашихъ словъ она слышитъ только тонъ и тембръ вашего голоса. — Любовь—это гипнозъ. Любовь со стенаніями и воплями—это не любовь, а игра нервовъ. Я признаю любовь безъ восклицательныхъ знаковъ. Все равно въ какой бы формѣ она не выражалась, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы она была радостна!

* * *

— Вы не знаете, что говорите, капитанъ!— сказалъ Кореневъ:—Мы удостоились высочайшей благодарности въ отвѣтъ на посланную при окончаніи университета телеграмму монарху, а вы говорите, о какихъ-то забастовкахъ!

— Развѣ у васъ не бастовали?.. Вы не спорьте, молодой человѣкъ.

— Противъ того, что я молодой — не спорю, хочу только сказать, какъ дѣло было.

— Вы отвѣтьте мнѣ, были у васъ забастовки, или нѣтъ? — добивался смотритель госпиталя, Капитанъ.

— Были.

— Забастовщики, буяны! Хотите себя съ офицерами равнять!.. Врачъ былъ и останется чиновникомъ... Вы кровь не проливаете!

— Ну! какъ же! еще вчера операція была.

— Вы не шутите! Я серьезно говорю.

— Еще въ исторію попадешь съ этой гарнизонной крысой,—подумалъ Кореневъ.

— Забастовки у насъ были давно,— перебилъ онъ, торопясь потушить разражительность капитана.

— Два, три коновода крикнутъ: «забастовка, политическій протестъ, поддержка рабочимъ!» остальные, какъ бараны, сейчасъ же за ними гурьбой идутъ. Часто и вовсе не обсуждаютъ: прочтутъ что-нибудь съ листка, поднимутъ руки – и готово. Университетъ закрытъ и царствуетъ улица... Главное, все предрѣшено заранѣе; сходка только кукольная комедія... У насъ тоже комедія была, когда мы кончали. Красные хотѣли послать телеграмму — протестъ противъ смертной казни; а мы, академисты, предложили, вмѣсто протеста, послать го-

сударю привѣтственную; сознательные товарищи изъ страха пошли за нами, и вышла телеграмма не только отъ насъ, академистовъ, а отъ всего нашего курса.

— Я говорилъ, гдѣ студенты, тамъ всегда скандалы. Закрылъ бы я совсѣмъ университеты на мѣстѣ правительства...

Солнечный свѣтъ лился въ высокія съ рѣшетками окна и ложился квадратами на выложенный каменными плитами полъ.

Кореневъ былъ дежурнымъ, сидѣлъ за столомъ, пилъ чай, и отъ скуки просматривалъ приказы по госпиталю, съ отмѣтками прибывшихъ и выбывшихъ. Жирнымъ цвѣтнымъ карандашемъ онъ съ удовольствіемъ отчеркнулъ нѣсколько словъ, сказанныхъ о немъ, и только что отложилъ карандашъ, чтобы прихлебнуть изъ стакана чаю, какъ въ комнату постучались и на порогѣ появилась статная фигура молодого доктора Довборъ-Муслинскаго. Муслинскій присѣлъ къ его столу, поговорилъ о томъ, о семъ: о скукѣ въ городѣ, объ отсутствіи интересной работы въ госпиталѣ — и, какъ бы между прочимъ, спросилъ Коренева не посылалъ ли его курсъ государю телеграмму съ просьбой сохранить смертную казнь?

— Нѣтъ, такой телеграммы не посылали. Курсъ послалъ телеграмму привѣтственную. Развѣ наше дѣло указывать государю, что дѣлать!

— А въ газетахъ писали!

— Газеты только и знаютъ, что врутъ.

Довборъ-Муслинскій повертѣлся, звякнулъ раза два шпорами и ушелъ; а на слѣдующій

день, панъ Бржестовскій, встрѣтивъ запоздавшаго на службу Кореневa, сдѣлалъ ему выговоръ за опозданіе и назначилъ въ заразное отдѣленіе, по случаю отпуска одного изъ врачей.

Кореневъ боялся заразы, въ университетѣ отлынивалъ отъ занятій въ заразной клиникѣ, постарался отбояриться и теперь.

— Это не по моей спеціальности! Заразные для меня — terra incognita.

— Подчитайте.

— Какъ же такъ сразу!

— Вы любите приказывать — мнѣ солдаты говорили — извольте и приказанія слушать!

Кореневъ опѣшилъ; перепуганный, уже не радуясь козырянію встрѣчныхъ солдатъ, пошелъ въ заразный баракъ, бѣлый флигелекъ за паркомъ.

— Вы къ намъ, докторъ? — встрѣтила его сестра. — Вотъ это хорошо! А то у насъ больные третій день не осмотрѣны. У Семенова, что въ тифу, температура шалитъ, а у Палкина какая-то опухоль на плечѣ...

— Позвольте, я халатъ вамъ завяжу. Вы торопитесь, докторъ?

— Да, мнѣ сегодня некогда. — Кореневъ пробѣжалъ по корридору отдѣленія, мелькомъ заглянулъ въ палаты.

— У нихъ сыпь — я отсюда вижу... Здѣсь смотрѣть нечего! Сдѣлайте все какъ прежде.

Въ слѣдующіе дни Ваня уже не поднимался наверхъ въ сыпныя палаты; ограничивался посѣщеніемъ одной рожистой; просиживалъ свои часы въ холодной и сырой пріемной,

гдѣ осматривалъ прибывающихъ больныхъ, что въ заразномъ отдѣленіи случалось рѣдко.

Приходилось опредѣлять болѣзнь, что ставило Коренева въ тупикъ.

— Это опять скарлатина! — говорила сестра и выводила его изъ сомнѣнія.

— Совершенно вѣрно, — соглашался онъ.

— Что дать?

— Посмотримъ.

Кореневъ просматривалъ больничный журналъ и переписывалъ лѣченіе изъ старой исторіи болѣзни въ новую.

— Вы держитесь той же системы, что и Сигизмундъ Вячеславовичъ? — спрашивала сестра.

— Одна болѣзнь — одно и лѣченіе, — авторитетно подтверждалъ Кореневъ и сочно звякалъ шпорами.

— Ба — новость! — влетѣлъ запыхавшійся Зеленскій. — Новый начальникъ пріѣхалъ!.. Слышали?

— Мы здѣсь съ докторомъ, какъ на островѣ, всегда обо всемъ узнаемъ послѣдніе.

— Портартурецъ. Владиміръ съ мечами на шеѣ. Капитанъ передавалъ, что приказано всѣмъ собраться и быть въ парадной формѣ... Вотъ и вамъ приказъ несутъ!

— Ваше высокоблагородіе, приказаніе извольте получить.

— Разрѣшите идти, ваше высокоблагородіе!

— Ступай!

— Счастливо оставаться, ваше высокоблагородіе!

— Ишь, какъ у васъ разговариваютъ!

— А, вы что думали!—самодовольно улыбнулся Кореневъ.—У меня всѣ въ струнку ходятъ.

За свою кратковременную службу онъ привыкъ къ подобострастному козырянію и стойкѣ на вытяжку солдатъ и неуклонно требовалъ отъ нихъ строжайшаго соблюденія формы и военнаго этикета.

— У насъ докторъ строгій—чуть что, сейчасъ распушитъ,—разсказывала сестра Малинкина сестрамъ-товаркамъ. — Не только санитары запуганы, но и больные боятся его. Послѣ его обхода, что ни спросишь — всѣ отвѣчаютъ: «никакъ нѣтъ» да «точно такъ», какъ истуканы какіе, никакого толку отъ нихъ не добьешься!

III

Въ первый же воскресный день Кореневъ рѣшилъ сдѣлать визитъ новому начальнику.

Стояло лѣто. Было жарко. Пряный воздухъ радовалъ и утомлялъ. Кореневъ медленно поднимался по устланной коврами лѣстницѣ и, взглядываясь на площадкахъ въ зеркала, любовался своей стройной фигурой. Въ третьемъ этажѣ передъ огромной обитой клеенкой дверью, съ отчищенной подъ золото мѣдной доской, онъ остановился и тихо позвонилъ... Простучали каблучки, и молодая съ красными волосами барышня открыла ему дверь.

— Вы, докторъ, пройдите пожалуйста въ залу, я сейчасъ позову маму.

Барышня ушла. Кореневъ торопливо пригладилъ передъ зеркаломъ волосы, придержи-

вая саблю и стараясь ступать на цыпочкахъ, прошелъ въ залу. Въ комнатѣ стоялъ полумракъ. Окна были завѣшаны и на полу лежали узорчатыя тѣни. Было много мебели: стульевъ, старинныхъ креселъ и столовъ. Два огромныхъ зеркала поблескивали въ просвѣтѣ между оконъ, и нѣсколько картинъ выдѣлялись на стѣнѣ золотыми ободками рамъ.

Вскорѣ вышла пожилая полная дама. Кореневъ раскланялся, присѣлъ на предложенный ему стулъ. Дама задала ему нѣсколько вопросовъ и предоставила выборъ дальнѣйшаго разговора ему самому. Худенькая барышня съ красными волосами сѣла противъ него, кокетливо поправила прическу и улыбалась ему кончиками губъ. Кореневъ пощипывалъ усики, чуть слышно позванивалъ шпорами, нѣсколько разъ вытеръ носъ и лобъ платкомъ — но никакъ не могъ придумать, что бы сказать. Проходили секунды, казавшіяся длинными, томительными минутами, но мысли не приходили... Въ душѣ была пѣвучесть,—голова была совершенно пуста, какъ полый летящій по воздуху шаръ. Въ горлѣ сохло. По тѣлу бѣгали мурашки. Собирался говорить, но только дѣлалъ безсильныя движенія губами и откашливался: приходившія на память слова казались страшно неповоротливы и не сходили съ языка. «Лучше подняться и уйти, чѣмъ сидѣть такимъ истуканомъ!» Хотѣлъ встать, но не могъ; чувствовалъ себя какъ-бы пришпиленнымъ съ стулу.

Кореневъ поймалъ на себѣ искоса брошенный на него, насмѣшливый взглядъ барышни: она улыбалась и съ трудомъ удержи-

вала смѣхъ. Поднялся, не досидѣвъ положенныхъ для визита минутъ, красный и пристыженный, началъ откланиваться. Хозяйка дома привѣтливо просила его заходить. Барышня опустила голову и, не смотря на него, протянула ему тонкую холодную руку.

Кореневъ повторилъ визитъ. Чтобы дать гостю время освоиться, Адочка сѣла за рояль. Онъ подсѣлъ къ ней, перелистывалъ ноты, звякалъ шпорами, иногда безпричинно улыбался и, спохватившись, опять принималъ сосредоточенный видъ. За чаемъ понемногу освоился; пересталъ теребить свои усики и вынимать носовой платокъ; привычнымъ движеніемъ помѣшивалъ сахаръ въ стаканѣ съ чаемъ, нетерпѣливо глоталъ горячую янтарную жидкость и маленькими ломтиками отправлялъ въ ротъ тортъ. Онъ не только связно отвѣчалъ на вопросы дамъ, но заговорилъ самъ. Разсказалъ объ академистахъ, о посланной государю телеграммѣ и прочихъ кажущихся ему существенными событіяхъ студенческой жизни.

— Сидимъ это мы, академисты, человѣкъ пять, на лекціи, и вваливаются къ намъ красные: лекцію срывать. Потѣшные такіе! въ повязанныхъ тесемками черныхъ рубашкахъ на манеръ Горькаго. Умора смотрѣть на нихъ—а зло беретъ!.. Стоятъ на верху аудиторіи и кричатъ. Профессоръ проситъ ихъ не шумѣть, а они еще пуще заливаются. Наконецъ, одинъ изъ нашихъ не выдержалъ: «Довольно! Не мѣшайте.—Кричитъ:—Уйдите!» А они: «Ахъ, вы, культуртрегеры! Забастовку срывать!»—и кинулись съ кулаками на насъ...

— Ой! Какой ужасъ! — прижимая къ сережкамъ малокровные тонкіе пальцы, воскликнула Адочка.

Кореневъ заходилъ часто, почти каждый день.

— Чудная погода сегодня! Непростительно дома сидѣть, Аделаида Алексѣевна!

— Что жъ дѣлать! Не хотите ли чаю, докторъ?

— Пожалуйста, съ удовольствіемъ выпью чашечку изъ вашихъ рукъ!

— Мама, налей, пожалуйста, доктору!..

— Какъ скучно!

— Что это молодые люди все на скуку жалуются! Отъ плохого здоровья, я думаю, это. Надо больше гулять.

— Мама, я сама знаю, что дѣлать! Слава Богу, не маленькая: девятнадцать лѣтъ.

— Скажите, пожалуйста, какой почтенный возрастъ! Что вы скажете на это, докторъ?

— Мы уже не тѣ, что вы были, мамочка: въ наши время люди растутъ быстрѣе, чѣмъ въ вашъ кринолинный вѣкъ...

— Вы хотите еще чаю, докторъ?

— Нѣтъ, благодарю.

— Пойдемте въ гостиную.

— Пожалуйста, Иванъ Ивановичъ, заходите къ ужину. Алексѣй Михайловичъ очень радъ, когда вы бываете. Къ чаю онъ не выходитъ: отдыхаетъ послѣ службы... Я слышала, какъ относился къ вамъ предшественникъ моего мужа. Удивительно! Какъ посылать васъ въ заразное отдѣленіе, когда онъ зналъ, что вы боитесь. Мужъ говоритъ, если человѣкъ

боится, то всегда легче можетъ заболѣть. Это онъ навѣрно въ отместку вамъ сдѣлалъ: вы академистъ и русскій—онъ полякъ, вы за царя и порядокъ - а поляки всѣ бунтари. Развѣ это красиво, что они теперь дуются на васъ, не разговариваютъ съ вами, и все изъ-за того, что вы преданы царю и теперь у начальства на лучшемъ, чѣмъ они, счету...

— Мама, оставьте. Это скучно! Можетъ быть докторъ и не хочетъ, чтобы вы говорили объ этомъ.

— Что же здѣсь особеннаго? Иванъ Ивановичъ здѣсь одинъ: ему некому посовѣтовать... Помню, мой мужъ еще студентомъ былъ...

— Мамочка, это, право, скучно: вы теперь всѣ старыя исторіи начнете разсказывать!..

— Я пойду играть на роялѣ, а вы, докторъ, если хотите, оставайтесь.

— Фи, какая ты рѣзкая стала, Адочка!

— Вы привыкли, мама, меня за маленькую считать...

— Докторъ, идемте — это, наконецъ, невѣжливо!

Кореневъ оборвалъ начатый разговоръ на полусловѣ, играя торсомъ и звеня шпорами, направился черезъ залъ къ роялю.

— Какой звонъ! Сидите тише и не мѣшайте!

Адочка ударяетъ по клавишамъ, играетъ долго и монотонно. Кореневъ сидитъ и разсматриваетъ холеные ногти своихъ плоскихъ длинныхъ рукъ.

— Какъ скучно! Что же вы молчите?.. Совсѣмъ, какъ въ первый визитъ: потѣха была!.. Думаете о своихъ больныхъ?

— Нѣтъ, я о такихъ глупостяхъ никогда не думаю.

— Вотъ, это хорошо! Мнѣ нравится! Откровенно сказано.

Помолчали. Адочка играла маршъ. Кореневъ пощипывалъ усики и чуть прищелкивалъ шпорами въ тактъ музыкѣ.

Адочка оборвала игру, повернулась къ нему.

— Что же, докторъ, скоро вы что-нибудь скажите?

«Никакъ не выдумать, что сказать,—досадовалъ Кореневъ. — Какъ это другіе говорятъ такъ легко, точно въ мячикъ играютъ словами».

— Если вамъ со мною скучно, я могу и уйти.

— Обидѣлись?.. Я больше играть на роялѣ не хочу. Не знаю, что и дѣлать!.. Вы въ карты играете?.. Давайте съиграемъ въ дураки. Я васъ непремѣнно дурачкомъ оставлю... Опять обидѣлись!.. Ну, это совсѣмъ глупо. Скоро съ вами говорить нельзя будетъ...

— Пойдемте гулять? — сидѣть молча надоѣло... Вы совсѣмъ не умѣете даму занимать: или говорите о своихъ скучныхъ и тупыхъ исторіяхъ въ госпиталѣ, или молчите.

Ваничка озабоченно посмотрѣлъ на браслетку — часы, осклабился, шаркнулъ ножкой и началъ откланиваться.

— Вы серьезно обидѣлись!

— Не обидѣлся ни-чуточки. У меня дѣла въ госпиталѣ...

— Нѣтъ, обидѣлись. Я просить васъ не буду. Какъ знаете! Всего хорошаго!

— Да, нѣтъ же! Нисколько!

— А если нѣтъ, такъ идемте гулять!

— Отлично, съ удовольствіемъ... съ громаднымъ удовольствіемъ.

— Впрочемъ, вы можетъ быть только такъ — потому что я просила? У васъ, вы говорили, дѣла въ госпиталѣ?

— Да-а... дѣло есть, но я...

— Не думаете ли вы, что мнѣ милость дѣлаете, если идете со мной?..

— Помилуйте, что вы!.. я очень, очень радъ!

— Идемте, надоѣло киснуть...

— Я сейчасъ приду, только одѣну шляпу и вуаль... Позвоните, пожалуйста, три раза... Позвонили?... Ну, вотъ хорошо! Теперь сидите паинькой. Я сейчасъ приду.

Они шли по улицамъ, захмѣлѣвшимъ отъ солнца. Вся природа истомленно чего-то ждала. Акаціи, прилкнувъ къ стѣнамъ, въ чемъ-то неустанно шептались; молодые тополи переговаривались молодыми листочками, и въ золотомъ насыщенномъ радостью воздухѣ—люди вырастали и казались оторванными отъ земли призраками.

Перетянутая ремешкомъ платья, Адочка шла очень серьезная, смотрѣла сосредоточенно внизъ, по временамъ останавливалась и играла зонтикомъ; иногда, мелькомъ, она взглядывала на Ваничку, поблескивала маленькими неглубокими зелеными глазками и шевелила тонкими змѣйками губъ.

Ваничка, немного влюбленный, радостный и безпечный, шелъ за нею, кося глазами, отдавалъ честь встрѣчнымъ офицерамъ; когда

Адочка останавливалась — останавливался и онъ, и — лицо его расплывалось въ улыбку: отъ солнца, радостнаго переполоха кругомъ и отъ чего-то, о чемъ онъ боялся думать и чего боялся желать...

. . . . . .

— Какъ вы крѣпко руку жмете!

— Простите!

— Зачѣмъ вы говорили вчера неправду?

— Я не помню.

— Стыдно, докторъ! Вамъ стыдно, потому вы и не помните.

— Нѣтъ, серьезно, Аделаида Алексѣевна, право не знаю въ чемъ провинился передъ вами?

— Я не о себѣ говорю. Вы отлично понимаете, только не хотите признаться. Папа говорилъ, что у васъ вчера въ пять часовъ никакихъ дѣлъ не было!.. Вы присочинили... Однако, что-же мы стоимъ! Не хотите ли пройти въ столовую? Вы любите о вашихъ больничныхъ дѣлахъ, иногда, съ мамой побесѣдовать... Я предполагала пойти погулять... Могу и одна, хотя мама и находитъ это неудобнымъ. Предлагаетъ пользоваться казенной лошадью, но я предпочитаю прогулку верхомъ.

— Я, тоже, люблю кататься верхомъ.

— Наконецъ-то мы сошлись во вкусахъ. Возьмемъ лошадей и поѣдемъ на дняхъ... Отлично! достаньте лошадей!.. Надо еще прежде маму спросить: позволитъ-ли? Мы мало знакомы...

IV

Кто-то оглушительно хлопнулъ, что-то скомандовалъ, и по залу закружились и поплыли крикливо-плачущіе напѣвы вальса. Поле зеленыхъ мундировъ шелохнулось и придвинулось къ бѣлому полукругу дамъ.

Кореневъ стоялъ въ толпѣ нетанцующихъ и тревожно обѣгалъ глазами залъ; наконецъ, нащупалъ въ бѣломъ цвѣтникѣ Адочку, пробился сквозь неповоротливо-упрямыя спины нетанцующихъ и, подпрыгивая и звеня шпорами, подлетѣлъ къ ней.

— Очень мало танцующихъ. Право не знаю, какъ ты думаешь, мамочка?

Кореневъ сконфузился: стоялъ, сгорбившись, мялъ въ рукахъ перчатки.

— Конечно, танцуй! Мы только для тебя и остались на танцы.

Адочка встала; медленно оправила тунику платья и положила руку на плечо своего кавалера. Онъ увлекъ за собою свою, обвитую воздушной массой тюля, даму, видѣлъ чуть опущенную къ его груди голову, чувствовалъ душистые красные волосы и залитую румянцемъ щеку. Въ зеркалѣ развѣвалось ея платье и мелькали ножки въ бальныхъ туфелькахъ. Въ ушахъ гремѣла музыка и все сливалось въ массу движущихся точекъ... Они двигались все быстрѣе, подчиняясь ритму звуковъ и экстазу движущихся тѣлъ. Ароматъ разгоряченнаго движеніемъ женскаго тѣла и отбившійся отъ прически локонъ пріятно волновали его... Звуки музыки замедляются, затихаютъ. Ваня

видитъ на своемъ плечѣ тонкую въ желтой замшѣ руку, беретъ ее въ свою и, пошатываясь отъ усталости и пріятнаго головокруженія, идетъ по залу черезъ послушно разступающуюся передъ ними толпу.

Танцы слѣдовали за танцами. Въ мазуркѣ —въ безконечной прелести серебряныхъ звуковъ—Ваня выходитъ изъ себя:—лихо катится по паркету, гремитъ шпорами, падаетъ на колѣни и опять плавно стремится впередъ, чувствуя послушную маленькую руку въ своей твердой неподвижной рукѣ.

Хлопнула пробка, радостно полилось золотыми струйками вино. Съ судорожно бьющимся сердцемъ и съ взволнованными лицами, они пьютъ маленькими глотками пѣнистое вино и радостно смотрятъ другъ другу въ лицо. Рядомъ съ ними движутся такіе же радостные и счастливые, отъ избытка молодости и любви, люди.

Послѣ бала Ваничка поѣхалъ провожать дамъ. Сидѣлъ напротивъ ихъ на маленькой откидной скамеечкѣ. Коляска мягко покачивалась и изрѣдка вздрагивала на выбоинахъ неровной мостовой. Адочка вскрикивала, хваталась за Ванины руки, сжимала его колѣни.

Больно стучала и приливала волнами кровь. Онъ краснѣлъ: ему было сладко и стыдно отъ ласки, боялся шелехнуться и судорожно сжималъ эфесъ своей сабли.

Коляска мягко катилась по тихому темному душистому парку. Ваня осторожно опустилъ руку, безъ перчатки, на горячія колѣни Ады. Ада дрожала и, когда говорила, голосъ ея обрывался.

— Ты легко одѣта, Ада!

— Мнѣ тепло, даже жарко. И такъ хорошо... Неправда-ли, докторъ?.. Что вы все молчите? — И она еще крѣпче сжала его колѣни, такъ что онъ чуть не вскрикнулъ отъ внезапной боли; и Ада, сорвавъ съ руки перчатку, влажной отъ волненія рукой, зажала ему ротъ.

— Пріѣхали... Вотъ досадно! Мамочка! Позвольте проѣхать еще немножечко, пожалуйста.

— Ты—сама не своя! Я и такъ боюсь, что ты простудишься. Не надо было такъ много танцовать и еще шампанское пили.

— Мамочка, я, кажется, всю ночь смѣяться буду... мнѣ весело, весело!..

Любовь

«Сидитъ у окна и смотритъ въ окошко на меня. Такъ и тянетъ въ окно поглядѣть, и все вижу его.

«Однажды встрѣтила его на улицѣ. Увидѣлъ меня, пошелъ за мной слѣдомъ. Нарочно прибавила шагъ; но онъ нагналъ меня. Смотритъ, не отрываясь. Я отвернулась, сдѣлала серьезное, озабоченное лицо... Долго шелъ, молча, наконецъ, заговорилъ, сперва нерѣшительно, потомъ смѣлѣе; объяснилъ, что понравилась ему и хочетъ познакомиться, потомъ прямо сказалъ, что любитъ меня.

« — Ахъ идите вы съ вашей любовью... тоже нашли дурочку. Вы студентъ, а я простая. Вы только посмѣяться надъ дѣвушкой хотите. Для васъ любовь забава, а для нашей сестры — горе. Довольно заботъ и безъ любви.

«А онъ все свое: — Я какъ васъ увидѣлъ, такъ, точно, знакомое лицо узналъ».

«Дня три не видѣла его. Пришелъ, однажды, въ мастерскую: изъ бѣлья что-то заказалъ. Говоритъ съ мадамъ, а глазами ищетъ

меня. Я какъ разъ въ магазинѣ дежурная была, какъ ни въ чемъ не бывало, мѣрку съ него сняла. Онъ стоитъ не дышитъ — красный отъ смущенія. Тоненькій былъ, да длинный. По таліи сантиметровкой прошла и лицо его увидѣла близко — розовое съ нѣжнымъ, чуть виднымъ, пушкомъ.

«Сунулъ мнѣ въ руку задатокъ, назвалъ свое имя и, какъ пьяный качаясь, ушелъ.

«Стало жалко мнѣ его. Искала съ нимъ встрѣчи, а онъ, какъ на зло, куда-то исчезъ. Сдѣлала шелкомъ красивыя мѣтки и заказъ рѣшила снести ему сама. Принарядилась. Перебѣжала улицу. Позвонила. Назвала его. Встрѣтила меня его хозяйка, повела по темному корридору и въ самомъ концѣ его показала на низкую дверь.

«Комната маленькая — повернуться тѣсно: у окна столъ, въ углу печка, межъ окномъ и печкой постель. Живетъ бѣдно, а заказываетъ бѣлье въ модной мастерской: послѣднія деньги кинулъ, только чтобы увидѣть меня. И съ лица худой — плохо живетъ, можетъ быть, голодаетъ.

«Не застала его: былъ на лекціяхъ. Оставила бѣлье и записочку. Квартирная хозяйка, выпуская меня, грубо сказала: «Художникъ, голь — третій мѣсяцъ за квартиру не плачено!»

«У молодыхъ дѣвушекъ мыслей много, а у меня была одна мысь: все о немъ, да о немъ. Очень жаль было, что не застала его; шла по лѣстницѣ внизъ — чуть не плакала.

«На слѣдующій день разсчитываться по счету пришелъ. До дверей провожать его пошла. Протянулъ мнѣ руку, задержалъ мою руку въ своей, тяжело дышалъ, говорилъ что-то безсвязное.

« — Идите скорѣй, неловко съ вами!» — съ трудомъ его выпроводила.

«Вечеромъ онъ ждалъ меня на улицѣ, на тѣневой малолюдной сторонѣ.

«Часто видѣлись, безъ малаго каждый день. Сидѣли до долгаго. Много и красиво онъ говорилъ. Любила я его слушать. Сяду на скамеечку у его ногъ, закину голову, — положу къ нему на колѣни и смотрю снизу вверхъ ему въ лицо, а, потомъ, потянусь руками, обниму его шею и притяну его губы къ своимъ. А онъ сердится, что не слушаю его, что у меня лишь любовь на умѣ и ничего нѣтъ серьезнаго.

«Въ церковь онъ не ходилъ, но надъ вѣрой не смѣялся. Начальства не признавалъ, но смутьяномъ не былъ. И, видно было, что никогда не былъ свободенъ, — всегда о чемъ-нибудь думалъ. Иногда читалъ мнѣ что-нибудь, иногда разсказывалъ — интересно, умно, но никогда не смѣялся — разсказываетъ смѣшное, а у самого глаза строгіе, серьезные; только, если на меня посмотритъ въ упоръ, сейчасъ же и улыбнется. А любилъ очень. Если бы, говоритъ, я бракъ признавалъ, непремѣнно на тебѣ женился бы, но бракъ могила любви, — любовь должна быть свободна. И я не хотѣла, чтобы онъ женился на мнѣ. Хоть молода была, но знала, что неравный бракъ — горе. Что я, кромѣ любви, могла бы

дать, и стыдно было бы ему за меня — неученую.

«Пришли, однажды, къ нему барышни съ курсовъ и нѣсколько его товарищей студентовъ. Онъ познакомилъ, посадилъ меня рядомъ съ ними. Мнѣ было страшно неловко... я не знала, что сказать и сидѣла, какъ на угольяхъ, никакъ не могла дождаться, чтобы они ушли. А онъ, какъ нарочно, обо мнѣ заговорилъ: сказалъ прямо, что любитъ меня и живетъ со мной. Барышни нисколько не застыдились, смотрѣли на меня открыто, ласково, спросили чѣмъ живу, гдѣ училась и о дѣтствѣ моемъ.

«Потомъ, съ одной изъ нихъ я даже сдружилась. Она объяснила мнѣ, что сама его любила и потому должна во всемъ мнѣ помогать.

« — Онъ мена не любитъ, — говорила она: — и не хочетъ ничего отъ меня. Я буду во всемъ вамъ помогать, буду васъ развивать, учить. Вѣдь отъ мужчины женщина не учится. Женщина удивляется уму мужчины, но не принимаетъ его цѣликомъ; превосходство его ума только свѣтитъ, но не грѣетъ. Между мужчиной и женщиной въ любви всегда соревнованіе: слушая вы не можете цѣликомъ уйти въ то, что онъ говоритъ, вы всегда чувствуете его. Не то между женщинами: никто не въ состояніи въ такой степени понять другъ друга, какъ женщина женщину.

«Любила я ее слушать. У него были экзамены; онъ читалъ и подготовлялся вмѣстѣ съ другими. Она же учила меня, читала мнѣ книги, заставляла меня думать, помогала моей

неокрѣпшей мысли—старалась думать рядомъ со мной.

«Когда экзамены кончились и мы опять подолгу сидѣли вдвоемъ, онъ замѣтилъ перемѣну во мнѣ, замѣтилъ, что его мысли не были мнѣ совершенно чуждыми, какъ раньше, что я старалась и въ состояніи была слѣдить за нимъ, иногда перебивала его, переспрашивала. Перемѣной во мнѣ онъ былъ очень доволенъ, но, со свойственной мужчинамъ близорукостью, не понималъ причины этой перемѣны и приписывалъ ее исключительно себѣ. Раньше мнѣ было тяжело съ нимъ на людяхъ, а теперь, наоборотъ, еще радостнѣй, потому что я замѣтила, что онъ гордился мною; я не чужалась больше и, не выставлля себя, заняла свое мѣсто, вошла въ ихъ общество, не была имъ чужой, какъ раньше. Мнѣ нравился въ ихъ товариществѣ свободный взглядъ ихъ на любовь и то уваженіе, которыми пользовалась въ ихъ глазахъ женщина. Не было никакой наигранности, фальши: сходясь, они оставались сами собою, не рисовались и не старались выставиться или показать себя въ извѣстномъ свѣтѣ, — держали себя свободно и просто. Также просто и естественно было и взаимоотношеніе между мужчинами и товарками-женщинами: мужчина не игралъ доминирующей роли, по праву и силѣ своего пола, и женщина не была покровительницей.

«Теперь часы въ масерской казались мнѣ скучными и нескончаемо длинными. Разсказы мастерицъ, пересыпанные двусмыслепными шуточками, были комками грязи на чистой пеленѣ моей души. Онѣ откуда-то узнали про

мою любовь и высмѣивали меня: имъ казалось страннымъ любить бѣднаго, — высмѣивали плоско, грубо, а я отмалчивалась.

«Вскорѣ я бросила мастерскую, переселилась къ нему, жила вмѣстѣ съ нимъ, въ его маленькой комнаткѣ. Утромъ, когда его не было дома, думала о немъ, шила или читала что-нибудь, выбирая болѣе понятное для меня изъ книгъ, лежащихъ грудой на полу. Когда онъ приходилъ, я уступала ему мѣсто на стулѣ, а сама перебиралась на постель, усаживалась поудобнѣе, подобравъ ноги, сидѣла молча, дышала тихо старалась ему не мѣшать: онъ читалъ сосредоточенно, углубленно. Потомъ я грѣла чай, собирала на столъ, ходила неслышными шагами. Онъ проглатывалъ пищу, отхлебывая чай, не отрываясь глазами отъ книги. Иногда машинально искалъ рукою карандашъ, дѣлалъ помѣтки, писалъ мелкимъ убористымъ почеркомъ, очень быстро.

Когда затихалъ шумъ города, и въ окнѣ показывалась, въ кольцѣ желтыхъ тучъ, маленькая бѣлая луна, онъ становился при чтеніи разсѣяннымъ и первый разъ съ приходомъ домой оборачивался ко мнѣ — и, разъ посмотрѣвъ на меня, уже не оборачивался къ книгѣ. Я садилась тѣсно рядомъ съ нимъ. Не ложились по долгу говорили въ неясномъ свѣтѣ, въ полутьмѣ. И это было самое хорошее, самое счастливое время моей жизни.

«Лѣтомъ онъ получилъ какое-то мѣсто, и мы уѣхали въ деревню. Гуляли вмѣстѣ, собирали цвѣты, бѣгали, рѣзвились и въ теченіе цѣлаго мѣсяца онъ не развернулъ ни разу книги, а я ничего не сшила.

«Мы часто уходили далеко въ горы. Въ облачномъ кольцѣ сверкали снѣжныя вершины, а кругомъ насъ массой холмистыхъ складокъ высился и падалъ ликующій зеленый кругъ. Мы садились гдѣ-нибудь въ тѣни деревьевъ, около жалующагося и нѣжно-рокочущаго по камнямъ ручья.

«Въ домѣ, гдѣ мы жили, были дѣти красивыя, какъ и всѣ южане,— курчавыя, черноволосыя, съ темными на выкатѣ глазами. Когда уходилъ на работы, я играла съ ними. Они полюбили насъ, и часто мы гуляли всѣ вмѣстѣ; играли съ дѣтьми и сами становились, какъ дѣти.

«Онъ опивался кумысомъ, поздоровѣлъ, и когда мы вернулись въ столицу, товарищи не узнали его.

«Въ этомъ году онъ долженъ былъ кончить и у него было очень много работы. Меня онъ тоже посадилъ за работу — переписывать лекціи. Кромѣ того я должна была много шить, чтобы зарабатывать деньги, которыхъ было очень мало. Чтобы больше заработать и дать ему кончить курсъ безъ голодовокъ - какъ это онъ дѣлалъ раньше, когда въ зимнее время негдѣ было найти работы,—я опять поступила въ мастерскую. — Меня, попрежнему, высмѣивали, но шутки мастерицъ не задѣвали меня— я какъ-будто не замѣчала ихъ, — какъ-будто вся эта жизнь была не рядомъ, а далеко за мною.

«Когда онъ кончилъ, я уѣхала съ нимъ вмѣстѣ въ маленькій уѣздный городокъ. Мы сняли маленькій домъ, особнякъ. Жили очень замкнуто. Я не была его женой и потому на

насъ косились, смотрѣли свысока, не кланялись. Было скучно въ этомъ городѣ съ маленькими домиками, съ облупленной штукатуркой и вѣчно-закрытыми ставнями.

«Онъ уходилъ на цѣлый день и приходилъ усталый поздно вечеромъ. Теперь у насъ были средства; но я все дѣлала сама. Я привыкла къ сидячей жизни; бѣготня по дому и въ городъ утомляла меня. Невольно вспоминалась студенческая жизнь съ ея бѣдностью и простотой. Здѣсь я все время была одна, какъ въ тюрьмѣ. Если бы у меня была любовь къ отвлеченности, къ книгѣ, какъ у него, это навѣрное облегчило бы еще вынужденное одиночество въ засыпанномъ снѣгомъ и скукой городѣ.

«Только съ весной проснулась въ моей душѣ жизнь, но это была послѣдняя счастливая весна. Жизнь провинціальнаго города начала понемногу втягивать его. Иногда онъ не приходилъ домой вечеромъ и оставался въ городѣ до ночи. Я становилась съ каждымъ днемъ нервнѣе: чего-то боялась и чего-то ждала. Однажды мы о чемъ-то поспорили, и онъ первый разъ разсердился на меня, заговорилъ такъ, что каждымъ словомъ какъ-бы сдиралъ кожу съ моего сердца. Потомъ, не кончивъ спора, махнулъ рукою и ушелъ къ себѣ.

«Мнѣ казалось, что при теперешней его жизни я стала для него лишнею. Я не разсуждала, а какъ то внезапно, не вдумываясь, рѣшила, что мнѣ надо разстаться съ нимъ. — Не прощалась, была въ послѣдній вечеръ совершенно обыкновенною—а утромъ, не сказавшись, уѣхала.

«Онъ не искалъ меня и не звалъ меня, и я не раскаивалась въ своемъ поступкѣ.

«Все же я благодарна ему. Онъ развилъ меня, вырвалъ изъ сѣрой, скучной среды, стряхнулъ,— и теперь, хотя я и одна, но жизнь не представляется мнѣ болѣе замкнутымъ кругомъ, какимъ она была для меня раньше...»

ОГЛАВЛЕНІЕ

	Стр.
Обнаженная	3
Поэма слезъ	34
Обреченные	47
Сестра	119
Одуванчики	153
Любовь	175